

5
1967

**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ**

● Приключения
и фантастика

● Рассказы
бывалых людей

● Мечты
современников

ЛИТЕРАТУРНО-
художественный
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

● Занимательное
краеведение

● Следопытские
дела

● Даем адреса
романтикам

● О подвигах,
о доблести, о славе

КАК РОЖДАЮТСЯ ПЕСНИ

ОРЛЕНОК

В течение последнего года я работал над книгой об истории советских песен. Мне пришлось стать следопытом, разыскивать свидетельства и свидетелей, беседовать со своими старыми товарищами — поэтами и композиторами.

На эту тему я набрел вот как.

Я получаю много писем от школьников и пионеров. Они просят рассказать истории создания некоторых моих песен. Читатели (если применительно к песне можно употребить это слово) сообщили мне много интересного. Выступив по радио и в журналах с рассказами о своем творчестве, я почувствовал, что еще интересней для меня — узнавать о жизни песен моих товарищей, раскапывать историю старых революционных и первых советских песен.

Результатом этого поиска и явилась книга «Пятьдесят твоих песен». Шесть коротких историй из этой будущей книги предлагаю читателям «Уральского следопыта».

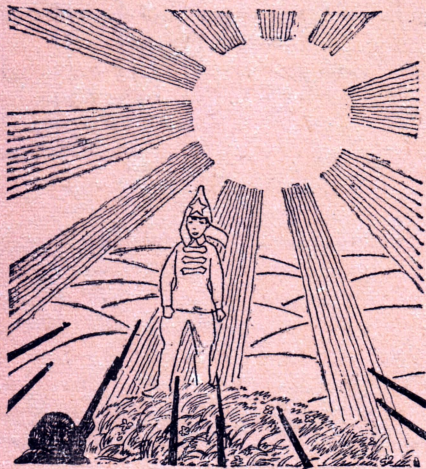
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

Я всегда был уверен, что песня «Орленок» писалась поэтом в два приема, а может быть, и больше. Поющие не замечают этого. Хорошо, что не замечают — значит, песня создает образ, вызывает большое волнение, воспринимается как целостное произведение искусства, и нет ни нужды, ни желания рассматривать ее в деталях.

Почему я считал эту песню дважды написанной?

Украинское слово **хлопцы** сразу определяет место действия. Добавим еще **степи, ковыльные степи**. Конечно же, это Украина.

Но вот герой обращается к орленку — **лети на станицу**. Это уже донские степи, кубанские, если **станица**. Но **станица** не разбивает создавшегося в сознании образа — в донских станицах да и на Кубани сливаются русская и украинская речь, и слово **хлопцы** вполне на месте. 1

ОРЛЕНОК

Орленок, орленок,
 Взлети выше солнца
 И степи с высот огляди.
 Навеки умолкли веселые хлопцы,
 В живых я остался один.
 Орленок, орленок,
 Блесни опереньем,
 Собою затми белый свет.
 Не хочется думать о смерти, поверь мне,
 В шестнадцать мальчишеских лет.
 Орленок, орленок,
 От сопочной кромки
 Гранатой врагов отмело.
 Меня называли в отряде орленком,
 Враги называют орлом.
 Орленок, орленок,
 Мой верный товарищ,
 Ты видишь, что я уцелел.
 Лети на станицу, родимой расскажешь,
 Как сына вели на расстрел.
 Орленок, орленок,
 Товарищ крылатый,
 Ковыльные степи в огне.
 На помощь спешат комсомольцы-орлята,
 И жизнь возвратится ко мне.
 Орленок, орленок,
 Идут эшелоны,
 Победа борьбой решена.
 У власти орлиной орлят миллионы,
 И вами гордится страна.

Но строчка от **сопки солдат отмело** сразу переносит нас в другие края. Ни на Украине, ни на Дону, ни на Кубани не называют возвышенность сопкой. Курганом, холмом — да. Но сопка — слово дальневосточное. В словаре Даля оно характеризуется как сибирское и камчатское речение.

Даль утверждает, что раньше сопками называли небольшие вулканы (у него еще написано «волканы»), а потом стали именовать так всякую возвышенность.

В 1904 году появился вальс «На сопках Маньчжурии», но позже, в песнях гражданской войны, да и вообще в художественной литературе двадцатых годов слово **сопка** не звучало, видимо, казалось слишком местным речением, либо применялось только по отношению к вулканам. Постепенно слово это приобретало, так сказать, всесоюзное звучание и к 1936 году утвердилось. Дальневосточные события, пограничные инциденты, спровоцированные японскими самураями, направляли внимание нашего народа к Дальнему Востоку. Там японские солдаты нападали на наши заставы.

Солдаты... А было ли это слово ходовым в гражданскую войну? Нет! Доказательства? Пожалуйста, пусть свидетельствуют песни.

В дальневосточной партизанской — «разгромили **атаманов**, разогнали **воевод**» (или еще «**всех господ**»), в другой песне — «белая **армия** — **черный барон**». В песне, сочиненной одним из комиссаров Первой Конной П. Бахтуровым, «Конница лихая» битву дают **буржуям**, **кулакам**, царским **холопам**, **палачам**. А слово **солдат** не употребляется. Оно как бы осталось в окопах первой мировой войны, в декретах и воззваниях юной Советской власти. По отношению к врагу это слово стало звучать лишь в тридцатых годах, и именно в связи с тем, что японские солдаты лезли на наши границы.

Я пришел к выводу: песня писалась сперва на сюжет из гражданской войны на Украине, а позже в одну из строф проникли мысли о событиях на Дальнем Востоке.

Интересно, что недавно поэт Яков Шведов, автор «Орленка», подтвердил справедливость моих предположений.

«Орленок» писался Яковом Шведовым и композитором Виктором Белым для спектакля «Хлопчик», готовившегося в 1936 году к постановке в театре имени

Моссовета. В спектакле была сцена в тюремной камере — молодые красноармейцы попали в руки белополяков (обратите внимание: белополяков, а не каких-то неопределенных солдат). Обращение человека из-за решетки к вольной птице — традиционное в поэзии, идущее еще от пушкинского «Узника».

В спектакле пелись лишь четыре строки:

Орленок, орленок, могучая птица,
Лети ты в далекий мой край,
Там мама-старушка по сыну томится,
Родимой привет передай.

Вот эти четыре строки — всего лишь фрагмент спектакля, цитата из недописанной песни — вдруг запелись. И пришлось поэту и композитору дописывать песню.

Музыка уже была, образ, составляющий основу песни, уже существовал, он был задан спектаклем.

Как я и предполагал, на листке бумаги происходила борьба между сюжетом, продиктованным пьесой об украинском хлопчике в гражданскую войну, и волнованными в те дни, в 1936 году, всех людей событиями на Дальнем Востоке. Короче говоря, поэту очень хотелось написать современную песню, но его сдерживали сюжет пьесы и то, что песня должна была запеться именно в театре.

Вот как проникли в песню «Орленок» **сопка и солдаты**.

Как это уже не раз бывало с героями песен, шестнадцатилетний герой «Орленка» по мере распространения песни становился все более реальной и даже исторической фигурой. Почему это происходило? Потому, что в красноармейских первых отрядах много было таких вот мальчишек и называли их орлятами. И уже не имело решающего значения место действия — сопка или курган, степь или горы. Самоотверженность, вера в победу, волнение за судьбу героя — все это шло из песни к людям. И «Орленок» завоевывал сердца в те далекие довоенные времена.

Песню пели многие артисты, а потом она стала звучать на комсомольских собраниях и пионерских линейках. Когда песню поют все, артисты перестают ее петь. Зачем, мол, петь, если песню и так все знают. Но певец Александр Окаемов слишком любил эту песню, чтоб исключить ее из своего репертуара.

Александр Окаемов летом 1941 года вступил добровольцем в народное опол-

чение. Осенью того же года ополченцы с Красной Пресни попали в окружение. Пропал без вести красивый и милый человек, певец, ставший воином.

На протяжении последующих восемнадцати лет об Александре Окаемове ничего не было известно. Кто-то пустил слух, что певец поступил на службу к врагу. Все, кто знал Окаемова, не верили этому.

Наша вера в чистоту пропавшего без вести товарища недавно получила документальное подтверждение. Оказавшись на оккупированной территории, Александр Окаемов стал подпольщиком. Его предали. Гестаповцы требовали, чтобы он выдал своих товарищей, обещали за это сохранить жизнь. Певец-патриот, конечно, отказался отвечать на допросах. Зимней ночью его, избитого, босого, вывели на расстрел. Окаемов запел «Орленка».

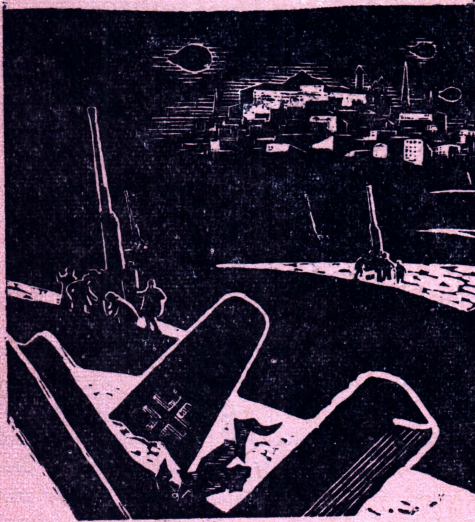
Рассказ о том, как верного сына Родины вели на расстрел, дошел до нас, долетел с таким опозданием, а все же долетел благодаря поискам, проведенным директором Кричевского краеведческого музея Мельниковым. От доброго имени Саши Окаемова была отогнана тень, а песня об орленке приобрела еще одну трагическую и высокую ноту.

Орленок — один из немногих литературных героев, которому поставлен памятник (на Урале, в Челябинске).

МОЯ МОСКВА

Я возвращался домой из дальней, не очень длительной, но долгой, потому что дальней, командировки. Пусть не с той очевидностью, как это представилось космонавтам, но все же и мне за сутки полета планета наша виделась как шар. Были на ней и моря, и океаны, и джунгли, и пустыня Сахара, и европейский материк, со странами, проносившимися под крыльями самолета всего за несколько минут...

Небо на редкость безоблачно, земля хорошо видна с десятикилометровой высоты. Как-то неожиданно исчезли зеленые маленькие квадратные поля, и планета внизу побелела, стала похожа на очень скупую намеченную гравюру. Это были наши русские снега, желанные и удивительные, напомнившие, что уже ноябрь на исходе. Тому, кто возвращался на родину **3**

МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но Москвою привык я гордиться,
И везде повторяю слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлевских курантов бой.

В городах и далеких станицах
О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

издалека, знакомо волнение, которое охватило меня. Преодолеть его невозможно, да и не хочется преодолевать. Может быть, оно близко чувству Родины, является его неизменным проявлением.

Подумалось, что если бы это был поезд, то сейчас транслировали бы песни о Москве, а в окнах мелькали бы дачные знакомые платформы — Снегири или Жаворонки, Люберцы или Люблино. Я люблю эту трансляцию песен, когда поезда дальнего следования подходят к Москве. Подумалось: какую бы песню сейчас, в этот момент, мне особенно хотелось услышать? И я невольно стал повторять про себя: «Дорогая моя столица, золотая моя Москва».

Зажглись сигналы «не курить», бортпроводница на нескольких языках сказала, что мы пошли на посадку.

Мы вышли на заснеженную московскую землю, но сама Москва была еще вдаль, и автобус, казавшийся после самолета черепахой, повез нас в столицу.

На двадцать третьем километре Ленинградского шоссе я увидел в сумерках какие-то огромные странные геометрические фигуры, вернее — сочетания фигур, напомнившие отдаленные десятилетиями времена обороны Москвы. Это противотанковые ежи, — подсказала память. — Ты видел их на улицах своего родного города в январе 1942 года, когда впервые приехал с фронта на побывку...

В памяти еще держался мотив, какие-то слова песни, возникшей в самолете. Автобус остановился, мы вышли на хрусткий снежок, и тут я понял, что это не видение военного времени, а новый памятник — его не было, когда я уезжал. Как я узнал позже, памятник создали комсомольцы — зодчие, скульпторы и строители к 25-летию разгрома немецко-фашистской армии под Москвой.

На барельефе, как продолжение моих мыслей, я прочитал слова:

И врагу никогда не добиться,

Чтоб склонилась твоя голова.

Это были строки из заключительной строфы той самой песни...

Ее авторы — поэт Марк Лисянский и композитор Исаак Дунаевский.

Интересно вспомнить, что песня эта, одна из самых проникновенных песен о Москве, сочинена не москвичом. Марк Лисянский провел юность в городе Нико-

лаеве, на Буге, потом жил в Ярославле — оттуда его и призвали в армию.

Песня, вернее, стихотворение было написано не раньше второй половины ноября 1941 года, — ведь о подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев стало известно именно в эти дни. Проездом из Ярославля на фронт в Москве оказался младший лейтенант Лисянский. Грузовик, на котором ехал младший лейтенант, остановился в центре Москвы, на площади Пушкина, у самой вывески: «Редакция журнала «Новый мир». Младший лейтенант взбежал по лестнице, вручил секретарше от руки переписанное стихотворение, начинавшееся строкой: «Я по свету немало хаживал» и поспешил вниз, чтобы не опоздать к отчаливающему грузовику. В десятом или одиннадцатом номере «Нового мира», вышедшем в декабре 1941 года, стихотворение было опубликовано.

Вскоре молодой поэт услышал, как красноармейцы поют под гармонь песню о Москве. Но кроме его слов было в песне незнакомое восьмистишие.

Позднее стало известно: музыку прямо на полях того номера журнала написал знаменитый композитор Дунаевский. Но Дунаевскому показалось, что нужна еще одна строфа, ее сочинил по просьбе композитора режиссер С. Агранян. Строфа эта по своему содержанию оказалась временной, а по характеру — выпренной («Здравствуй, город великой державы»), ее давно уже не поют, и песня звучит в своем первоначальном виде.

Итак, слова из этой песни отчеканены на постаменте оригинального памятника, высящегося на месте, где — так близко от Москвы — был остановлен враг. Песне уже больше четверти века. Она всегда приходит мне на память, когда возвращаюсь в столицу из дальних краев. И, знаю, — не мне одному. Наверное, прямые ассоциации вызывает первая строчка: «Я по свету немало хаживал», а все, что говорится дальше, так близко и дорого советским людям всех поколений.

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Великая Отечественная война... Люди старшего поколения помнят страшные дни наших военных поражений, горечь отступления. Заветная щепотка

земли, заветный камешек... Не суеверие, а неистребимая вера в победу заставляли нас брать их с собой, когда мы отходили на восток. Их носили на груди под выцветшей гимнастеркой, под полосатой тельняшкой.

Одной из самых героических и самых драматических страниц Великой Отечественной навсегда останется оборона Севастополя.

Еще в октябре сорок первого года фашистская армия ворвалась в Крым. Много раз пытались враги взять город, но он держался как герой. Морские подступы к городу были блокированы, с трудом и огромными потерями пробивались к городу корабли, но Севастополь не сдавался. Моряки, пехотинцы, граждане города сражались до последнего патрона. До третьего июля 1942 года Севастополь отбивал атаки врага. Фашистская пехота по количеству вдвое превосходила защитников города. Сотни самолетов непрерывно бомбили клочок земли. И только по приказу командования третьего июля 1942 года севастопольцы оставили город, превращенный в груды белого камня.

Вместе с защитниками Севастополя бок о бок сражались поэты и композиторы. Именно здесь еще в сорок первом году встретились поэт Александр Жаров и композитор Борис Мокроусов — оба они были тогда офицерами Военно-Морского флота.

Здесь начали они работу над песней о черноморцах — балладой о матросе. Но песня осталась лишь в черновиках.

Трагический уход последних защитников Севастополя превратился в легенду. На фронтах и в тылу рассказывали о том, как моряк, на последнем баркасе покидавший черноморскую твердыню, взял с собой белый камешек и поклялся вновь придти на этот берег, вновь положить камень на Херсонесский мыс.

Эта история столь же достоверна, сколь и вымышленна. Вряд ли можно отыскать того моряка, о котором в ней говорится. Но можно найти десятки и сотни героев, вот так же, как этот моряк, покидавших Севастополь и клявшихся вернуться.

Александр Жаров услышал эту севастопольскую легенду уже на Северном флоте.

В 1943 году, вновь встретившись с Борисом Мокроусовым, поэт предложил ему завершить работу над песней, нача-

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря.
И грозный, соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал.
В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.
Друзья-моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая.
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —
Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.
Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью носить его будет.
Он первым в любимую бухту вернется
И клятвы своей не забудет.
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем.
Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,
Он русскою кровью омыт».
Сквозь бури и штормы прошел этот камень,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилось спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,—
Кто Родине новую славу принес.
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

той в Севастополе. Сюжет песни был уже совершенно ясен, его как бы обточили, сформировали эти годы сражений и тысячи человеческих судеб, для которых примером и образцом оставалось героичество защитников Севастополя.

Александр Жаров рассказывает, что в тогдашнем виде заключительная строфа песни выглядела иначе, не так, как ее поют ныне. Об освобождении Севастополя, о возвращении говорилось в будущем времени.

Сквозь бури и штормы пройдет этот
камень

И станет на место достойно...
Знакомая чайка помашет крылами,
И сердце забьется спокойно.
Взойдет на утес черноморский матрос,—
Кто Родине новую славу принес.
И в мирной дали
Пойдут корабли
Под солнцем родимой земли.

Севастополь был освобожден девятого мая 1944 года — за год до победного окончания Великой Отечественной. По свидетельству автора песни, он вошел в город с первыми частями и услышал здесь ставшую уже к тому времени известной песню «Заветный камень».

По просьбе освободителей Севастополя поэт перевел последнюю строфу из будущего времени в настоящее, и она зазвучала так:

Сквозь бури и штормы прошел этот
камень,

И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилось спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос,—
Кто Родине новую славу принес.
И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

Так песня поется ныне. Мне знакомо и понятно это желание победителей переделать песню тяжелых времен, отразить в ней победу. Вот и моя «Песня о Днепре» подверглась таким же изменениям. Я писал, что враг захлебнется водой Днепра. После форсирования этой реки стали петь: «Захлебнулся он той водой».

А все же мне дороги первые варианты песен жестокого времени — и по музыке, и по стихам они звучат именно как надежда, вера в победу. И, наверно, было

бы правильнее, когда песни эти стали историей, публиковать их в первоначальном виде. О победе мы узнали из других песен. «Заветный камень» была песней веры в победу.

КОМСОМОЛЬЦЫ — ДОБРОВОЛЬЦЫ

Когда мне было восемнадцать лет, в Москве начиналось строительство метро. Стройка эта была увлекательной, заманчивой и таинственной: нам представлялись глубокие подземелья, где прокладка туннелей похожа на поиски клада. Московский комсомол объявил призы добровольцев.

Мне посчастливилось: я был зачислен в бригаду Николая Краевского, которую по нынешней терминологии назвали бы бригадой коммунистического труда, а тогда называли просто ударной. Мы не только находились вместе под землей, но и вместе жили, вместе ходили на аэродром прыгать с парашютом, а театры атаковывали только культпоходами.

Я тогда начинал писать стихи, и бригада считала меня своим поэтом, а сочинения мои — как бы частицей нашей общей выработки.

Бригадир однажды дал мне несколько необычное задание: написать песню добровольцев-строителей. Композитора не было, и пришлось использовать знакомый всем мотив. Позже, в годы войны, мне не раз приходилось пользоваться этим методом, подбирать новые слова на известную мелодию, чтобы сразу могли запеть.

Я вспомнил мелодию «Дальневосточной» и написал:

Придя сюда по зову комсомола,
Мы знаменитый выстроим туннель!

И эту песню запели на всех шахтах — от Сокольников до Парка культуры. Участники строительства первой очереди метро и поныне помнят эту песню, запевают ее в день своих традиционных встреч, проводимых раз в году на том месте, где стоял копер нашей шахты, а теперь возвышается памятник Карлу Марксу.

Но меня эта песня не радовала. Она привязана к мотиву другой песни, следовательно — несамостоятельна. Очень хотелось написать песню добровольцев настоящей, не похожую на другие песни.

Но написал я ее лишь... через четверть века.

В пятидесятые годы я работал над романом в стихах «Добровольцы» — о тех годах и о тех людях, что запомнились навсегда. Мои товарищи по метростроевской бригаде были прототипами героев романа. Действительно, жизнь их сложилась очень интересно. Они строили, учились, воевали. Те, кто остался жив, — ныне известные мастера туннелестроения, летчики, ученые. Один мой товарищ, тот, что был моим напарником, когда катали к стволу груженные вагонетки, остался рабочим. Он сейчас бригадир одной из лучших бригад, награжден многими орденами. При встречах шутит: «Берегите меня, я единственный среди вас представитель рабочего класса!»

Очень хотелось мне включить в роман песню добровольцев, но ей не находилось места. Роман вышел в свет. Однажды мне позвонил кинорежиссер Юрий Егоров, с которым я не был знаком. Он предложил написать по роману сценарий и поставить фильм.

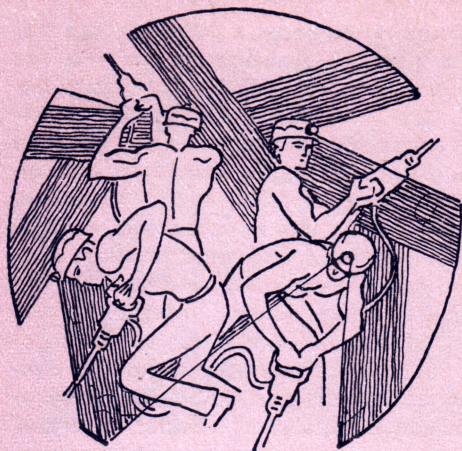
В первом же разговоре, «прицельном» и предварительном, Егоров сказал, что не мыслит себе фильм без песни добровольцев. Это решило все: я почувствовал возможность осуществить свою давнишнюю мечту.

Музыку к фильму писал композитор Марк Фрадкин, мой старый товарищ, с которым мы встретились еще в 1941 году и написали тогда трагическую «Песню о Днепре», а потом еще много военных и лирических песен.

Должен признаться, что песня комсомольцев-добровольцев далась мне очень трудно. Вероятно, я слишком хорошо знал материал, как бы уже отработал его сердцем, ничего нового не мог извлечь из круга образов и представлений о комсомольцах тридцатых годов. Меня выручило, пожалуй, желание написать песню о людях тех прошедших лет, но такую, чтобы сегодняшние и завтрашние комсомольцы полагали, что это песня о них.

Если песня пишется для фильма, это всегда и облегчает и усложняет работу ее создателей. То, что называется «зрительным рядом», помогает «усвоению» песни. Но в то же время «зрительный ряд» и отвлекает.

В фильме «Добровольцы» песню пели на комсомольском собрании в момент 7

КОМСОМОЛЬЦЫ- ДОБРОВОЛЬЦЫ

Хорошо над Москвою-рекой
Услышать соловья на рассвете.
Только нам по душе непокой,
Мы сурового времени дети.
Комсомольцы-добровольцы!
Мы сильны нашей верною дружбой.
Сквозь огонь мы пройдем, если нужно,
Открывать молодые пути.
Комсомольцы-добровольцы!
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной,
Только так можно счастье найти.
Поднимайся в небесную высь,
Опускайся в глубины земные.
Очень вовремя мы родились.
Где б мы ни были — с нами Россия!
Лучше нету дороги такой,
Все, что есть, испытаем на свете,
Чтобы дома над нашей рекой
Услышать соловья на рассвете.
Комсомольцы-добровольцы!
Мы сильны нашей верною дружбой.
Сквозь огонь мы пройдем, если нужно,
Открывать молодые пути.
Комсомольцы-добровольцы!
Надо верить, любить беззаветно,
Видеть солнце порой предрассветной,
Только так можно счастье найти.

высокого душевного подъема, пели под Мадридом советские летчики-добровольцы. Надо было очень осторожно подобрать слова, чтоб они не оказались назойливыми,— ведь люди поют о себе.

Бывает, что вышедший на экраны кинофильм сразу приносит людям песню. Но более типично, когда песня из фильма медленно внедряется, постепенно, в течение нескольких лет входит в жизнь разных людей.

Так было и с этой песней. Ее запели года через два после выхода кинокартины.

На одной из ежегодных метростроевских встреч мои старые товарищи вместо песни «Придя сюда по зову комсомола» запели: «Комсомольцы-добровольцы, мы сильны нашей верною дружбой». А один из туннелестроителей стал вспоминать, что на шахте «Охотный ряд» он певал эту песню, а потом немного подзабыл ее, хорошо, что теперь напомнили. Я не стал его разубеждать.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ

Эта песня шестидесятых годов, но зародилась она гораздо раньше, и история ее насчитывает... более тридцати лет.

В 1928 году четырехлетний мальчик сочинил (написать он не мог, видимо, лишь произнес) несколько фраз, начинавшихся поразившим его словосочетанием **пусть всегда**.

Строго говоря, мальчик и не думал, что у него получились стихи. Он просто повторял начало фраз, как бы выстраивал свои мысли, свое первое осознание окружающего мира.

Маленький человек жил в утренней стране, и таким светлым, таким утренним мироощущением наполнено его как бы само собой возникшее сочинение:

Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я.

Эти удивительные строки, записанные кем-то из взрослых, попали в руки Корнея Ивановича Чуковского, выпускавшего тогда свою, ставшую вскоре знаменитой книгу «От трех до пяти». Чуковский в течение многих лет собирал и записывал

детские разговоры, фразы, сочинения. Эта необычная коллекция оказалась не только сборником забавных слов, словообразований, разговоров, но и интереснейшим свидетельством формирования человека и научным трудом по детской психологии.

Эта песнь о солнце, о мире, о любви и достоинстве, спетая четырехлетним гражданином молодого советского государства, всегда обращала на себя внимание читателей книги «От трех до пяти».

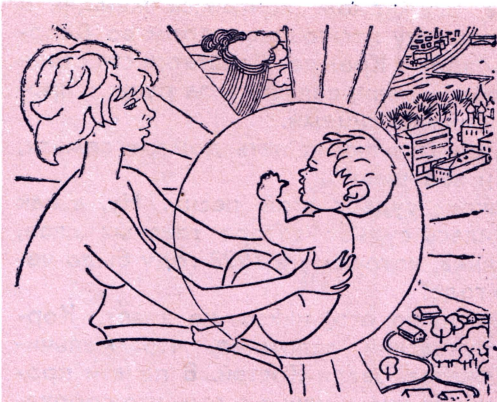
Художника Кокорекина эти строки вдохновили на создание первомайского плаката. Плакат с этими словами имел большой успех.

Увеличенный во много раз плакат Кокорекина украсил демонстрацию 1960 года на Красной площади в Москве. Здесь заметил его композитор Аркадий Островский. Ему не приходилось читать эти строки раньше, и они поразили его. Он предложил своему старому товарищу и постоянному соавтору поэту Льву Ошанину написать текст, используя строки первомайского плаката как припев. Ошанин сначала отказался: детские песни у него не получаются. Но Островский настаивал. Это, говорил он, вовсе не детская будет песня, а песня для всех возрастов, утверждающая, что этот детский рисунок и слова ребенка и есть выражение тех мыслей и чаяний, которые волнуют всех советских людей.

Много пришлось потрудиться поэту, чтобы найти, казалось бы, самое простое решение: рассказать, что мальчик сделал рисунок, снабдил его надписью и что эта надпись выражает очень дорогую всем мечту о мире. Островский сочинил музыку. Припев, остающийся главным в песне, лишь чуть видоизменен — первая и вторая строфы поменялись местами.

Песня получилась.

Какая же она? Детская? Да, ее поют дошкольники и октябрята. Но эта мелодия звучит в трубах оркестров на Красной площади как марш во время военных парадов. А на фестивале эстрадной песни в польском городе Сопоте, где демонстрировались изысканнейшие произведения для джазов, отобранные в порядке конкурса во многих странах, советская песня «Пусть всегда будет солнце» заняла первое место — не только по единогласному решению международного жюри, но и по громовому успеху у многотысячной аудитории.

ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ СОЛНЦЕ

Солнечный круг,
Небо вокруг —
Это рисунок мальчишки.
Нарисовал он на листке
И подписал в уголке:
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

Милый мой друг,
Добрый мой друг,
Людам так хочется мира.
И в тридцать пять сердце опять
Не устает повторять:
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

Тише, солдат,
Слышишь, солдат!
Люди пугаются взрывов.
Тысячи глаз в небо глядят,
Губы упрямо твердят:
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

Против беды,
Против войны
Встанем за наших мальчишек.
Солнце навек! Счастье навек! —
Так повелел человек.
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

На Всемирном конгрессе женщин в 1963 году эту песню пели хором во Дворце съездов в Кремле. Делегатки ста стран и народов пели, взявшись за руки, с просветленными лицами.

А еще ее любят петь дома, в семьях, тихо и задумчиво.

Такова судьба этой песни. Ну, а как сложилась судьба автора главных слов, мальчика, которому в 1928 году было четыре года?

Фамилию его никто не знает. Корней Чуковский вспомнил, что мальчика, кажется, звали Костей. В печати промелькнуло упоминание о том, что сорокалетний автор слов «Пусть всегда будет солнце» стал инженером, работает на одном из уральских заводов и не желает объявляться теперь как автор детских слов. По другой версии, Костя двадцатилетним погиб на фронте.

В наше время широко развернулось пионерское движение «красных следопытов». Достойная задача для следопытов — разыскать автора знаменитых слов, найти о нем достоверные сведения.

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ

Пожалуй, советские люди никогда не зададут друг другу такой вопрос. Его не существует в нашей жизни, ответ на него для нас столь разумеется сам собой, что и спрашивать не надо.

Этот вопрос — первая строка широко известной песни — нечто подобное коллективному ответу всего народа нашего. Кому? Тем, кого мы называем поджигателями войны? Ну, и им конечно. Но какой бы силой они ни обладали, их ничтожно мало по сравнению с населением земного шара. И стоит ли обращаться с песней к поджигателям войны?

Нет, эта песня не для атомных маньяков, их песней не проймешь.

Немало поездив по белу свету, я убедился в том, что существуют миллионы, многие миллионы людей, которые этот вопрос задают, вовсе не являясь нашими врагами. Живя в капиталистическом мире, они очень мало знают о нашем народе, о нашей стране. Газеты, радио да и просто слухи и сплетни, очень умело распространяемые врагами мира, постоянно воздействуют на них. Есть на земном ша-

ре злые силы, не жалеющие долларов на то, чтобы в ложном свете изображать советскую жизнь, пугать и обманывать народы своих стран.

Поэт Евгений Евтушенко побывал в Соединенных Штатах, во многих странах Западной Европы. Он воочию убедился в том, как мало знают на Западе о нас, о нашей жизни. Не раз слышал он один и тот же вопрос: хотят ли русские войны? И он ответил на этот вопрос стихотворением, сделав зачином каждой строфы ту самую фразу, которая сперва казалась такой наивной.

Стихотворение складывалось постепенно в дороге, поэт привез его из-за рубежа осенью 1961 года. Он показал его композитору Эдуарду Колмановскому, искавшему стихи для песни. В то время композиторы соревновались за право участвовать новой песней в торжественном концерте, посвященном приближающемуся XXII съезду Коммунистической партии.

Накануне партийного съезда прозвучало несколько новых песен. Среди них — песня с несколько странным для нас названием: «Хотят ли русские войны».

Не прошло и года, как эта песня стала известна повсюду. Советские люди приняли ее как достойное выражение своих мыслей, как общий наш ответ. В 1962 году на конгрессе за всеобщее разоружение и мир в Москве делегаты со всех континентов получили пластинки с этой песней — на английском, французском, немецком и испанском языках.

Удивительную историю, связанную с этой суровой песней, рассказал на страницах журнала «Пионер» писатель и моряк Александр Иванченко (№ 5, 1963 г.). Зафрахтованный английской фирмой советский пароход зашел в один из портов Южно-Африканской Республики — Уолфиш Бей. В этом маленьком городе правят белые расисты. Там осели после второй мировой войны беглые гитлеровцы и прочий сброд. Они столпились на пристани, орали «Хайль Гитлер!».

Африканцы по-иному встречали советский пароход. Усыпав крыши портовых пакгаузов, толпа настоящих хозяев, находящихся в положении рабов, запела, чтоб заглушить крики фашистов. Они пели без слов — одну мелодию песни «Хотят ли русские войны». Расисты вызвали полицейских. Они начали поливать африканцев нефтью из брандспойтов. Люди за-

хлебывались, но разбить песню не удалось. Песня победила.

А вот еще одно свидетельство того, что эта песня — настоящий борец за мир. В 1963 году Краснознаменный ансамбль совершал большую поездку по странам Европы. Когда люди в фуражках и гимнастерках армии, водрузившей знамя на рейхстаге, пели «Хотят ли русские войны», — это вызывало шквал аплодисментов. Так было во Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии.

И вот ансамбль Советской Армии прибыл в Лондон. Перед выступлением в Альбертсхолле стало известно, что власти запретили исполнение «Хотят ли русские войны».

Это звучит как анекдот, но краснознаменцам было не до смеху. После долгих споров запрет был снят, и песня прогремела со сцены Альбертсхолла.

Песню поют знаменитая немецкая актриса Марлен Дитрих, исполнитель американских народных песен Джимми Макдональд.

Так эта песня «трудится» за рубежом.

Но и в нашей стране она прочно вошла в духовный багаж строителей нового общества. Интересный человеческий документ опубликовала «Комсомольская правда». Редакция задала своим читателям вопрос: «На Марс — с чем?» Анкета состояла из пятнадцати пунктов — молодые мечтатели должны были ответить, какие книги, вещи, фотографии возьмут они в кабину космического корабля, когда полетят к марсианам. Тридцатилетний слесарь Н. Кар из города Кемерово писал на страницах газеты, что возьмет с собой на Марс запись песни «Хотят ли русские войны».

Ну, а пока песня ходит по Земле как борец за мир.

Рисунки Г. Пербатова

ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ

Хотят ли русские войны!
Спросите вы у тишины
Над ширью пашен и полей
И у берез и тополей.
Спросите вы у тех солдат,
Что под березками лежат,
И вам ответят их сыны,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.
Не только за свою страну
Они погибли в ту войну,
А чтобы люди всей земли
Спокойно ночью спать могли.
Спросите тех, кто воевал,
Кто вас на Эльбе обнимал
(Мы этой памяти верны),
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.
Да, мы умеем воевать,
Но не хотим, чтобы опять
Солдаты падали в бою
На землю горькую свою.
Спросите вы у матерей,
Спросите у жены моей.
И вы тогда понять должны —
Хотят ли русские,
Хотят ли русские,
Хотят ли русские войны.

ХРОНИКА СЛЕДОПЫТСКИХ ДЕЛ

Башкирия. В школе-интернате Салавата второй год открыт музей боевой славы. Ребята собрали интересный материал о прославленной в боях 112-й дивизии, о городах-героях. Вечный огонь горит в школе у стенда «Никто не забыт, ничто не забыто». Частые гости следопытов — участники Великой Отечественной войны. Они приезжают к ребятам со всей республики.

Оренбургье. Учащиеся восьмилетней школы совхоза имени Карла Маркса Александровского района свято чтут память героев-земляков, павших в боях за Родину в Великой Отечественной войне. 326 воинов — жителей поселка — не вернулись с фронта, и 326 молодых кленов посадили вокруг обелиска следопыты. Здесь проводится торжественный прием в пионеры. Здесь ребята кланутся своим землякам быть верными их славным традициям.

Свердловск. Юные историки общества «Глобус» при Дворце пионеров пишут историю 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Осенью они были в музее боевой славы на встрече с ветеранами дивизии и записали рассказ о подвиге Героя Советского Союза Петра

Васильевича Марчука, который приехал в Свердловск. В части его считали мастером по добыче «языков». В октябре 1944 года под городом Шауляем Литовской ССР Марчука вызвал командир части. Он поручил разведчику пройти в тыл врага, прощупать слабые места противника и попытаться взять в плен гитлеровца. Отправились четверо. Когда перешли линию фронта, встретились с большой группой противника. Четверо бойцов приняли бой. Товарищи Петра Марчука были ранены, но им все же удалось захватить «языка». Под прикрытием Марчука они стали отходить к своему подразделению. А разведчик продолжил неравную схватку. Израсходованы все гранаты. Немцы окружают смельчака. Когда двое навалились на него, стараясь взять живым, Петр Марчук нащупал у одного фашиста на поясе «лимонки». Через мгновение раздался сильный взрыв.

Наутро разведчика нашли без сознания. Товарищи доставили его в медсанбат. Хирург насчитал на теле Марчука

одиннадцать ран. 24 марта 1945 года Петру Васильевичу Марчуку было присвоено звание Героя Советского Союза.

А бесстрашный разведчик продолжал свой боевой путь. Только за семнадцать дней обороны под Шауляем он вместе со своей группой взял в плен двенадцать фашистов.

Сейчас П. В. Марчук работает главным инженером быткомбината в Ялуторовске Тюменской области.

Ростов-на-Дону. По путям Первой конной армии Буденного был совершен большой поход молодежи. Вместе со следопытами в нем приняли участие ветераны гражданской войны. Поход начался парадом участников. Его возглавили на тачанках бывшие конники Буденного.

Красноярск. По маршруту Абакан — Тайшет — Красноярск прошли красноярские туристы. В пути они встречались с ветеранами революции, участниками Великой Отечественной войны.

«**ТОВАРИЩ**» — так называется парусный барк, на котором моряки-комсомольцы создали штаб похода по местам боевой славы. Тема их поиска — подвиги советских людей — участников борьбы с фашизмом за рубежом. В Марселе и Генуе моряки встретились с бывшими партизанами. Они услышали много волнующих рассказов о советских военнопленных, которые отдали свою жизнь, спасая от уничтожения Марсельский порт, заминированный гитлеровцами.

В Генуе на барке побывали ветераны войны, сражавшиеся вместе с Федором Полетаевым, Иваном Когтиновым, Афанасием Горшковым за свободу Италии.

«Нам трудно передать нашу радость от встречи на кусочке советской земли с экипажем парусника, носящего полное символического значения имя — «Товарищ». Вы действительно наши товарищи по борьбе вчера против фашизма, сегодня — за воплощение мира, идеалов социализма, за мир во всем мире», — оставили запись в следопытском дневнике итальянские ветераны.

ВЕЧ- НЫЙ ОГОНЬ

Нам надо спешить рас-
сказать о павших. Рань-
ше — о них. Хотя бы пото-
му, что живые о себе рас-
скажут сами...

Вас. Субботин.

Как кончаются войны.

В черноморском городе Николаеве, в тихом сквере на крутом берегу Ингула, где вечным сном спят герои из десантного отряда Константина Ольшанского, стоит памятник. Под боевым знаменем горстка израненных, измученных двухдневным непрерывным боем моряков. Собрав последние силы, они поднялись в решающую схватку с фашистами.

Вечный огонь горит у подножья памятника. Каждый день сюда приходят люди, приносят цветы, снова и снова перечитывают славные имена героев-десантников на могильных плитах и цоколе монумента. Много здесь имен, и среди них:

Акрен Хайрутдинов,
Ами Ага-оглы Мамедов.

Ушли эти парни на фронт по повесткам райвоенкоматов Оренбургской области. Скупые строки документов, рассказы земляков, материалы Николаевского музея, воспоминания оставшихся в живых десантников помогли проследить короткий путь героев к бессмертному подвигу.

...В ночь на 26 марта 1944 года над Южным Бугом повисли белесые космы тумана. Когда совсем стемнело, к берегу неслышно подошла группа бойцов. В лодки уложили пулеметы, ящики с гранатами, небольшой запас продовольствия.

Первую лодку вел с детства знавший эти места рыбак Андрей Андреев. Рядом с ним, всматриваясь в мутную пелену, сидел Константин

Ольшанский. Гребцы осторожно опускали весла в воду.

— В десант идем,— шепотом произнес коренастый, крепко сбитый Алик Мамедов.

— В десант,— повторил Акрен Хайрутдинов. Разговаривать не хотелось. Да и нельзя было. Перед отплытием Ольшанский еще раз строго предупредил: ни звука.

Мысли Акрена уносились далеко, далеко за две тысячи километров от черноморских берегов в Оренбургские степи, в село Мордовская Бокла. Там, на берегах тихой мелководной речушки, прошло его детство.

Акрен был комсомольцем. И поэтому в военкомат явился сразу же 22 июня.

— Подрости немного, придет твое время — сами вызовем,— сказал пареньку военком.

Оставив школу, Акрен стал работать в местном проеме, в обзном цехе, вместе с отцом. Гнул дуги, полозья для саней, обода для колес, делал телеги и розвальни.

Война была где-то очень далеко, но ее голос доносился и до их села. То из одного, то из другого дома уходили на фронт мужчины.

Второй раз Акрен пришел в приземистый деревянный дом, где помещался Мордовско-Боклинский райвоенкомат, летом 1942 года. В те страшные дни армии Гитлера хлынули на Кавказ, бои шли почти у самой Волги.

— Не могу дома сидеть,— сказал он.

— Готовься. Скоро вызовем,— пообещал комиссар.

В августе сорок второго Акрену и его сверстникам Ивану Еремееву и Сергею Кадоркину принесли повестки. Провожало их по Октябрьской улице до околицы почти все село. Гармошка пела про трех танкистов и про Катюшу. Потом на подводах уехали в Бугуруслан. До станции шла мать Акрена — старая Садра-апа.

— Мы вернемся, мама, обязательно вернемся! — крикнул Акрен на прощанье.

Но эшелон двинулся не на запад, а на восток — в глубокий тыл. Стали три друга матросами-тихоокеанцами.

А спустя несколько месяцев Акрен Хайрутдинов в большом приволжском городе продолжал осваивать премудрости морской службы. Вскоре он получил назначение в 384-й батальон морской пехоты Черноморского флота, которым командовал майор Федор Котанов. Об этом человеке на флоте рассказывали легенды. Он был начальником штаба в знаменитом десантном отряде Героя Советского Союза Цезаря Куникова, сражавшемся на Малой земле под Новороссийском.

В батальоне встретил уралец почти земляка — Алика Мамедова. Точнее, Ами Ага-оглы Мамедова. Приехал он с матерью в Оренбургскую область вместе с другими эвакуированными из Азербайд-

жана. Жили они в райцентре — селе Александровка. Почти с первых дней войны отец Алика воевал, а писем от него семья не получала.

Парень учился в седьмом классе, учился неважно — рвался на фронт. Дважды пытался бежать, но его возвращали к матери. И тогда он рискнул — «потерял» свидетельство о рождении. Был Алик рослым и плечистым и так страстно убеждал военкома, что он совершеннолетний, что он должен отомстить за отца... Ему поверили, и в батальоне Котанова появился краснофлотец Мамедов.

Алик подружился с Акреном. Они часто вспоминали затерявшиеся в степном приволье свои оренбургские села, матерей...

...Несколько часов в тревожном безмолвии плыли бойцы против течения, держась поближе к берегу. Усилившийся ветер гнал волну. Вода заплескивалась в лодки. Все промокли до нитки. Но вот Андреев поднял руку. Ольшанский передал по цепочке команду: приготовиться к высадке. Был третий час ночи, когда первая лодка благополучно достигла берега.

К рассвету десантники заняли элеватор, каменное здание конторы порта и несколько домиков. У окон, превращенных в бойницы, разместились пулеметчики. Огневые точки расположили так, чтобы можно было вести круговую оборону. Акрен установил свой пулемет на первом этаже конторы. Огляделся. Из окна видна улица и часть железной дороги. Хорошо. Жаль вот только: с Аликом расстались — он попал в группу Лисицына, которая обосновалась в нескольких метрах от конторы.

Ольшанский приказал всем собраться в подвале элеватора. Короткой была речь командира:

— Товарищи, мы должны оттянуть на себя как можно больше сил противника, чтобы наши войска могли взять город с меньшими потерями. Задача первая. И вторая задача — не дать фашистам разрушить порт.

Затем Ольшанский предоставил слово замполиту Алексею Головлеву. Торжественно читал капитан слова клятвы:

— Перед лицом своих друзей по оружию, перед лицом народа клянемся мстить беспощадно за наши разрушенные города и села, за страдания, муки и кровь советских людей...

И вслед за ним все шестьдесят семь повторили: «Клянемся!..» А через минуту радист, старший сержант Виктор Самойлов отстучал ключом текст клятвы. Ее приняли в штабе батальона.

В восемь часов утра 26 марта в районе порта уже разгорелся бой. Против горстки моряков фашисты бросили пехотный батальон, танки, артиллерию, шестиствольные минометы. Но элеватор и другие бастионы десантников продолжали огрызаться градом пуль. Михаилу Хакимову удалось

поджечь из противотанкового ружья фашистский танк. Потом были подбиты еще две стальные машины. Акрен Хайрутдинов огнем пулемета прижимал вражеских солдат к земле, не давал им подняться. Метко били пулеметы Прокофьева, Миненкова, Гребенюка, Шпака.

На матросский гарнизон обрушили бомбовый удар «юнкерсы». Фашисты подтянули огнеметы, и из форсунок с бешеной силой ударило смертоносное пламя. Горели полы, деревянные перекрытия, оплавлялся от нестерпимого жара камень стен. В едком дыму, в каменной и цементной пыли ничего не стало видно, трудно было дышать. Но как только гитлеровские вояки поднимались в атаку, из пылающего здания их встречали пулеметным и автоматным огнем, гранатами.

Редели ряды защитников крепости. Пуля фашистского снайпера сразила Тимофея Прокофьева. Прямым попаданием снаряда снесен сарайчик, из которого стрелял Георгий Дермановский. Погибли лейтенант Григорий Волошко, младшие лейтенанты Василий Корда и Владимир Чумаченко. Вспыхнул, как факел, домик, где сражалось отделение Лисицына. Но из огня продолжали разить врага Лисицын, Мамедов, Макиенок. И только когда рухнула крыша и весь дом осел набок, этот бастион перестал существовать...

— Это вам за Алика, гады! — крикнул Акрен, метнув гранату в вынырнувших из-за прикрытия фашистов. Взрыв разметал врагов.

Снова на них обрушила огонь фашистская артиллерия, совсем рядом загрохотали по мостовой танки. Осколком оторвало руку Валентину Ходыреву. Передав пулемет Павлу Осипову, Акрен бросился на помощь товарищу. Затянув жгутом обрубок, остановил кровь, пытался перевязать. Ходырев со связкой гранат пополз навстречу танку. Его дважды ранили, но Валентин упорно продвигался вперед. Приподнявшись, он метнул гранаты. Взрыв разорвал гусеницу. Танк замер. Погиб и Валентин.

К ночи снова разгорелся бой. Рушились стены, горело все вокруг, один за другим гибли моряки. Когда стало особенно трудно, Ольшанский приказал Самойлову:

— Передайте в штаб: прошу открыть огонь по квадратам...— и командир назвал свои координаты.

Но вызвать огонь на себя не удалось: рация была повреждена. Только к вечеру заговорили наши батареи.

Вражеская пуля настигла Головлева. Акрен пе-

ревязал его, с помощью Ольшанского отнес замполита в угол, где было относительно спокойно, и снова бросился к пулемету. Потом словно молния блеснула перед глазами Акрена. Не стало Ольшанского и двадцатилетнего рыбака Андрея Андреева.

На рассвете 28 марта войска Третьего Украинского фронта ворвались в город. В районе порта они обнаружили более 700 трупов вражеских солдат и офицеров. Восемнадцать жестоких атак отразили моряки. Почти все они погибли, но выполнили боевую задачу: приняли огонь на себя и удержали захваченный плацдарм до подхода советских войск.

В тот мартовский день, когда освободили Николаев, о подвиге десанта Константина Ольшанского доложили Верховному Главнокомандующему. Плечом к плечу дрались за город русские Николай Медведев и Юрий Лисицын, украинцы Владимир Чумаченко и Кузьма Шпак, белорусы Иван Макиенок и Александр Лютый, татары Акрен Хайрутдинов и Михаил Хакимов, азербайджанец Ами Ага-оглы Мамедов, адыгеец Абубагир Чуц, аварец Аде-Ахмед Абдулмеджидов.

— Сколько их было?— спросил Сталин.

— Шестьдесят семь.

— Всем шестидесяти семи присвоить звание Героев Советского Союза.

А в Мордовской Бокле ждали письма от сына. Седаев, высохшая от слез Садра-апа глаза проглядела, выглядывая почтальюна. Но лучше бы не приносила девушка в этот весенний день письма. Сердце матери сразу почуяло неладное, увидев чужой почерк на конверте: что-то случилось с Акреном. Протянула листок школьнику Рашиду:

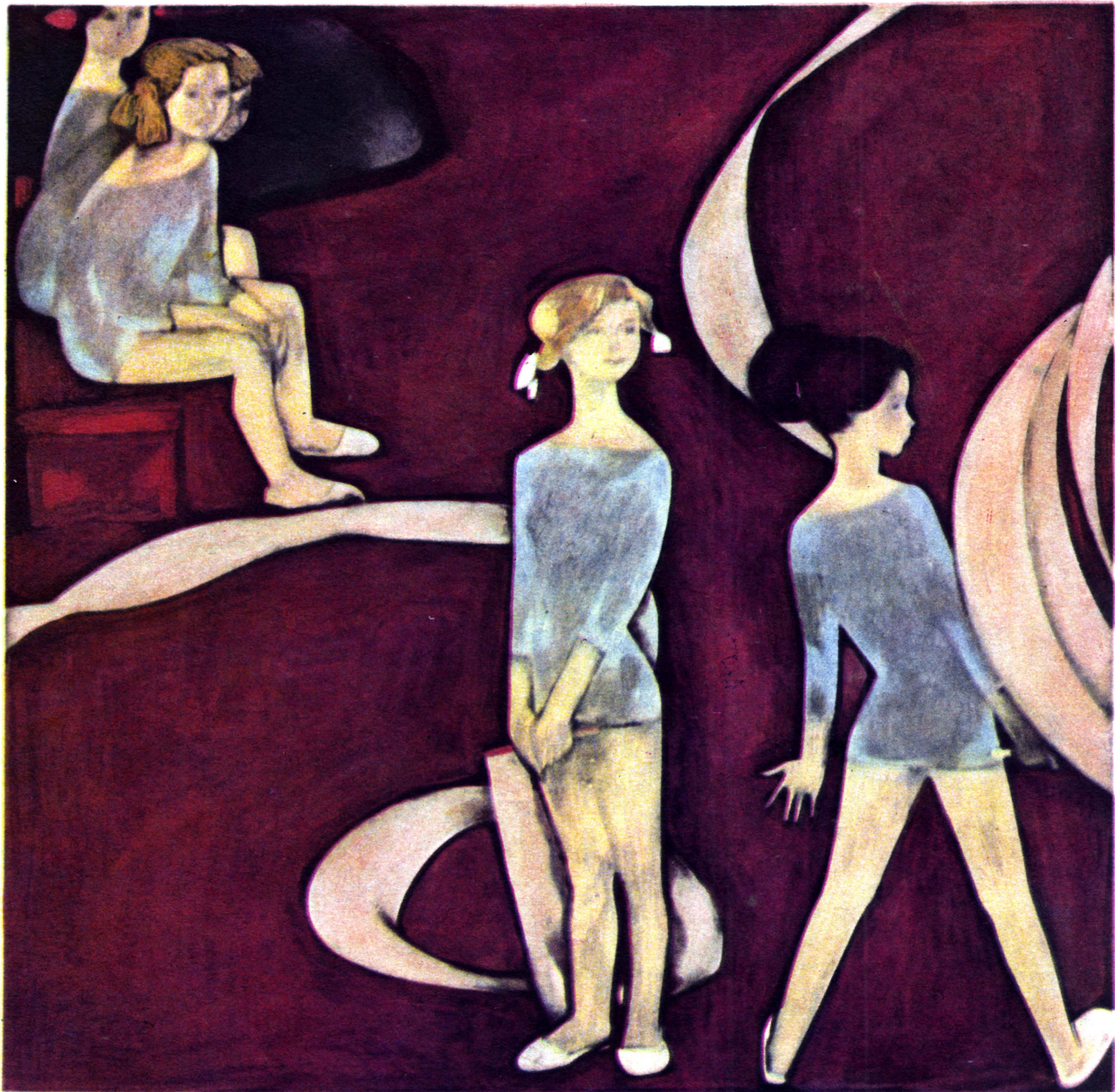
— Читай, сынок.

«Ваш сын, краснофлотец Хайрутдинов Акрен Мингазович в бою за Социалистическое Отечество, верный присяге, проявив героизм и мужество, убит 27 марта 1944 года. Похоронен в г. Николаеве, в Краснофлотском сквере.

Командир воинской части»

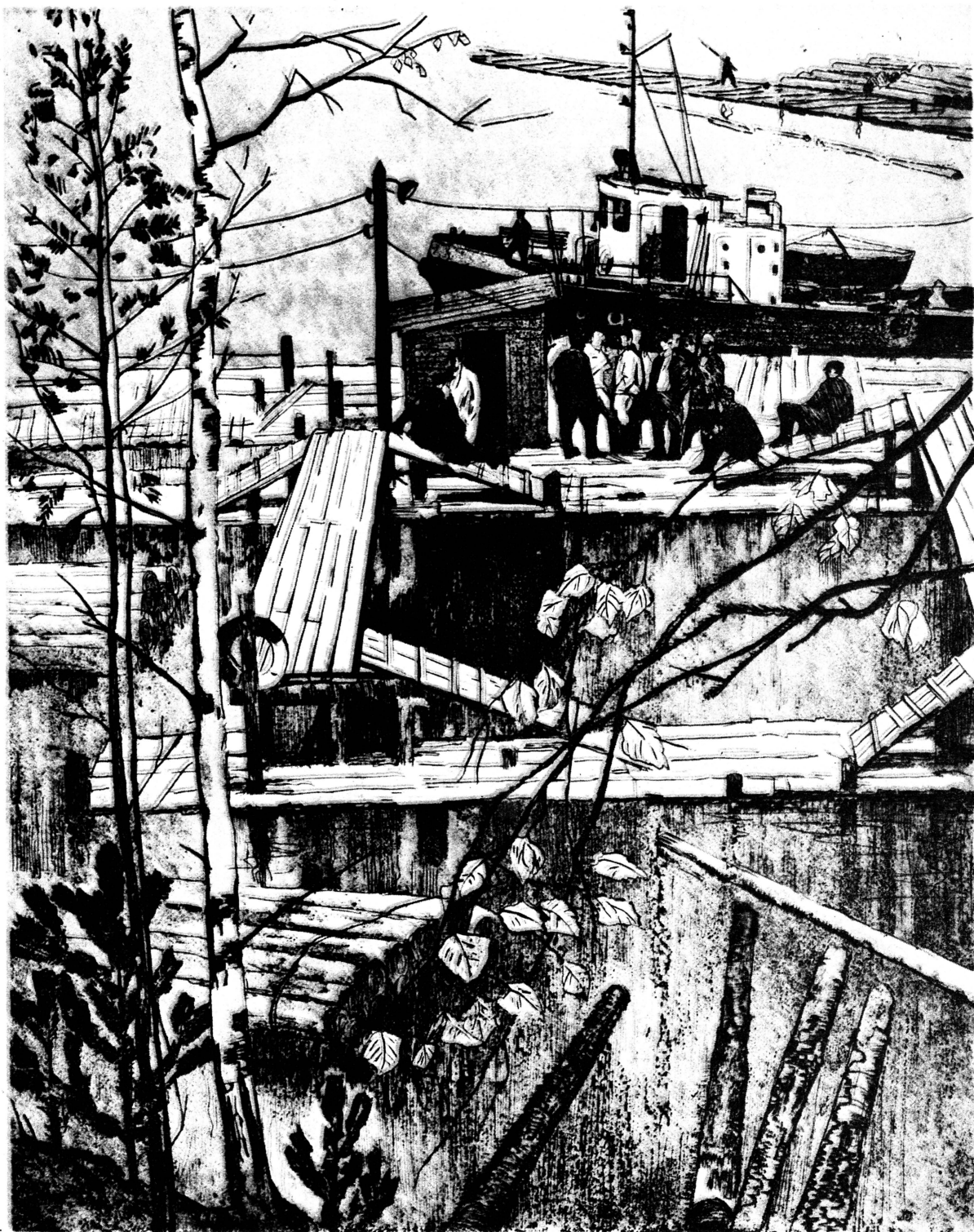
Через несколько дней Рашид принес из школы газету «Правда» за 20 апреля 1944 года. В ней был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза бойцам николаевского десанта.

В. АЛЬТОВ

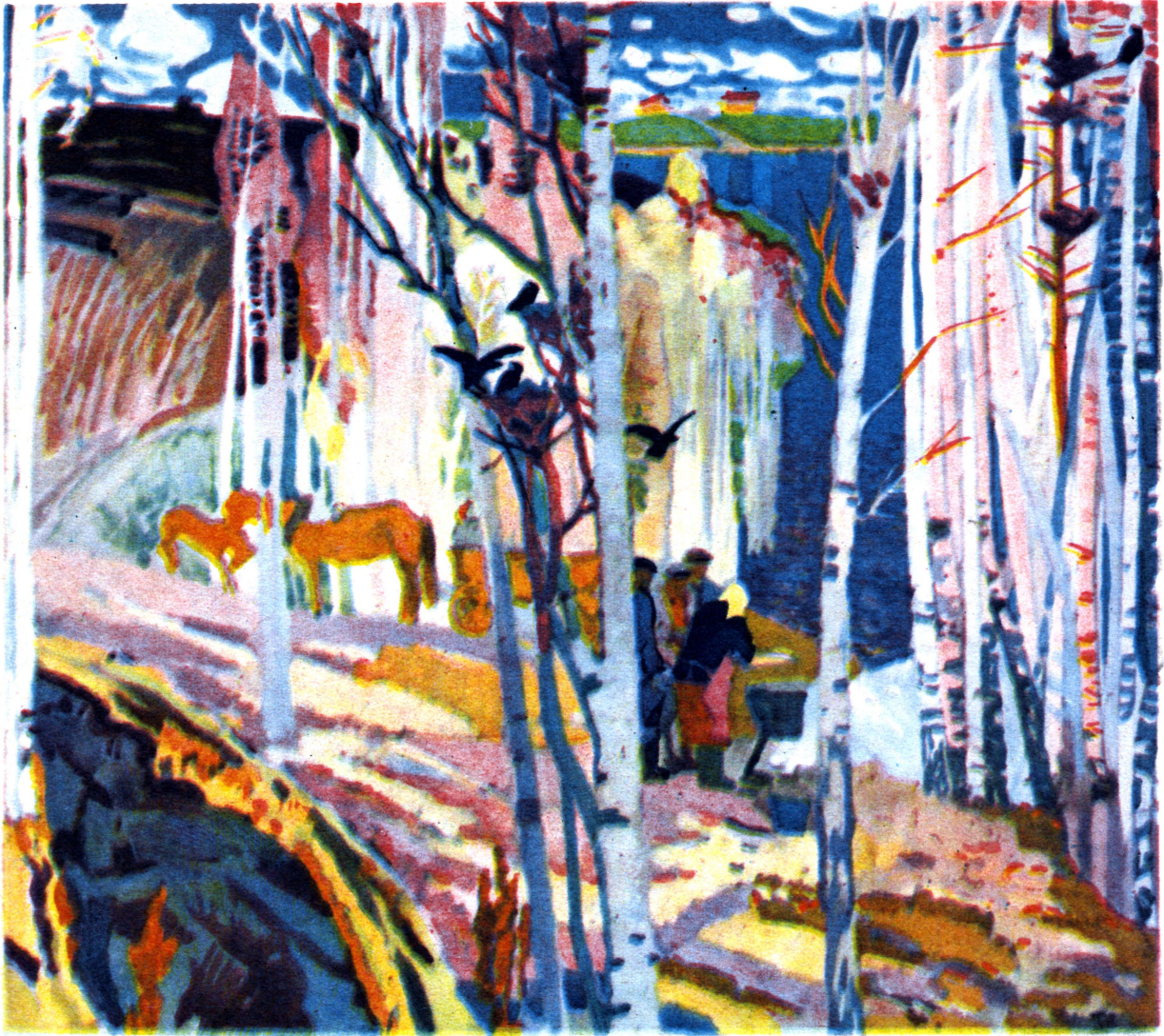
М. БРУСИЛОВСКИЙ (Свердловск)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГИМНАСТИКА

В. и А. МОТОВИЛОВЫ (Пермь)

ОСЕНЬ НА СПЛAVНОМ

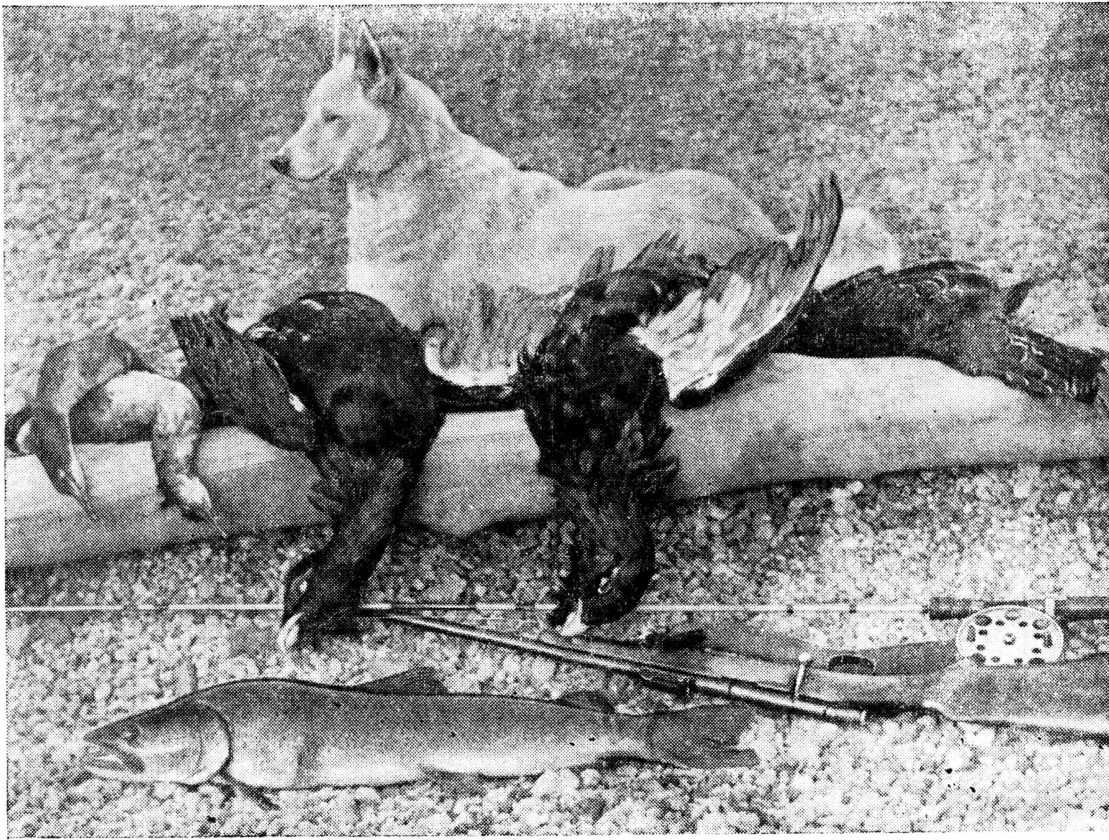
В. и А. МОТОВИЛОВЫ

БЕЛАЯ ВЕСНА.

М. БРУСИЛОВСКИЙ

ТРЕВОЖНАЯ ЮНОСТЬ

ТРОФЕИ

Фото А.Бойченко

«Уральская ЖИЗНЬ»

Екатеринбург

2 мая. Мы хотим мира. Делегация Совета солдатских депутатов 38-й пехотной дивизии вручила Временному правительству резолюцию протеста.

«Мы хотим мира. Мы стоим на страже русской свободы в надежде на то, что вы, облачен-

ные властью от революции, оправдаете надежды армии и народа. Ваша же последняя нота союзным державам о целях войны исключает мысль о доверии.

Армия не пойдет с вами и не допустит, чтобы буржуазия наложила свою тяжелую руку на пролетариат. Мы требуем, чтобы воззвание Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к народам всего мира было объявлено как правительственная декларация. Мы требуем, чтобы вы немедленно объявили вполне определенные условия для заключения мира».

3 мая. Распространение литературы. Екатеринбургский комитет партии Соц.-Рев. открыл второй киоск для продажи партийной литературы, а также газет на Арсеньевском проспекте. Торговля в обоих киосках идет хорошо. Партийная литература разбирается нарасхват.

«Зауральский край»

Екатеринбург

25 мая. Минск. По приглашению инженеров Либаво-Роменской дороги Пуришкевич предполагал прочесть доклад в собрании служащих и рабочих. При его появлении раздались крики: «Долой погромщиков!» Часть рабочих и служащих покинула собрание. Часть недобровольных вернулась в зал, устроила кошачий концерт и вынудила закрыть заседание.

Нижний Новгород. Советы рабочих и солдатских депутатов высказались за безусловное закрытие черносотенных газет «Нижегородский митинг» и «Голос нижегородца» и постановили использовать их типографии для революционных нужд.

**ГЕРОЙ
ЭТОГО ОЧЕРКА,
БЫВШИЙ ПОГРАНИЧНИК
КОНСТАНТИН КУЗЬМИЧ
ГОНЧАРОВ,
ЖИВЕТ СЕЙЧАС
В ПОСЕЛКЕ ФИРЮЗА
ПОД АШХАБАДОМ**

Июньским днем 1938 года с городского почтового отделения было отправлено несколько телеграмм с одним и тем же текстом: «Жена при смерти, выезжай».

Одну из таких телеграмм получил и Панечкин, служивший на заставе, расположенной недалеко от города.

— Где Панечкин? — позвонили из комендатуры.

— Здесь, — ответил начальник заставы старший лейтенант Садыков. — Несчастье у него... Просится в город.

— Вот поэтому и звоним, — отозвался далекий голос. — Надо будет его отпустить. Дело такое...

Панечкина отпустили, и он быстро добрался до города. Там его ждали.

— Все нормально? — поинтересовался встречающий.

— Вроде бы...

— Не спросили, откуда появилась жена?

— Сказал, что приехала издалека. Поверили.

— Так-так... Хорошее начало, говорят, — уже полдела.

Посыпались вопросы: сколько человек на заставе? Какое оружие и сколько? Есть ли взрывчатка? Панечкин еле успевал отвечать.

— Взрывчатки нет, есть гранаты.

— Все равно... Этой ночью через границу сюда должна прорваться группа. Надо обеспечить переход. Сигнал к переходу — взрыв...

— Но это невозможно, — возразил Панечкин.

— Переход должен быть обеспечен, — жестко приказал собеседник. — Другой вопрос: как осуществить план... Начнем со связи.

Обсуждение длилось долго. Когда Панечкин поднялся, инструктор сказал:

— Зайди к «жене». Она уже все приготовила...

Панечкин знал эту женщину. Она работала врачом в одной из больниц.

— Что тут? — спросил он, беря небольшой пакет.

— Снотворное, — ответила она, и Панечкин понял, что «жена» в курсе всех предстоящих дел.

— А другого ничего нет? Посильней, а?

— Для тебя же безопасней. В случае чего скажешь, что для жены.

Из города Панечкин позвонил на заставу. Ему ответил дежурный.

— Позови к телефону начальника.

— Что с женой? — спросил в первую очередь Садыков.

— Как будто бы полегчало, — сказал дрогнувшим голосом Панечкин. Садыков это понял по-своему: переволновался парень.

— Сегодня вечером вернусь, — сказал Панечкин. — Можете назначить на службу.

— А стоит ли? Может, пару деньков поживешь в городе?

— Нет, нет, — заторопился тот. — Я обязательно вернусь. Назначьте меня дежурным. А если что — и подменить недолго.

— Ну, если так, то смотри. Можно и дежурным...

Вечером Панечкин заступил на службу. В это же время на границу ушел наряд: Константин Гончаров с напарником Иваном Пахно. И с ними собака.

Ночь. Пошел мелкий дождь. Гончаров и Пахно лежали недалеко от линии границы, перекрывая ложину, по которой не раз пытались пройти незваные гости. Вокруг тишина. Даже чабанские собаки не лаяли. «Наверное, отары ушли на водопой, — решил Гончаров. — Подозрительная тишина».

Сначала насторожилась собака: ощерилась и резко дернулась вперед. Пахно шепнул Гончарову:

— Кто-то идет.

Через минуту по ту сторону границы на сопке появились два силуэта. Помаячили на вершине и исчезли. А еще через час на той же самой сопке было уже четыре человека. О чем-то негромко переговаривались, показывая руками на ложину в наш тыл. Временами голоса усиливались, и Гончаров догадывался, что спорят. К четверке подходили еще и еще, многие с оружием. Они не вступали в разговоры, а молча постояв, уходили снова вниз за сопку.

«Сколько их там? — терялся в догадках Гончаров. — И что за сборище?» Поведение неизвестных с каждым часом становилось все непонятней и загадочней. «Если они задумали перейти границу, то время упущено. Скоро рассвет. Что же тогда?» — размышлял он.

— Лежи тут, а я пойду посмотрю, сколько их там, — сказал Гончаров напарнику и незаметно покинул укрытие.

Он долго полз в сторону, стараясь не

привлечь внимания. Пригнувшись, обошел развалины старой заставы и увидел всех. Не меньше сотни. Большинство вооружены. Чего они ждут?

По времени пора было уже сниматься с участка и возвращаться на заставу. Скрытно выйдя из укрытия, Гончаров и Пахно побежали на заставу, торопясь доложить о банде начальнику.

У ворот их поджидал дежурный.

— Поднимай начальника!

— А что? Люди на границе? — безразличным тоном спросил Панечкин. — Начальник уже обо всем знает. Он передал, чтобы вы ложились отдыхать до особых распоряжений.

Гончаров с Пахно переглянулись:

— Знает?

— Знает, — равнодушно сказал Панечкин. — Сдавайте боеприпасы!

Пограничники сдали дежурному гранаты и патроны. Оставили только винтовки. Почистить.

— В случае тревоги будешь возглавлять конную группу, — удаляясь, крикнул дежурный Гончарову.

Пахно ушел в столовую завтракать, а Гончаров занялся чисткой оружия. Непонятное и беспокойное чувство овладело им. На границе банда, а заставка спит. Почему? Обычно в таких случаях на границу уходили наряды, из комендатуры беспрепятственно звонили и требовали дополнительных данных, с участка возвращались связанные и привозили с собой новые сообщения, на коновязи, как правило, стояли оседланные лошади и около них, мельтеша в темноте огоньками сигарок, сидели пограничники, ожидая команды. А тут — ни звука, ни огонька, словно на заставе нет ни одной живой души. «Ну хорошо, — размышлял он, направляясь в казарму, — дежурному известно о скоплении на границе вооруженных. Откуда? Ведь с вечера у границы никого кроме нас не было...»

В казарме стоял привычный полумрак. «Летучая мышь» бросала на пол небольшое светлое пятно, которое освещало только вход и ближайшее окно.

Ставя винтовку в гнездо пирамиды, Гончаров удивился: она была пуста. Он посмотрел в угол, где обычно стояли пулеметы. Их тоже не было, на полу валялись лишь чехлы. Откуда-то из темноты донесся легкий металлический удар. Гончаров шагнул в глубь помещения. Всмотриваясь в полумрак, он обнаружил, что все койки заняты. Небывалое явление: в

ночное время все пограничники в казарме! Гончаров взгляделся в полумрак и попятился. Позы некоторых лежащих были неестественны. У одного руки были широко разбросаны в стороны, у второго, уткнувшегося лицом в подушку, они свисали с кровати и касались пола. Кто-то лежал в сапогах, не сняв даже поясной ремень. То, что вначале Гончаров принял за сползшую со спинки кровати шинель, оказалось фигурой согнувшегося человека. Это был Панечкин. Гончаров направился к нему. Подойдя ближе, он заметил у него в руках гранату. Рядом с Панечкиным стоял ящик с гранатами. Все они, похоже, были заряжены. А Панечкин съежился, словно приготовился к прыжку. Он молча смотрел на Гончарова и ждал. По тому, как Гончаров замедлил шаги, стараясь лучше рассмотреть, Панечкин догадался: понял. Панечкин сорвался с места, сделал несколько прыжков и уже от выхода бросил гранату в помещение.

Граната не разорвалась — из нее выпал запал. Панечкин в спешке не закрепил его в корпусе. Граната подкатилась к ногам Гончарова, он отшатнулся и бессознательно провел ладонью по влажному лбу. Только теперь он понял замысел предателя и растерянно оглянулся: что делать? Полумрак, проклятая тишина, только слышен легкий скрип сапог. Это Панечкин вернулся в казарму и опять крался к ящику. Смутная тень, мелькнувшая у входа, мгновенно привела Гончарова в себя. «Ну, гад, теперь ты не уйдешь...», — пробормотал Гончаров, бросаясь к пирамиде. Там стояла всего одна винтовка. Его винтовка — без патронов, но с примкнутым штыком.

— Застава, в ружье! — крикнул он, бросаясь к пирамиде.

Но Панечкин успел схватить винтовку раньше.

Гончаров отпрянул:

— Ребята!..

Казарма молчала. Ни одного движения. Гончаров медленно отступал в глубь казармы, всматривался в лица пограничников и не мог понять: живы ли они? «Неужели отравил?..» — обожгла догадка.

Панечкин нерешительно приближался. Тускло блеснул трехгранный штык. Гончаров судорожно глотнул воздух — никогда он не испытывал такого страшного одиночества. Один. И штык, осторожно нащупывающий его в полумраке. Шаг, еще шаг. И вдруг он услышал дыхание товари-

щей. Значит, живы! Живы! Рывком вытер с лица пот. Ударился рукой о стойку, и боль тотчас прояснила сознание. Гончаров увидел, что Панечкин, потеряв его в темноте, опять подкрадывается к гранатам. «Взорвет казарму, гад...» Гончаров не знал, что гранатный грохот послужит сигналом для перехода границы той самой банды, которую они увидели на сопке. Но он знал, что Панечкина нельзя допустить к гранатам.

Гончаров пытался найти выход. Где Пахно? Что он тянет? Гончаров крикнул еще раз:

— В ружье, застава!

Казарма безмолвствовала. Но на этот раз Пахно услышал команду. Бросившись из столовой в казарму, Пахно споткнулся на пороге и выронил затвор. Пахно шарил по земле в темноте, он не предполагал, что Гончаров был на волоске от смерти. Команду Пахно воспринял не как призыв о помощи, а как сигнал к выходу на границу, куда идти без винтовки было просто смешно. И он продолжал шарить в темноте.

...Гончаров несколько раз увертывался от штыка, пытаясь схватить винтовку за ствол. Один раз ему даже удалось схватить штык. Да разве удержишь рукой узенькое жало! Панечкин остервенело рванул винтовку на себя, и Гончаров на миг потерял равновесие. На этот раз ему не удалось избежать удара. Штык вошел чуть правее позвоночника и вышел через плечо, вонзившись в пирамиду. Теряя сознание, Гончаров успел заметить, как удалялось и бледнело пятно окна, а потом, резко крутнувшись, исчезло совсем. «Все!» — подумал он. Это был последний проблеск сознания, после которого Гончаров уже ничего не чувствовал. Навалившись на пирамиду, он стоял, приколотый штыком.

Сознание вернулось так же внезапно, как и исчезло. Первая мысль была о гранатах. Гончаров попытался было отойти от пирамиды, но не смог. Панечкин уловил движение и поправил винтовку, повернув ее вокруг своей оси. В глазах у Гончарова снова потемнело, и он тихо застонал. Хотел поднять правую руку — не подчинялась. Освободиться же левой у него не хватало сил. Гончаров слышал сзади себя тяжелое дыхание, он знал, что Панечкин тянется к ящику с гранатами. «Где Пахно?» — простонал Гончаров и, преодолевая боль и слабость, он сжался

в комок и резко ударил Панечкина ногой в живот. Тот, не ожидая удара, с грохотом отлетел к двери.

Ошалело вскочил с пола, зло прошептал:

— Тебя штык не берет? Сейчас, сейчас...

Панечкин дрожащими руками достал из кармана патрон и торопливо стал загонять его в патронник. В спешке получился перекосяк, затвор безуспешно несколько раз ударился о дно гильзы. Руки у Панеч-

кина тряслись, он боялся, что вот-вот подойдет Пахно, боялся Гончарова, который с трудом оторвался от пирамиды и, шатаясь, шагнул к ящику. По спине стекала теплая и липкая кровь. Кровь хлюпала в сапогах, стекала по ладоням. Один шаг... второй... Тяжелые и неуклюжие шаги, поникшая голова, закрытые глаза... Гончаров надвигался на Панечкина неотвратимо — живой и мертвый одновременно, он был страшен, этот истекающий кровью пограничник, проткнутый насквозь шты-

ком и упорно идущий опять на штык. Вот он медленно поднял левую руку, не глядя отвел штык в сторону и с трудом сделал шаг. Еще один шаг к предателю. И Панечкин отступил! Панечкин затравленно оглянулся. Он забыл про винтовку, он видел перед собой только белое как бинт лицо Гончарова, и ужас заставлял его шаг за шагом, выставив перед собой винтовку, отступать к двери.

А Гончаров шел. Сцепив зубы, собрав все силы — только не упасть! — он, окровавленный, безоружный, наступал на предателя.

Третий шаг... четвертый... Взгляд Гончарова скользнул по стене. Там висела аптечка. Рядом с аптечкой учебная граната. Это уже оружие, только бы дотянуться. Вот уже и койка старшины Губанова. Правая рука, висевшая вдоль туловища плетью, скользнула по его лицу. Гончаров почувствовал на окровавленных пальцах теплое дыхание. «Живой!» — молнией пронеслось в голове. Здоровой левой ру-

кой Гончаров изо всех сил остервенело рванул за спинку койки, и старшина грохнулся на пол. Ничего не понимая, найдя еще под действием снотворного, Губанов поднялся и, наступая на спящих, пробежал по рядам коек в другой конец казармы. Кто-то вскрикнул, кто-то злобно чертыхнулся. Казарма ожила, зашумела. Гончаров вспомнил о ящике с гранатами, хотел крикнуть, но крик застрял в гортани, — ноги уже не держали ослабевшее тело, и он рухнул в проходе, под ноги бежавших к пирамиде пограничников.

Обнаружив пирамиду без оружия, пограничники расхватили гранаты и убежали за заставу. Панечкина настигли на пути к границе.

А банда головорезов, не дождавшись условного сигнала — взрыва, ушла назад.

Так, в течение каких-то двух-трех минут был выигран без единого выстрела этот необычный бой.

А. ШВЕЦОВ

Рисунки Н. Мооса

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Как-то вскоре после окончания работы над «Утром стрелечкой казни» В. И. Суриков стоял у окна Исторического музея и смотрел на Красную площадь. Подошел к нему некий искусствовед и спросил:

— Скажите, Василий Иванович, с каким историком вы советовались, когда писали эту картину?

Суриков показал на главы Василия Блаженного и ответил:

— С ними советовался. Они ведь все это видели.

В апреле 1943 года советский художник П. П. Кончаловский написал картину «Лермонтов». Он изобразил поэта в офицерском мундире. Лермонтов сидит на диване, руками опирается на саблю. Лицо его недвижно и задумчиво. Однажды, как вспоминает Петр Петрович Кончаловский, произошёл такой случай.

«Около двух часов ночи — проверка документов комендантским патрулем. Входят два красноармейца.

— Кто живет в этой комнате? — спрашивают, заходя в комнату сына.

Проверили.

— Кто в этой? — заходят в мою комнату.

Все благополучно.

Наконец, заходят в неосвещенную столовую, обращенную в мастерскую, где на диване «Лермонтов».

— А это у вас кто тут? — спрашивает красноармеец, наводя сноп света ручного фонарика на картину. Сын мой велело:

— Этот у нас живет без прописки.

Красноармейцы заинтересованы картиной.

— Кто же это у вас так работает?

— Отец, — отвечает сын.

— Крепко работает! — пожимая мне руку, говорит красноармеец. — Простите за беспокойство, желаю быть здоровым.

Комендантский патруль ушел.

Виктор Шкловский дважды писал сценарий «Казаки» по по-

вести Л. Толстого. По первому сценарию был снят немой фильм в 1928 году, по второму — звуковой в 1961.

Польские кинематографисты решили экранизировать рассказ Л. Толстого «За что?». Те эпизоды, которые связаны с Уралом, будут сниматься на Урале.

Первым русским писателем, которого специально снимали для кино, был Лев Николаевич Толстой.

Владимир Маяковский одно время снимался как профессиональный актер в фильмах «Барышня и хулиган», «Законванная фильмой», «Не для денег родившийся» (по мотивам романа Джека Лондона «Мартин Иден»). В самом конце двадцатых годов предполагалось экранизировать роман Тургенева «Отцы и дети», где поэта хотели пригласить на роль Базарова. Но помешала смерть Маяковского.

САМОЦВЕТНАЯ

ХИМИЯ

Откуда взялось слово «корунд»? По преданию, корундом, а точнее курундамом, жители южной Индии — тамилы — называли кроваво-красный камень. Этот камень считался священным, возникшим из капель крови, пролитой богами. Камни цвета «голубиной крови» ценились даже дороже алмазов. На Руси им приписывали способность вызывать у людей гнев и воспламенять кровь. Этот камень у нас сначала называли яхонтом, а позднее — рубином. А слово «корунд» исчезло на несколько столетий. Оно появилось вновь лишь в XX веке, когда химики выяснили, что и рубин, и сапфир, и аметист, и горный хрусталь — братья-близнецы, родившиеся из окиси алюминия. Да, той самой окиси алюминия, которую еще называют глиноземом. Глинозем — мелкокристаллический порошок. А хорошо выращенные кристаллы из него химики и называли древнеиндийским словом корунд.

Второй по рангу

Корунд — один из самых твердых и тугоплавких минералов, по твердости он уступает только алмазу. Его кристаллы невзрачны, малы и мутны. Обычно они имеют желтовато-серую окраску, часто с синеватым оттенком.

Такой корунд широко известен как наждак. Из него изготавливают жернова для размола зерна и абразивные круги, бруски, диски.

Ну, а его благородные, прекрасные «братья-близнецы»?

Чистый корунд — белый или прозрачный. Прозрачные кристаллы в природе очень редки и с древних времен счи-

таются драгоценными. Но больше всего ценятся кристаллы корунда, окрашенные в разные тона. Они получили свои имена. Так, красный корунд называли рубином, синий — сапфиром, желтый — топазом, зеленый — изумрудом, фиолетовый — аметистом. Но почему из одного и того же глинозема может получиться наждак или драгоценный сапфир? Все дело, оказывается, в ничтожных примесях металлов. Так, небольшая примесь хрома превращает корунд в рубин. Недаром в переводе с греческого «хромос» значит «окрашивающий». Причем, хром замещает алюминий изоморфно — это значит, что от такой замены структура кристаллов не меняется.

А сапфиры? Чистый васильковый цвет придают кристаллам сапфира, второго по ценности камня после алмаза, примеси железа и титана. В Древнем Риме и Иерусалиме правом носить сапфиры в перстнях и одежде пользовались лишь жрецы храмов Юпитера и Соломона. Сапфир должен был свидетельствовать о том, что жрецы обладают даром ясновидения и могут излечивать от проказы и опухолей. Это говорит еще и о том, насколько редко встречается в природе сапфир. А раз он так высоко ценится, нельзя ли его создать искусственно?

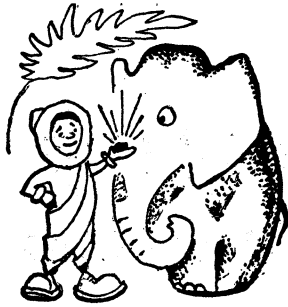
Буля или стержень?

Еще в раннем средневековье алхимики мечтали об искусственном получении драгоценных камней, но начали они с другого — пытались

сплавлять малоценные мелкие кристаллы в сказочно большой и дорогой камень. Один владетельный немецкий князь в XVIII веке, доверившись совету бродячего алхимика, поместил свои фамильные бриллианты в большой железный сосуд, накрыл его и накаливал на горне несколько дней, считывая таким способом получить огромный алмаз. Когда остывший сосуд открыли, в нем ничего не оказалось. Ошеломленному князю было невдомек, что бриллианты попросту сгорели.

Пытались сплавлять и рубины. В отличие от алмаза рубин негорюч, но и его кристаллы долгое время не удавалось ни расплавить, ни переплавить. Дело в том, что при температуре плавления свыше двух тысяч градусов рубин, сапфир и другие «братья-корунды» неминуемо вступают в реакцию с материалом печи или тигля и загрязняются. Эту трудность более полувека назад остроумно обошел француз Вернейль. Он получил совершенные одиночные кристаллы драгоценного корунда вне печи в обычном смысле этого слова, вообще вне всякой оболочки. Именно Вернейль положил начало «самоцветной» химии.

Суть его способа в том, что пудра чистой окиси алюминия сыплется непрерывной струйкой через горящую смесь водорода и кислорода. Количество падающей пудры регулируется ударами молоточка. В пламени окись алюминия плавится и капли расплава падают на стержень из корунда. На стержне вырастает группа кристаллов в виде конуса. В дальнейшем «выживает» и вырастает из конуса один кристалл — тот, что вытянулся точно вдоль оси стержня.

В конце концов этот кристалл принимает форму опрокинутой бутылки. Его так и называют — «буля».

Если в шихту ввести окислы металлов, можно получить окрашенные кристаллы. Наибольшее значение приобрел синтетический рубин различных тонов — от слабо-розового до кроваво-красного. Мировое производство рубина достигает четырехсот килограммов в день. Внешне схема Вернейля и его печь выглядят очень просто. Но на самом деле у печи нужно поработать пять—семь лет, чтобы стать квалифицированным плавильщиком. Несравнимо проще и надежнее работа на установке, сконструированной советским ученым С. К. Поповым. Здесь все операции — дозировка глинозема, регулировка расстояния между горелкой и стержнем — автоматизированы. И корунд полируется не алмазом, а пламенем. Установка С. К. Попова позволяет выращивать рубин не только в виде буля, но и тонких стержней, что исключает большие потери при дальнейшей обработке.

Никакими средствами анализа — химического и рентгеноструктурного — не отличить синтетические камни от натуральных. Лишь сквозь лупу можно увидеть в натуральных кристаллах трещинки и включения посторонних веществ. А заводские самоцветы — абсолютно чистые.

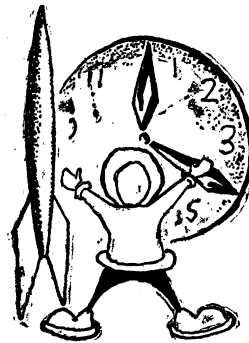
В Армении, на Кироваканском химическом комбинате ежедневно выращивают десятки килограммов рубинов. Каждая буля весит 60—80 граммов, таких больших натуральных камней никто никогда не находил. А на Урале, в городе Кусе, из этих буль вы-

тачивают камешки точных форм и размеров для самых разных приборов.

Просто я работаю волшебником

Рубины и сапфиры постигла в конце концов та же участь, что и алмазы. Из украшений, камней-вельмож они превратились в «токарей», «химиков», «металлургов». Именно в технике в полной мере проявились и засверкали уже не мифические, а подлинно чудесные качества этих камней.

Невозможно представить себе современные часы, электросчетчики, весы, аппараты

звукозаписи, электроизмерительные и аэронавигационные приборы без синтетического благородного корунда. Опорные камни, подшипники, подпятники — где только не встретишь теперь рубин и сапфир?

Мал в часах камень, весит меньше миллиграмма, оттого здесь используется цветной корунд — рубин или сапфир: его окраска облегчает сборку. Из килограмма корунда изготовляют 40—45 тысяч опорных камней для часов.

На каждой фабрике химического волокна можно увидеть стерженьки корунда, полученные на установке С. К. Попова. Они направляют струйки, выходящие из фильер — колпачков с тонкими отверстиями. Застывая, струйки превращаются в нити и тут же вытягиваются. Достаточно вспомнить, что на изготовление метра ткани из капрона требуются сотни тысяч метров

волокна, чтобы понять, почему нитепроводник из самого твердого стекла изнашивается за несколько дней, а из агата — за несколько месяцев. Корундовый же практически вечен.

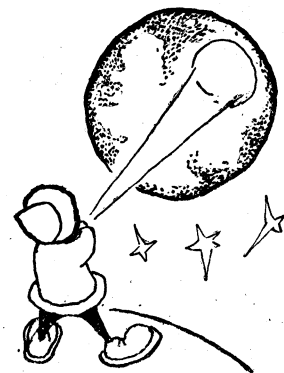
На кабельных заводах сквозь фильеры из рубина протягивают тончайшую проволоку, а на карандашных фабриках выдавливают стержни из графитовой массы.

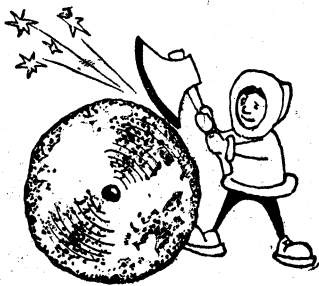
Новую шумную славу принес синтетическому рубину 1960-й год, когда были созданы первые оптические квантовые генераторы-лазеры. Сердце лазера — специально обработанный кристалл чистойшего рубина.

Как работает кристалл в квантовом генераторе? Стерженьек рубина в несколько сантиметров и толщиной в полсантиметра имеет строго параллельные торцы, отполированные и посеребренные, но не одинаково: один торец полупрозрачен. Вокруг кристалла спирально намотана трубка мощной газосветной лампы.

Кристалл заряжается световой энергией от импульсной лампы и испускает энергию через полупрозрачный торец в виде коротких, но чрезвычайно мощных вспышек света. Вспышки сливаются в узкий, тоньше иглы, луч, в миллионы раз более яркий, чем красный луч солнечного спектра.

Рубиновые лазеры уже используются для прожигания точечных отверстий, на их основе созданы «атомные» часы, погрешность которых за 300 лет не превысит одной секунды. С помощью лазеров уже произведена локация Луны, а в перспективе — использо-

вание их для космической связи и изучения далеких миров. Такого рода радиопередачи способны давать огромный поток информации — одна станция сможет передавать десятки тысяч телевизионных программ.

Такова судьба рубина. А сапфира? Какое будущее у этого драгоценного камня?

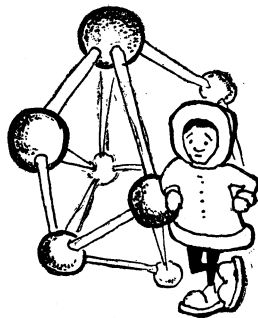
Кошкины усы

Сапфир, как мы помним, — это корунд с примесью титана и железа. Получать искусственный сапфир химики научились вскоре после того, как были выпечены первые були рубина. Но в отличие от своего красного брата-рубина, сапфир оказался камнем загадочным. Его свойства до конца пока не выяснены, но ученые уже научились их использовать. В институте атомной энергии имени И. В. Курчатова сооружена камера «Токамак», напоминающая огромный бублик. В металлическом «бублике» есть окна, через которые с помощью спектрографов и других приборов ведут наблюдения за миллионградусной плазмой. Через эти окна отводят также вредное для плазменного шнура свечение. А окна эти сделаны из сапфира. Только сапфир оказался способным выдержать свет «искусственного солнца»!

В последние годы тайны сапфира привлекают внимание ученых, занимающихся проблемами прочности материалов. Давно известно, что между фактической и теоретической прочностью твердых тел существует огромная разница. Теоретическая прочность, то есть рассчитанная по величинам сил притяжения и отталкивания между атомами

в кристалле, в десятки раз выше реальной. В чем же дело, где причина столь разительного несоответствия? Представьте, что если бы удалось хотя бы вдвое увеличить прочность материалов — сколько бы высвободилось металлов, пластмасс, сплавов!

Лишь недавно удалось выяснить загадку сверхпрочности. Оказывается, реальные кристаллы не так уж идеально построены, как это представлялось прежде. Они полны несовершенств и дефектов. Особенно пагубно сказываются на прочности геометрические нарушения в кристаллической структуре, связанные с малозаметным перемещением атомных слоев. Такого рода дефекты, названные дислокациями, что по-русски означает «смещения», — возникают уже в процессе роста кристалла.

Если кристалл представить в виде здания, то можно сказать, что его идеальные архитектурные пропорции тут и там нарушены косыми перегородками, выпученными подоконниками, кривыми углами. Вдобавок стены изборозжены паутиной трещин и изрешечены пулями. Как быть? Как создать материал из идеально правильных кристаллов? Наиболее четкий и ясный ответ дал сапфир.

Ученые нашли, что кристаллы сапфира, выращенные в виде тонких нитей, почти не имеют структурных дефектов, а их прочность близка к теоретической. У нитевидных кристаллов есть некоторое сходство с усами, оттого и данное им шутовское название «вискерсы» — что значит усы кошки, тигра — неожиданно закрепилось за ними в научной литературе.

Сапфировые вискерсы, какие сегодня удается вырастить, еще малы. Это усы слепого котенка: их длина не превышает полутора сантиметров, а толщина — считанные микроны. Зато эти «кусы» — абсолютные чемпионы прочности среди всех вискерсов, они выдерживают нагрузку в полторы тонны на квадратный миллиметр! Мало того. Синие сапфировые усы выделяются из среды своих собратьев еще и тем, что нагрев почти не оказывает влияния на их прочность.

Вот где кроется причина того усиленного интереса, который проявляют физики к свойствам и повадкам сапфировых усов. Усы из сапфира уже применяются как подвесы в сверхчувствительных приборах. На таких ультрамикровесах можно взвесить миллионную долю грамма — точность истинно фантастическая!

Когда до конца разгадают тайны вискерсов и научатся их выращивать длинными, из них можно будет делать сказочные материалы, например, вместо многотонных балок для железнодорожных мостов — тонкие прочные шнуры. Трудно даже представить, какую революцию в технике могут совершить синие сапфировые усы.

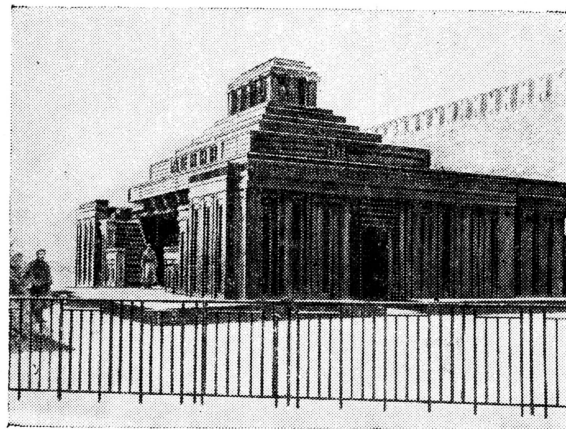
Сколько лет насчитывает «самоцветная» химия? Полвека, не больше.

И началось все с того, что люди решили сами, без помощи природы, получить драгоценный корунд.

Д. ФИНКЕЛЬШТЕЙН,
кандидат химических наук.

Родному ЛЕНИНУ

Передо мной уникальная книга, посвященная Владимиру Ильичу Ленину. Вышла она в начале 1925 года. Тираж — всего лишь 13 тысяч экземпляров. Поэтому книга сейчас имеет большую историческую ценность.

Откроем первую страницу.

«Из всех траурных дней день смерти Ленина — 21 января — будет самым печальным днем для трудящихся всех стран...

Коммунисты и все революционеры хорошо знают, что лучшим памятником Ле-

нину будет торжество революции во всем мире. Но свою непреклонную решимость бороться за это торжество по заветам Ленина, свою любовь и преданность к нему, свое глубокое горе по поводу его потери рабочие и работницы, крестьяне и Красная Армия, женщины и молодежь, представители всех народов нашего союза республик и всех других стран света выразили тем, что сотнями тысяч приходили в Дом Советов проститься со своим вождем и возложить на его гроб венки, стяги, знамена...

В этих разнообразных венках и надписях на лентах сказалось столько творчества, столько неподдельного, искреннего чувства, столько метких и правильных определений роли и значения Ленина для широчайших масс рабочих и крестьян, что воспроизведение их представит большой исторический интерес».

Так написала комиссия ЦИК Союза ССР.

К 27 января — дню похорон В. И. Ленина, был построен по проекту академика А. В. Щусева временный деревянный

мавзолее. К нему и возлагали венки в те траурные дни 1924 года рабочие, крестьяне, красноармейцы, дети, государственные учреждения и профессиональные союзы, коммунисты других стран мира. Интересно, что много венков принесли и прислали частные лица, не оставившие своей подписи: персидский купец, безработный металлист, торговцы-палаточники, легковые извозчики и другие.

Несколько венков прислали уральцы. Вот глыба красной яшмы, обрамленная черной полосой из агата. Она словно красное знамя с траурной каймой, прикрепленной к куску древка. Вверху выточены два перекрещенных молотка и надпись: «Горняки Урала — Ленину».

Венок из посеребренных металлических листьев смородины с вплетенными темно-красными розами и белой сиренью послал Уральский областной комитет РКП(б). На ленте слова: «Уральские большевики любимому вождю, учителю В. И. Ленину».

Удивительно, что в книге воспроизведены несколько сот венков, знамен, стягов, адресов, плакатов и ни на одном не повторяется надпись.

«Незабвенному, великому вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину», пишут сотрудники Уральского горнозаводского синдиката «Уралмет».

«Нашему родному Владимиру Ильичу. Великому вождю мирового пролетариата. Умер Ленин. Красными штыками клянемся отстоять Союз рабочих и крестьян во всем мире», — написали красноармейцы и политсостав Западно-Сибирского военного округа.

Особенно трогательны надписи детей. Вот кусок простой серой бумаги с траур-

ной каймой. На него наложен крошечный венок из разноцветных бумажных цветов, сделанных ребятами. Карандашом выведены печатные буквы: «Поклон тебе, дядя Ленин, мы тебя любим и никогда не забудем». На обратной стороне подписи: Клава Андреева, Нюра Дерова, Соня, Петья, Лида, Тоня, Егорушка, Ваня и другие малыши.

Несколько надписей, сделанных на листьях венка школьниками Московско-Казанской железной дороги:

«Я тоже буду коммунистом. Ф. Б.».

«Владимир Ильич, не беспокойся, мы продолжим дело, тобой начатое. Фомичев Толя».

«У Ленина были строгие глаза, но добрые. Кадыханова Валя».

«Ленин был такой трудящийся человек, таких не найдешь в мире. Залученков Михаил».

«Мне жалко Ленина. Он любил рабочих и детей. Курицин».

Хочется упомянуть еще несколько уральских венков: от Пермского университета, от трудящихся и рабочих Надеждинского завода, от рабочих и крестьян Коми, Башкирии, Курганской области. И, наконец, венок рабочих и служащих Перми. Небольшая медная доска, на которой выгравирована цепь, символизирующая гибель царизма. Посередине пятиконечная звезда с буквами «СССР» и серпом и молотом. Надпись: «Великому вождю мировой революции Владимиру Ильичу Ленину. Спи, мировой наш вождь, мы остаемся верные твои часовые».

На снимке: Временный деревянный мавзолей В. И. Ленина. 1924 год.

Е. КОСТИНА

«КРАСНЫЙ ГАЛСТУК»

В Свердловске в 1925 году выходил детский пионерский журнал «Красный галстук». Вот один из номеров.

В заметках из разных областей Урала юные корреспонденты (пикоры, как их тогда называли) рассказывают о жизни пионерских

отрядов. Здесь сообщается, как быстро растет пионерское движение в Туринске, как «Красные галстуки» крепят работу в школах (Златоуст), о вылазке отряда имени Карла Либкнехта на Верх-Сысертский завод.

Прочитайте одну из заметок:

По заветам Ильича

«В нашем Курьинском районе пионеры выполняют заветы Ильича — ликвидируют безграмотность. В свободное время ребята обучают своих неграмотных сестреночек и братишек, а кроме того, своих родителей. Есть уже несколько случаев, что ребята обучили своих родителей читать и писать. Среди самих пионеров нет ни одного неграмотного».

На страницах «Красного галстука» давались советы вожакам: как подготовиться к Первомайскому празднику, вести работу с беспризорными детьми, встретить лето.

«Проснуться, стряхнуть с себя и своего звена халатность с непорядками, которые были еще до сих пор».

Направить дружную работу стать боевым пионерским звеном. В массу неорганизованных ребят внести лозунг: «В ногу с нами, к работе, учению, труду и игре».

Есть в журнале раздел под названием «У наших братьев». В нем рассказывается о жизни ребят за границей, о переписке, которую ведут с ними пионерские отряды.

Много заметок на антирелигиозную тему: «Антипка пионер — безбожникам пример», объяснение христианских обрядов. Юмористические стихи «Как два пионера по-разному шли в поход на веру».

А для тех, кто не знает, как интересно провести свободное время, «Красный галстук» печатал разные игры, задачи, загадки, ребусы, список новых книг.

Э. ФИЛИПОВА

Весной прошлого года в Ирбитскую школу-интернат позвонил охотовед Георгий Алексеевич Жоховский.

— Приглашаю в гости следопытов. Есть интересное дело,— сказал он.

На следующий день наши ребята встретились с Георгием Алексеевичем. Он рассказал, что в Ирбитском районе нужно расселить несколько десятков ценнейших пушных зверьков — бобров. Но для этого надо подготовить им квартиры. Когда-то на территории Свердловской области бобров было очень много. Об их распространении свидетельствует двадцать семь названий речек и деревень. Десятками тысяч продавались шкурки на Ирбитской ярмарке. Отсюда они отсылались на Лейпцигскую и Лондонскую меховые ярмарки. Но к 1930 году в СССР насчитывалось всего лишь 800—900

этих замечательных зверьков. Вот почему сейчас созданы специальные бобровые заповедники. Вот почему нужна помощь следопытов в расселении бобров.

Тут же решили создать в школе отряд следопытов-бобровников. Капитаном отряда назначили Люду Коновалову. Задача была, казалось, неслужная: обследовать в районе тихие лесные речки с густыми зарослями осинника, ивняка, тальника. Но мы прежде всего взяли за книги и узнали, что бобры относятся к отряду грызунов и ведут полуводный образ жизни. Бобр можно назвать строителями. Обычно зверьки запруживают ручьи и небольшие реки, а выше запруды сооружают хатки, в которых прячутся от врагов. Хатки достигают двух с половиной метров высоты и двенадцать в основании, а плотины — шестьсот метров в длину

при высоте до четырех с половиной. Большую часть года бобры питаются побегами и корой мягких лиственных деревьев, особенно охотно — осинной. На зиму запасают под водой обрубки стволов и ветви деревьев — несколько кубических метров на семью. Если по берегам деревья не растут, зверьки прокапывают канавы, по которым сплавляют повален-

ные ими деревья. Когда бобр валит дерево, оно всегда падает вершиной к воде. Тогда он отгрызает сучья, «распиливает» ствол на отдельные чурочки и отправляет их к подводным кладовым.

...И вот уже вторую неделю мы в пути. На нас самодельные накомарники, сапоги. Погода часто меняется: то солнце печет так, что хочется снять одежду, но раздеваться нельзя: тут же свирепо набрасываются тучи комаров. То мелкий дождик зарядит на целый день.

Пройдены десятки километров по заросшим берегам Иленки и Сарабайки, но хорошей жилплощади для бобров в этих местах что-то нет и нет. Зато постепенно накапливаются новые интересные сведения. Оказывается, отдельные зверьки и сейчас появляются в наших местах. По-видимому, они совершают переходы и расселяются с бассейнов рек Конды и Сосьвы, где их не успели истребить прежде. Несколько лет живет семья бобров на речке Мурзе, в районе деревни Красный Яр, на речке Бобровке, возле Осинцевой. Пойман был зверек возле села Кирги и в Сапегинной, на речке Сарабайке. Наконец, совсем недавно «самовольные застройщики» появились на речке Ляге возле села Горки.

Поход приближался к концу. Осталось обследовать последнюю в намеченном маршруте речку Киргу. И здесь наше упорство было вознаграждено. После осмотра верховьев Кирги и ее притоков Скакунки и Чернушки ребята пришли к единодушному выводу: «Это, кажется, то, что мы так долго искали».

Здесь, в Харловской лесной даче, достаточно глухие места, много осины — любимого кор-

ма бобров. По берегам встречаются лакомства зверьков: заросли малины, крапивы, осоки, рябины. Здесь же труднопроходимые болота.

Через несколько дней мы сдали в райисполком отчет о походе, снимки и гербарий растений, которыми питаются бобры.

...Наступил новый учебный год. Второго сентября в школе снова раздался телефонный звонок.

— Приходите посмотреть на бобров. Первая партия прибыла из Брянских лесов. Поселим их в тех местах, которые вы рекомендовали, — сообщил охотовед.

Почти все учащиеся отправились во двор райисполкома, где на машине стояли клетки с «переселенцами».

Бобры не такие уж легкие, весом до тридцати килограммов. К тому же, не надо забывать о зубах-долотьях, которыми они перегрызают деревья. «Охота» на них далась нелегко.

Машина направляется к речке Кирге. Ее сопровождают следопыты. Вот и остановка. Открыта первая клетка. Темно-бурый новосел неуклюже выходит на траву, робко жметя к берегу, словно успел за два-три дня отвыкнуть от воды. Но через несколько секунд он уже бесшумно пускается в плыв. За первым уходит в стеклянную глубину Кирги еще несколько его собратьев. Остальных везут на притоки — Скакунку и Чернушку. Выпущены последние бобры. Однако зверьки, не успев освоиться с новым местом, стараются забраться обратно в ящики. Один спешит укрыться под машиной. Самых «несговорчивых» относят к воде в сачках.

В добрый путь, новоселы!

Немало забот выпало на их долю. И жилище надо подготовить к зиме как следует, и корма запастись на весь сезон. Все встали на «трудовую вахту». Все добросовестно трудились в «поте лица». Все, кроме одного черного бобра. Он оказался крайне недисциплинированным. Предоставляя своей бобрехе одну рыть нору и заготавливать корм, сам несколько раз пускался в бега и днем появлялся на мостике в деревне Галишевой. Здесь его находили ребяташки и звали егеря дядю Мишу. Михаил Данилович Анохин приходил с сачком и клеткой и отвозил беглеца к бобрехе.

Наступила зима с суровыми морозами. Регулярно ходит егерь к бобрам, рубит майны и просовывает в них ветки, подкармливая новоселов. Помогают ему следопыты.

А как же сложилась судьба черного бобра? В студеные декабрьские дни он погиб.

Произошло это так. Упустив самое хорошее время для заготовки корма, черный бобер решил наверстать упущенное. Прodelал прорубь и выбрался из-под льда. Работал добросовестно, повалил несколько осин, забыв о сильном морозе. А прорубь его замерзла, и бедняга не смог уже попасть обратно под лед. Трудно сказать, сколько времени провел бобер на холоде. Когда пришел егерь, зверек был уже мертв.

Тушку его передали в Ирбитский краеведческий музей. Здесь он продолжит свою жизнь в качестве экспоната. Показывая зверька, экскурсовод будет объяснять посетителям о том, как наш край заселялся бобрами.

Следопыты-бобровники Ирбитской школы-интерната.

История, которую я хочу рассказать, столь же ошеломительна, сколько и невероятна. Честно говоря, сначала я и сам-то в нее верил плохо. Зная мою слабость к такого рода «литературным детективам», друзья настоятельно советовали заняться и этой историей. Занявшись, я увлекся.

Мне ничего еще не удалось доказать документально, и все, что вы узнаете, — лишь гипотезы, предположения, основанные на фактах сравнительно известных.

Началось все с фантастических разговоров о том, будто по земле сибирской гуляет где-то сундук, в котором, якобы, среди прочих уникальных исторических ценностей — писем и рукописей великих людей — есть неизвестный автограф самого Карла Маркса.

Как бы вы отнеслись к такому сообщению? Меня от него сначала просто бросило в жар. А потом наступила полоса активного недоверия. Невозможно представить себе, чтобы автограф основоположника научного коммунизма не был сегодня учтен, чтобы люди, в руках которых он находится, не понимали значимости этого богатства для науки.

Сначала я и не думал заниматься поисками легендарного сундука. Но навязчивая мысль о нем долго не давала покоя. И я стал сопоставлять события. Тем более, что одной своей стороной они примыкали к моим интересам, связанным с описанием литературной и общественной роли так называемых сибирских областников — Григория Потанина и Николая Ядринцева.

Все дело в том, что человек, которому, вероятно, писал Карл Маркс, был хорошо знаком и с Потаниным, и с Ядринцевым. Был он довольно прогрессивен, несмотря на свое купеческое звание, и жил большей частью в Иркутске. Фамилия купца — Пестерев, звали его Николай Николаевич. Установлен год его рождения — 1822, но известной до сих пор остается дата смерти.

Помимо письма, которое, как уверяют, храни-

лось в том самом сундуке, ходят легенды, что купец встречался в Лондоне с Карлом Марксом. Могло ли все это быть на самом деле?

И вот тут я вспомнил, что в архиве Григория Николаевича Потанина, в фондах научной библиотеки Томского госуниверситета, встречалась мне несколько раз фамилия Пестерева. По записям о Потанине легко было установить, в какой связи делалось это упоминание. Григорий Николаевич в дневнике за 1864 год сообщал, что передал в «Колокол» через Пестерева свою статью. Названия ее нет в дневнике. Поэтому и не удалось выяснить, была ли она напечатана, так как Потанин часто укрывался под псевдонимом. Известна только одна публикация Потанина в герценовском «Колоколе». Она увидела свет в 1860 году и называлась «К характеристике Сибири». Очевидно, однажды напечатавшись у Герцена, Григорий Николаевич стал постоянным его сибирским корреспондентом.

Но как случилось, что посредником между сибиряками и русскими издателями в Лондоне стал Николай Пестерев? О своем намерении совершить путешествие в центральную Россию и за границу иркутский купец, естественно, говорил с близкими ему людьми. Среди знакомых Пестерева было много политических ссыльных и каторжан в Сибири, русских общественных деятелей, демократов. Он хорошо знал Трубецкого, Николая Бестужева, Волконского, Петрашевского, Бакунина, Шелгунова, Потанина... Легко предположить, что многие поступки Пестерева были проявлением его взглядов, сформировавшихся под влиянием этих людей.

Прослышав об общественных настроениях в центре России, Пестерев твердо решил «ознакомиться со всеми передовыми, прогрессивными личностями и особенно с литературой, которая для меня была нужна как проводник моих идей и воззрений». Эти слова взяты из собственноручных показаний Пестерева, уцелевших в фондах центрального исторического архива.

Каковы же были идеи, толкавшие купца на

столь рискованный шаг? Вот они, названные самим Пестеревым: «опыты относительно женского труда и развития торговли на иных началах и ремесленно-фабричной промышленности были сделаны, так же и пристройство к этим работам ссыльных было испытано, и я убедился в полезности моего предприятия. Нужны были средства и огласка дела: добыть средства на месте не было возможности, дать известность делу тоже, и вот я, задавшись всем этим, вздумал поехать искать сотрудников и денег».

Не стану перечислять всех вояжей купца по России и его знакомств с представителями русской интеллигенции. Скажу только, что он неуклонно исполнял задуманную программу. Из Петербурга Пестерев выехал за два дня до события, потрясшего всю прогрессивную Россию — гражданской казни Н. Г. Чернышевского. Запомним это, так как в выработке дальнейших политических позиций сибирского купца гражданская казнь Чернышевского сыграла огромную роль.

Путь Пестерева в Лондон лежал через Цюрих, Женеву, где он останавливался по нескольку дней. Вот тут-то уже мы подходим к первому факту, заставляющему всерьез отнестись к версии о сундуке. Обратите внимание: купеческий сын Пестерев встречается за границей с видными деятелями Интернационала А. Серно-Соловьевичем и Н. Утиным. Причем, не просто встречается, но долго беседует с каждым из них. Об Утине, например, он записал: «При встрече с Утиным в Женеве я спросил, как и чем живет и что делает? Он отвечал, что живет плохо, что почти без средств, что отец ничего не посылает. Первое время жил у Герцена, который предлагал передать ему «Колокол» и станок, но он не согласился, потому что не разделяет мнений по программе изданий с Герценом и что вот выехал в Женеву с предположением издавать свой журнал, что средства он надеется достать от Касаткина и что программа его журнала совершенно противоположная «Колоколу»...

Я извлек эту цитату специально для подтверждения знакомства Пестерева с Утиным. А. А. Серно-Соловьевич и Н. И. Утин были немногими представителями русской молодежи, живейшим образом интересовавшимися учением Маркса и поддерживавшими его. Больше того, оба они хорошо знали Карла Маркса и переписывались с ним.

Тем более любопытно, что прямо от Утина сибирский купец едет в Лондон, где проводит четыре дня в доме А. И. Герцена. Можно предположить, что он специально пошел на сближение с издателем «Колокола», дабы самому себе уяснить позиции марксистов и враждовавшей с ними группы Бакунина. Кстати, характерно: Пестерев вспоминал, что он представился Герцену как «знакомый Бакунина по Сибири».

Открыло ли такое представление путь к сердцу Александра Ивановича? Видимо, да, потому как разговор, судя по воспоминаниям Пестерева, шел весьма откровенный. Среди других вопросов обсуждался и план побега Чернышевского из сибирской ссылки.

«При разговоре с Герценом об увозе Чернышевского я сказал: 1) что хотя дело не ахти для меня мудреное, но я за него не возьмусь, во-первых, потому, что тут, то есть в Лондоне, ему, Чернышевскому, ровно нечего делать и что для него будет хуже. Там, по крайней мере, конец один, а здесь опять мука; вы сами знаете, каково это положение, а у вас еще все средства к жизни, а у него ничего нет, дожидаться же пособия труд-

но — теперь шумят, а пройдет год — другой и забудут ребятишек на ноги поднять, 300 рублей не дадут; там хоть казенное содержание (смеюсь), а здесь и того не будет, да и я, вмешавшись в это дело, могу погубить свое, от которого, думаю, будет больше пользы, чем от всех писаний Чернышевского; 2) что, пожалуй, и можно бы было найти кого-нибудь для исполнения, положим, что нашелся бы человек, готовый рискнуть собою, потому что все же тут риск: может, удастся, а может и нет; захочет ли, наконец, сам Чернышевский рисковать, потому что неудача в побеге пахнет расстрелянием; ну, положим, все захотят и даже не попадутся, что будет с семьей, кто будет воспитывать детей? Ведь, небось, никто 20 тысяч в ломбард не положит.— «Да» — сказал Герцен. Тем разговор об увозе Чернышевского и покончился».

Так ли все было на самом деле, как писал Пестерев, — сказать трудно. Следует учитывать, что эти записи не мемуары сибирского купца, а его показания, данные следственной комиссией по делу каракозовцев о подготовке к побегу Чернышевского. Член группы Каракозова Н. Странден должен был поехать в Сибирь, занимаясь там подготовкой к побегу. Для облегчения его миссии другой участник группы И. Худяков дал ему несколько рекомендательных писем, среди которых было и к Пестереву в Иркутск.

Следствие велось в 1866 году, и комиссии не удалось сразу отыскать Пестерева. Искали его в Иркутске, а он не был там с 1863 года — задумал путешествие и уехал. Отыскали сибирского купца в московской долговой тюрьме, куда он попал, возвратясь из-за границы.

О том, что Пестерев получил когда-то письмо Худякова, он не упомянул в своих показаниях. Очевидно, что скрыл он и другие важные сведения. Ведь, без сомнений, сибирский купец понимал: от того, что он будет говорить, во многом зависит и его судьба. Внешне обстоятельные и подробные пестеревские показания не должны были вызвать никаких подозрений.

Могло ли быть, что Пестерев укрывал и имя Карла Маркса, если действительно встречался с ним в Лондоне? Мне думается, что могло. Похоже, что и встреча могла состояться. При этом следует учесть характер купца, любившего дознаваться до истины, сравнивая, кто прав и кто не прав. Вот почему еще представляется возможным встреча Пестерева с Карлом Марксом. Настораживает в этом плане и то, что на обратном пути из Лондона Пестерев снова останавливается в Париже, Цюрихе и Женеве, где снова встречается с Серно-Соловьевичем и Утиным. На сей раз беседы носили более затяжной характер. О чем шел разговор? Не мог ли он явиться следствием свидания сибирского купца с Карлом Марксом?

Ясно одно: результатом переговоров был четкий разработанный план похищения Чернышевского. Он был расписан по пунктам сначала Герценом, а потом откорректирован Серно-Соловьевичем. За выполнение плана и принялся Пестерев, вернувшись в Россию. О предпринятых им мерах рассказано в документах следственной комиссии, но рассказано так, что они выглядят диаметрально противоположными подлинным действиям купца. На самом деле Пестерев читал, оказывается, что Чернышевскому необходимо бежать. Он уговаривает жену Николая Гавриловича — Ольгу Сократовну — поехать к мужу в Сибирь. С помощью связей по торговой линии Пестерев привозит семью прославленного русского революционера в

Иркутск, предполагая на купеческих рысках доставить ее к месту ссылки Николая Гавриловича. Сын Чернышевского — Михаил Николаевич — оставил теплые воспоминания о Пестере, сопровождавшем в Сибирь семью революционера.

Многие передовые люди того времени предпринимали попытки вызволить Чернышевского из ссылки. Русский друг Карла Маркса Герман Лопатин, приехавший в Россию с той же целью, был арестован в Иркутске, сидел здесь в тюрьме, а потом дал подписку о невыезде из города. Трудно даже представить, что он не знал о Пестере и его делах. Неудачный опыт каракозовцев, областников, руководимых Потаниным, и Пестерева — по подготовке к побегу Чернышевского был известен Лопатину, он извлекал из него урок.

Очевидно, знаком был с первыми планами побега Чернышевского и Карл Маркс. Его переписка с Серно-Соловьевичем и Утиным содержит доказательства этому. А в письме Н. Ф. Даниельсона Марксу от 20 марта 1873 года есть подробный рассказ о Чернышевском, о роли Лопатина в его освобождении. Утин и Даниельсон информировали Маркса о делах Лопатина в Сибири. Легко предположить, что из-за границы они тоже переправляли письма Лопатину. Могло ли среди них оказаться письмо к купцу Пестереву? Наверное, Николай Николаевич мог его получить в Иркутске.

Ведь следственная комиссия, получив устные, но мало что говорящие показания сибирского купца, вынужденно освободила его из-под стражи «как непричастного к делу». О последующих днях Пестерева не сохранилось документальных доказательств. Скорее всего он провел их в Иркутске, где у него были фабрики, дом, друзья.

Таким образом получается, что связи сибирского купца с кругом людей, хорошо знакомых с Марксом и переписывавшихся с ним, были достаточно глубоки. У них были и общие интересы, например организация побега Чернышевского.

Легко предположить, что Карл Маркс написал когда-нибудь Пестереву. Но о каком же сундуке тогда идет речь? Вероятно, вот о каком. О нем тоже есть упоминание в делах следственной комиссии. Арестовав Пестерева за участие в политической борьбе, жандармам понадобились доказательства, то есть письма и документы. Последовало распоряжение произвести обыск у гражданской жены Пестерева — Веры Яковлевны Ковалевой, оставшейся в Иркутске. Она, конечно, знала, что именно искали жандармы, и потому указала на купца Дунаева, хранителя части бумаг Пестерева. У Дунаева действительно нашли какой-то сундук, но там не было многого из того, на что ссылался купец. На допросе он показал, что это не тот сундук, а «тот», вероятно, затерялся где-то по дороге. Так ли это? Вряд ли. Если друзья Пестерева знали, что лежит в сундуке, они умышленно «затеряли» его.

Жив ли сегодня сундук? Легенды о нем ходят фантастические. Я слышал, что он побывал перед войной в Бодайбо. В годы войны на базарах в сибирских городах, говорят, делали кульки из архивных документов. Не пошли ли в ход тогда бумаги Пестерева? Может быть. Но очень хочется найти документальные доказательства тому, что Пестерев переписывался с Марксом.

Человек он был явно незаурядный и в первые годы Советской власти в Иркутске именем его даже называлась одна из улиц.

Евгений РАППОПОРТ

НАЧАЛОСЬ С ОТКРЫТКИ

Уже много лет я собираю коллекцию почтовых открыток. Недавно в нее попала целая пачка из одного семейного альбома. Большинство открыток было с видами Рима, Неаполя и других иностранных городов.

Обычно коллекционеры редко интересуются оборотом открыток — содержанием писем. Для них представляет интерес сама «картинка».

Так было и в этом случае: на содержание писем я не обратил внимания и лишь через какое-то время случайно мне попались на глаза строки: «Хотели ехать на Капри... там встретим должно быть Горького с женой».

Что такое? Кто хотел ехать к Горькому на Капри? Состоялась ли встреча?

Я перечитал все письмо. Вот оно:

*«Россия. Пермь, Разгуляй, д. Дмитриева
№ 6. Василию Ильичу Журавлеву.*

24-го июня 1910 г.

В восторге от Неаполя. Не ожидала встретить такого огромного города. Лучше Рима да и многолюднее кажется. Подходили к морю, погода пасмурная, хотели ехать на Капри, да на море говорят буря. Там встретим должно быть Горького с женой. Едем туда завтра на два дня. Буду покупать кораллы. Сегодня были в аквариуме. Видела всевозможных морских животных, очень интересно.

Целую всех.

Анна.»

Но была ли встреча? Я взялся за другие открытки.

Удача! Обнаружено еще письмо со штемпелем Неаполя, к тому же адресату.

«1910 г. 27 июня.

Была проба езды на море. Случилось, что и можно было ожидать. Ездили на Капри. Там купались, ездили на лодках в грот, очень замечательный, взбиралась на вершину и любовалась видом на море, а вечером все ходили в гости к Горьким.

Была небольшая беседа, а потом слушали граммофон, подаренный ему Шалапным.

Обратно море было очень покойно, так что ничего не случилось. Купила кораллов. Завтра идем осматривать Помпею.

До свидания. Целую всех.

Анна.»

Итак, беседа с Горьким состоялась. Но кто же наш корреспондент? Не удастся ли узнать какие-то подробности этой встречи.

Беседую с Екатериной Георгиевной Иванищевой — это она два года назад любезно передала мне открытки из альбома. Екатерина Георгиевна узнает почерк своей матери Анны Васильевны Журавлевой, работавшей в те годы учительницей в Перми. В 1910 году она ездил за границу и писала домой отцу, служащему станции Пермь I.

На другие мои вопросы Екатерина Георгиевна ничего сказать не могла, но передала еще пачку открыток, обнаруженных при переборке старых вещей в чулане и посоветовала посмотреть документы в Свердловском институте охраны материнства и младенчества, где в последнее время работала Анна Васильевна. Я пошел туда и из листка по учету кадров узнал, что Анна Васильевна Иванищева (Журавлева — ее девичья фамилия) работала здесь с 1923 года после окончания Екатеринбургского акушерского техникума.

Стало известно:

Год ее рождения — 1887.

За границей была в июне 1910 года — Австрия, Венгрия, Италия, Турция.

Цель поездки: образовательная учительская экскурсия.

Снова перебираю открытки — не подскажут ли письма еще что-нибудь.

Из второго письма, отправленного В. И. Журавлеву из Рима, узнаю, что группа Анны Васильевны именовалась так: «группа 2, маршрут 7».

В недавно вышедшей в Свердловске книге «Туристские значки рассказывают» автор ее, М. Азарх, сообщая о зарождении в начале XX века туризма среди учителей, пишет, что в 1909 году особая комиссия намечала маршруты «образовательных поездок». Там же имеется интересная ссылка на сообщение газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от 12 апреля 1909 года: «Для народного учителя, почти круглый год оторванного от центров умственной и культурной жизни и живущего, как правило, узким кругом мелких интересов, участие в путешествиях было целительным бальзамом».

Таким образом, можно считать установленным, что на острове Капри в гостях у А. М. Горького была группа русских народных учителей.

Во втором томе «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» нашлось упоминание об этой экскурсии, со ссылкой на дневник К. П. Пятницкого:

«Июнь 26 (июль, 9). На Капри приезжает группа учителей из России».

Далее там же читаем отрывок из воспоминаний А. Ф. Посох:

«Группа учителей через специальное общество, существовавшее в Москве, с большим трудом добилась права на экскурсию... с волнением рассказывали Горькому о тяжелых переживаниях рабочих, крестьян, интеллигентов...»

В этом же томе приведена еще одна запись с ссылкой на те же воспоминания:

«Июнь, 27...29 (июль 10...12). Присутствует (А. М. Горький) на вечере у русских учителей».

Но из письма А. В. Журавлевой от 24 июня явствует, что группа учителей могла быть у А. М. Горького на Капри 26 июня (27 июня она была уже в Неаполе). В чем же дело? Может быть, это была другая группа? Как мы знаем, группа Журавлевой имела номер 2. Значит, в «Летописи» отмечена встреча Горького с группой № 1, а о встрече с группой № 2 исследователи жизни и творчества писателя еще не знают?

А знать это важно еще и вот почему.

Как раз в это же время (с 18 по 30 июня ст.ст.) на Капри у Горького гостит В. И. Ленин. Не мог ли он в эти дни присутствовать на встрече учителей с писателем?

Ответа на этот вопрос я найти не смог.

Второй приезд В. И. Ленина на Капри в июне 1910 года в литературе освещен мало. Но ясно одно — это могло быть. Для живущих в эмиграции Ленина и Горького общение с людьми из России было одним из важных источников получения необходимой информации. Горький отмечал: «Владимир Ильич видел всех», то есть всех русских на Капри. За два месяца до описываемых событий в письме от 2 мая 1910 года своей сестре Анне Ильиничне в Саратов Владимир Ильич писал: «...Хоть изредка иметь весть «из глубины России» про то, что делается в новой деревне (Саратов). Сведений об этом мало, и просто побеседовать даже с знающим человеком было бы очень приятно».

Однако, сколько я ни вчитывался вновь в письма Журавлевой, упоминаний о встрече с В. И. Лениным не нашел.

Впрочем... вот еще одно письмо. Оно отличается от других. Адрес и фамилия получателя четко написаны чернилами, текст же — карандашом, неразборчиво. Последняя фраза втиснута между двух первых строк письма, но «вниз головой». Письмо без подписи. С трудом удалось разобрать текст.

«Россия, Пермь, Общество потреб. П. Ж. Д. Ивану Петровичу Головачеву.

1910 г. 18 июня.

Что-то Вам везу, не знаю, проведу ли через границу. В Риме 3-й день, южнее еще одна остановка в Неаполе, потом направимся ближе к дому. Пишу по дороге в какой-то сад. Иду в хвосте. Группа 54 человека. Публика с удивлением... (одно слово неразборчиво) и смотрит. Иду по берегу Тибра.

Как это Вам нравится?»

Новая загадка! Кто такой Головачев? Что такое везла ему Журавлева, опасаясь — сумеет ли провезти через границу?

Увы! Ответов на эти вопросы я не могу дать до сих пор. Не помогут ли в этом читатели? Может быть, кому-то, как и мне, случайно попали в руки другие звенья разорванной цепи?

П. МОГУТИН

од окном был кусок пустой земли. Летом на нем вырастала пахучая ромашка с оранжевыми пырышками без лепестков. К осени ее вытаптывали, и, когда начинались дожди, под окошком стояла кислая грязь.

Смотреть на грязь надоело, и однажды я замостил ее обломками кирпичей. Получилось еще хуже, хотя и суше. Затертый грязный кирпич назойливо лез в глаза.

В конце сентября я поехал в лес и возвращался в полдень на станцию по широкой высоковольтной трассе. Впереди по трассе голубыми слоями стелился дым. Ближе стало видно светлое пламя больших костров и фигуры людей в телогрейках с топорами в руках. Шла чистка трассы. Под острыми, сине блестящими лез-

Н. НИКОНОВ

ОСТРОВИШКО

виями ложились с невнятным шелестом молодые осины и березки. Наваленные ворохом в костер, деревца шипели, жаловались и скулили в дыму тонкими голосками, а потом внезапно вспыхивали яростным трескучим огнем, рассыпались огненно-пепельной метелью.

Вытирая слезы от едучего низового дыма, я пошел дальше по тропе через молодой густой лесок, и жаль мне его было, да ведь что поделаешь — трасса тоже людям нужна.

Две молодые елочки, сестры-погодки, прижавшись друг к другу, стояли у тропы. «Вот ведь и вас ссекут», — подумал я и остановился. Елочки точно чуяли беду — топорщили свои зеленые лапки, с детской беспомощностью протягивая их мне.

— Пинь, финь-финь, — кричала в мелколесье кочующая синица и, подлетев поближе, ворочала из стороны в сторону своей круглой, белощекой головой. Вид у желтогрудой синицы был умный.

— Вот, что с ними делать? — спросил я у синицы.

— Пинь-финь, — сказала она и упорхнула.

36

«Выкопать вас, взять да и унести, —

догадался я. — Как нарочно, и мешок большой у меня есть. Нет только лопаты. Да ведь можно копать ножиком!»

Я сбросил сумку, достал свой широкий охотничий нож и, очертив им круг, начал прорезать дерно. Рыхлый слой коричневой плодородной земли рушился быстро, желтые корешки трав туго рвались под рукой. Но все же копать ножом было неспособно, глубже пошел глинистый плотный мещерник, и я в кровь сбил пальцы о мелкие острые камни, пока добрался до главных корней. Точно крепкие жилы, уходили они в прохладную каменистую глину.

— Чо, парень, к рождеству, знать, елку припасаеть, — подошел ко мне старик-порубщик.

— Дома посажу куда-нибудь...

— Елку-то?! Зря, парень, зря, — махнул он рукой, бурой, как древесный корень. — Елка капризное дерево. Оно в лесу живет. В городе расти не станет.

— Попробую.

— Нук чо! Вали! Все одно — под топор, — уже равнодушно отозвался старик и начал сечь новую грядку кустов.

Через полчаса работы елочки подались, и осторожно, ужасаясь своей грубой неумелости, как хирург-новичок, я вытянул их с глыбой земли, обрезал лишние корешки и посадил елки в мешок.

Самое трудное оказалось впереди. Нести елки в мешке было очень неудобно — в обхват не возьмешь и на плечо взвалить боязно: все лапки переломаешь. И тащил я мешок за угол на весу, будто кошку за шиворот.

Дома быстро разобрал кирпич, вырыл порядочную яму, наносил в нее дерновой земли и осторожно посадил елочки рядом, как они и росли. Наверное с полчаса я любовался. Они выглядели так ново на вскопанной земле под окном и дополняли одна другую. Елочки-сестрички... Мне уже грезились они большими, поднявшимися над окном, я видел под

ними россыпь брусничника и белый гриб-дубовик, солидно глядящий из травы, и...

— Пустая затея,— сказал подошедший сосед, пенсионер Иван Степаныч.— В городе городское дерево надо. Да. Лесное не вырастет. Воздух не тот... Да, не тот воздух, говорю. Да... Воздух, значит, им не подходящий.

И долго он еще покуривал, кашлял, качал заиндевелой стриженной головой и говорил: «Да, не подходит, нет... Да. Не подходит...»

Но мне затея понравилась, и дня через три я поехал в лес снова, на сей раз уже с лопатой, корзинами и мешками. Объятый непонятной жадностью, копал я в лесу купавки, медуницы, подснежники, раковые шейки, нашел с десятков уже засыхающих лилий-саранок. Брал без разбора всякую понравившуюся лесную траву, имени которой не знал. «Сделаю под окном островишко, и пусть там будет все лесное». Под конец я выкопал прихваченную утренником оранжевую лиственницу и яркую молодую сосенку. Нагрузил мешок и корзины и отправился к полустанку, как странная ходячая оранжерея, благо идти было недалеко.

Теперь близ окна стояли одной дружной семейкой елки, лиственница и сосна. Я рассаживал кругом лесные цветы, а Иван Степаныч все хмыкал вокруг, дакал и табачно кашлял.

Возил я цветы и травы весь октябрь, пока земля не застыла. Маленький, но самый настоящий кусочек леса зазеленел у окна пока еще робкой и мятой зеленью. Когда выпал снег, островок стал красивее: в белое нарядились елочки, снеговой полушалок накинула сосенка, снежные шапочки повисли на позднем тысячелистнике. Только облетая лиственница да

высокие травинки лисьей осоки сиром и жалко торчали над снегом.

На рассвете я выходил из сенок на крыльцо подышать пасмурным утренним воздухом, и так хорошо было поглядеть на спящий под окошком лесной уголок. Вспоминались настоящие большие леса. Ведь и там сейчас мирно дремали елочки, кутались в снег молодые лиственки, и голые шершавые прутья березовой поросли тонули на вырубках, едва высываясь по-над снегом. И там был тот же нездешний шорох снежинок, тишина и очарование.

Всю зиму ждал я теплой весны, а она все не приходила. Март на Урале иногда совсем зимний месяц. Снежило, несло сибирской вьюгой, курило по крышам морозным куревом. Только в апреле все раскрылось, тронулось, забурлило в потоках грязных и жорких ручьев. Уже фенологи писали про скворцов. Первый жаворонок пошел над городом. А я все ждал, когда проснется островишко. Да и проснется ли после лютой зимы? Все было серо и пыльно там. Слой копоти от стаявшего снега лежал на сухой и мертвой траве. И так же мертво шевелил ее вездесущий апрельский ветер. «Пожалуй, зря я старался. Не перенесли лесные жители зиму в душном городском воздухе», — так думалось постоянно, и от огорчения реже и реже подходил я к островку.

Пасмурным темным утром на стекла чуть крапал дождь. Теплые тучки волочились за крышами. Под тучами бойко пролетали галки, и ничто не пряталось от первого этого дождика, даже наоборот, звало на улицу. Вышел и я...

На островке синели цветы. Я не поверил глазам и наклонился. Цветы! Сочные соцветия медуницы раскрылись и поднялись в одну ночь, будто спящая царевна открыла свои удивленные очи. Желтый небольшой шмель ленивенько ползал по ним, не обращая внимания на дождик. Капли ласково стучали меня по затылку, я не мог надышаться легким дождевым запахом проснувшейся земли и все оглядывал лесной островишко, замечая новое и новое. Ясные зеленые лучики травы прокалывались везде. Зубчатые морщечные листья земляники разворачивались на глазах. Я заметил набухлые почки у крохотной березки, невесть как оказавшейся тут, и какие-то зеленые узелки по

сухим и, казалось, безжизненным веткам лиственницы.

Островишко жил. Волшебное тепло весны и живая вода дождя пробудили его. День за днем он зеленел, кустился травой, обрастал цветами. Все жильцы нашего дома удивлялись и ахали, приходили смотреть. Подумать только! Настоящие подснежники, сон-трава. Наш промышленный город и лесная поэзия, сон-трава — цветок сухих борových опушек.

А меж тем распустилась сизая хвоя лиственницы, желто загорелась калужница под водостоком. И вот, наконец, на потемнелой зелени елок проклюнулись яркие светлые огоньки.

Иван Степаныч долго бродил, кашляя, вокруг островины, наконец подошел.

— Да, — сказал он, посмотрев искоса, как петух на овсяное зерно. — Да, растут. Да-а-а...

Через пару деньков встал я раным-рано, с намерением сразу сесть за работу. Разложил рукопись, глянул привычно в окно...

У елок стоял Иван Степаныч с лопатой. Стоял и что-то там делал. Чего это он? Уж не выкапывает ли?

Старик и впрямь торопливо орудовал лопатой.

— Да что он? С ума сошел! — крикнул я и уже хотел стучать в раму. Поднял руку и остановился. Старик вытащил из мешка, лежащего рядом, две худенькие рябины и начал усаживать их в яму, позади елок. Посадил, притоптал, полил из бидончика, ухмыляясь, присел на лавку. Потом оглянулся на окно и тихонько ушел восвояси.

Я давно не живу в том доме. Да и дома-то уже нет. Умер Иван Степаныч. Только островок по-прежнему цел. Заповедной землей стоит он у подножия каменной пятиэтажной громады. Растет лиственница, год от году поднимаясь выше, растут сестры-елки и те рябинки. Синеглазая медуница раздалась вширь. И по-прежнему вспыхивают в мае желтые свечи купавок над лесной осокой.

— Это наш лес! — говорят дети. Даже самые озорные почему-то не трогают его.

Рисунок Н. Мооса

ЕЛЬ МИЧУРИНА

Великий преобразователь природы Иван Владимирович Мичурин для выведения новых сортов плодов и ягод выписывал из различных уголков России семена и саженцы. А иногда и сам ездил за ними.

Так, 60 лет назад — в сентябре 1907 года — Иван Владимирович побывал и у нас на Урале, в городе Белебее.

Белебей его заинтересовал тем, что сюда местные крестьяне привозили на базар плоды дикой степной вишни.

Вишня эта была зимостойкой, имела крупные и сладкие плоды с маленькой косточкой. Особенно хорошими урожаями славился большой массив ее вблизи деревни Килимово (в 80 километрах от Белебее). Вишню отсюда возили телегами. Жители Белебее пробовали вырастить ее у себя, но безуспешно — вишня не приживалась.

В Белебее Мичурин остановился у члена земской управы Павла Андреевича Максимова. С его помощью он достал нужные для своих опытов семена, а в свою очередь подарил хозяину саженцы привезенных с собой плодово-ягодных и декоративных растений. Максимов решил на своей усадьбе заложить сад. В этом ему помог местный садовник Алойс Иосифович Циммергакл.

Вот что он вспоминал об этом: «Павел Андреевич Максимов пригласил меня к себе как садовника разбить по плану на приусадебном участке плодовый сад и цветник и помочь посадить полученный в то время посадочный материал из Петербургского ботанического сада и лично привезенный И. В. Мичуриным. Это были саженцы нескольких сортов яблони, груши, вишни, смородины, малины, ежевики, ель серебристая и другие». В посадке сада принял участие и сам И. В. Мичурин.

С тех пор прошло более полувека. Почти все плодовые деревья за это время погибли, а ель серебристая сохранилась.

Этот прекрасный образец серебристой (или голубой) ели имеет сейчас высоту 13 метров. Она хорошо плодоносит.

Ель, посаженная И. В. Мичуриным, — живой памятник замечательному селекционеру в Башкирии. Здесь, на доме № 39 по ул. Чапаева Белебеевскому горисполкому следовало бы установить мемориальную доску.

1.

Циклон возник западнее Шпицбергена. Он обдал ледяным дыханием Скандинавию и северную часть Европы, пронесся до Карпат, а оттуда обрушился на Черное море, ласковое и спокойное в эти последние недели весны.

Впрочем, синоптики сообщили о циклоне с опозданием, лишь после того, как двенадцатибалльный ураган уже натворил тысячи бед на своем пути. Пришелец из Арктики, казалось, задался целью выплеснуть море прочь, но оно, по-настоящему черное в те дни, взъярившись, вступило в единоборство с ним, и к исходу третьих суток ураган начал слабеть, пока не запутался окончательно в ущельях Главного Кавказского хребта.

В первый погожий день после шторма Виктор Мамаев, Серега Панов, Алик Котов и Игорь Есеев — крепкие, дочерна загоревшие пареньки, и с ними Нора Забелина — с виду хрупкая девочка-подросток, отправились к морю. Они шли в Бассейновую бухту, к устью Холодной речки. Бухта эта имела свою историю.

Задолго до Великой Отечественной войны строители железной дороги начали на Холодной речке работы по укреплению берегов. От устья речки вверх по берегу уже вырыли несколько котлованов под фундамент подпорных стен. Но трассу дороги спрямили, и надобность в тех стенах отпала. Штормовые волны постепенно затопили котлованы и тоненьким слоем воды соединили образовавшиеся бассейны между собой и с морем.

Бассейновая бухта давно уже стала для ребят излюбленным местом отдыха. Сейчас они стояли на берегу, и перед ни-

ми лениво колыхалось то самое море, которое только вчера обрушивалось на городскую набережную, грозя раздробить ее. Впрочем, следы урагана сохранились и здесь: берег был усеян невесть откуда взявшимися бревнами, корягами, досками и... рыбой. Последняя штормовая волна вынесла на сушу косяк ставриды и, отступая, оставила рыбу там, куда добежала, подгоняемая ветром. Некоторые из ставридок все еще подавали признаки жизни.

Ребята спустились к кромке прибоя. По дороге Нора подняла живую рыбку и, размахнувшись, забросила в море. Ее примеру последовали мальчишки. Увлечшись, друзья разбрелись по берегу.

— Ре-бя-та!.. Ско-ре-е-е! Живая бело-боч-ка!.. Ог-ром-на-я-а! — взбудоражил вдруг ребят истошный крик Сереги, раньше других добравшегося до волнореза.

Все устремились к Сереге. Еще бы! Дельфины на Черном море в последние годы так истреблялись, что уже стали редкостью. Во всяком случае, ребятам до сих пор доводилось видеть их лишь издали, играющими в открытом море. А тут...

За волнорезом, метрах в тридцати от кромки прибоя, в неглубокой яме, наполненной водой, лежал живой дельфин. Присев на корточки, ребята принялись разглядывать двухметрового пленника.

— Какая же это белобочка? — произнес наконец Виктор. — Самая настоящая афалина. Молодая афалина, а не белобочка...

Ребятам было безразлично: белобочка или афалина лежит перед ними и смотрит на них широкопоставленными добро-

С. ПРАГА

БОРЬКИНА КАРЬЕРА

душными глазами. Только Серега насмешливо фыркнул.

— Ну и что же? Главное — живая!.. Ишь, как щурится, — он ткнул палкой дельфина в бок. Тот вздрогнул, пошевелил грудными плавниками и, закрыв глаза, чуть отодвинулся в сторону. Нора нерешительно протянула руку, погладила дельфина по спине, а затем, осмелев, ласково потеревила за спинной плавник.

— Ребята, а ведь он чем-то напоминает Борьку!

Дельфин издал свистящий звук. Мальчишки рассмеялись. Флегматичным видом афалина действительно напомнила им одноклассника Бориса, очень сильного и очень добродушного шестнадцатилетнего увальня.

— Боря, Боринька, Борька!.. — продолжала Нора, нежно похлопывая дельфина по лоснящейся спине. — Ишь, какой ты шелковый... Приятненький... Ну, а что же нам делать с тобой, Борька?.. Мальчишки, как быть с Борькой?

— Прибить и сдать в колхоз! — предложил Серега.

— Скажешь тоже! — возмутился Виктор. — Кто же позволит такое?.. Афалину надо выпустить на волю. Полудохлых ставридок сбрасывали в море, а тут...

— Так то ставридки!.. По идее, каждая спасенная рыба — будущая рыба стая, — начал оправдываться Серега. — А что сказал: «прибьем», так это само собой вырвалось... Поволочем?

— Не-е, волочить нельзя, — возразила Нора. — Его надо бережно...

Нашли две доски. Выплескав наполовину воду из ямы, осторожно подвели доски под грудь и брюхо пленника. Дельфин не бился, не вырывался из рук, — он, казалось, понимал, что все это делается ради его спасения. Только посвистывал изредка, да дважды из его зубастой пасти вырвались скрипящие звуки.

Когда «Борьку» уложили на доски, Виктор оглядел ребят и, мысленно определяя силу каждого, предложил:

— В первой паре пойдем Серега и я, во второй — Игорь и Алик... Тебе, Нора, хвост поддерживать. Понятно? Поднимаем одновременно! Раз... Два... Взяли!

Афалина оказалась тяжеленной, килограммов на двести. Нести ее не хватало сил. Ребята часто останавливались, пыхтели и отдувались, но упрямо шагали к цели.

— Потерпи, Борька!.. Потерпи, маленький!.. — приговаривала Нора.

Пятьдесят шагов не бесконечность.

Вскоре ребята зашлепали по мелководью и вот уже по колено вошли в воду.

— Стой! — с трудом переводя дыхание, сказал Виктор. — Опускаем!

Оказавшись в родной стихии, дельфин тут же нырнул, затем показался на поверхности и, слегка заваливаясь на правый бок, быстро поплыл, но не в море, а описывая круги.

— Ребята! — воскликнул Виктор. — Так ведь мы сбросили Борьку в первый бассейн! Чуть левее надо было взять... Ни за что не выбраться ему отсюда!

Только сейчас ребята заметили свою оплошность. Заспорили: как быть теперь с дельфином? Стронник радикальных мер Серега советовал прорыть выход из бассейна. Алик считал, что ближайший шторм нагонит волну и та вынесет Борьку из ловушки. Игорь предложил раздобыть сеть, выловить Борьку и сбросить в глубокую воду.

— Поймите вы, мыслители! — горячилась Нора. — Канаву мы не пророем и за месяц. Шторма не предвидится. И Борька не такой дурной, чтобы дать изловить себя сетями... А мы как-никак теперь отвечаем за Борьку, и надо его хотя бы накормить для начала!..

В бассейн полетели стазридки, подбренные за волнорезом. Продолжая носиться по кругу, Борька долго не трогал рыбу. А потом вдруг схватил поперек самую большую и скрылся под водой. Через несколько секунд всплыл, ухватил вторую и вновь ушел на дно...

Между тем близился полдень. Так и не решив, что делать с дельфином, ребята отправились домой. Нора шла рядом с Виктором. Ее интересовало — почему тот молчал, когда шел спор о Борькиной судьбе? Виктор ответил не сразу.

— Видишь ли, недавно я читал в журналах... Профессор Портманн составил таблицу умственных способностей. На первом месте в ней, конечно, человек. На втором — дельфин. И уже за ними идут слон, обезьяна, собака, лошадь и так далее... Вот у меня и возникла идея — приручить Борьку. Представляешь такого дельфина?

— Читала у Беляева, — со смехом ответила Нора. — Как Ихтиандр верхом на дельфине катается. Фантазия!

— Верно... Но ведь о дельфинах, которые на себе возили людей, писал не только Беляев... Писали Гомер, Аристотель, Плутарх... И Геродот писал, и Пли-

ний-старший тоже... Я вот думаю: где добывать корм для Борьки?..

2.

Виктор и Нора жили на одной улице, почти рядом, и под вечер Нора заглянула к однокласснику. Тот многозначительно похлопал ладонью по книге, лежавшей перед ним на столе.

— Интереснейшая!.. Воспоминания дрессировщика Дурова. Много поучительного... А ты чем занималась?

— Была в колхозе, у дяди Феде... Рассказала о Борьке. Дядя Федя вспомнил, что однажды дельфины загнали в колхозные сети огромный косяк сельди, и... пообещал ежедневно выдавать на Борьку по два ведра рыбы, негодной для сдачи. Все одно выбрасывать, говорит...

Для начала все складывалось как нельзя лучше.

Виктор и Нора обсудили, как приручать пленника, а наутро отправились к бассейну, в котором оставили дельфина. Завидев их, Борька скрылся под водой, затем высунул «клюв» наружу и застыл на месте.

А вчерашние спасители не спеша сняли рюкзаки с рыбой, разделись и с большими рыбинами в руках подошли к кромке воды.

— Начали, — шепнула Нора.

Виктор выкрикнул имя дельфина, свистнул, заложив пальцы в рот, и сейчас же Нора бросила рыбину в бассейн. Борька под водой подплыл к ней, схватил добычу и через долю секунды оказался в дальнем углу бассейна. Вторую рыбину, брошенную после оклика и свиста, Борька схватил, так же скрыто подплыв к ней. Но больше не уплывал прочь, а одиннадцатую даже поймал на лету. Теперь следовало добиться, чтобы дельфин взял пищу из рук.

Держа за хвост самую крупную рыбину, Виктор вошел по пояс в воду. Не ожидая оклика, Борька стремительно пронесся по бассейну, выскочил из воды и, прежде чем Виктор сообразил, что произошло, схватил рыбину у него из рук.

Часа через два от «пайка» осталось лишь несколько рыбешек. Вскоре Борька до того привык к Виктору и Норе, что подплывал к ним, позволял тереть себя за спиной плавник. И рыбу брал из рук уже не рывком, с ходу, а не спеша, деликатно...

Бассейновая бухта пользовалась дурной славой у местных жителей. Не забредали сюда и курортники: многочисленные объявления на пляжах и в здравницах предупреждали о том, что в бухте вдоль берега тянутся траншеи, глубина которых обманчива.

Никто не мешал юным дрессировщикам. Не привлекая внимания посторонних, они ежедневно приходили к Борьке и подолгу возились с ним. Борька оказался способным учеником и, как уверяла Нора, человеческую речь понимал с полуслова.

За «пайком» чаще всего ходила Нора. Встречаясь с дядей Федей, она подробно рассказывала ему о Борьке. Тот внимательно слушал и неизменно заключал:

— Все это фитюльки! Вы бы научили его разыскивать рыбы косяки в море. Чтобы он при рыбаках был, как легавая при охотнике... Вот в какую точку надо бить!

— Так ведь он в клетке живет,— оправдывалась Нора,— где же ему рыбы косяки искать?

Однажды дядя Федя сказал, что не прочь взглянуть на Борьку, который вот уже четыре месяца «на довольствии в колхозе состоит».

— Прав старик! — согласился Виктор.— Кормит-то он...

Борькино выступление перед широкой аудиторией наметили на воскресенье, тридцатого октября. Виктор и Нора обо-

шли родственников и знакомых, пригласили отдыхающих из санатория, ближайшего к бухте. Не забыли и о школе. А дядя Федя обещал привести весь рыболовецкий колхоз.

К приходу первых зрителей в центре бассейна уже стояла металлическая лестница-раскладушка. Сидя на ней, Виктор познакомил публику с Борькой и начал «представление». В тот день Борька был «в ударе». Послушный голосу, жестам и красному флажку в руках Виктора, он выпрыгивал из воды и делал «бочку». Кувыркаясь, ловил подброшенную рыбу. По команде достал со дна брошенные в воду бутылку с лимонадом, двухкилограммовую гантель, крышку от эмалированной кастрюли..

Дядя Федя, разойдясь, бросил в воду наручные часы и потребовал, чтобы Борька достал их. Кое-кто смеялся: «Пропали часы!»

— Не пропадут! — утешал самого себя дядя Федя. — Они у меня водонепроницаемой породы. Ежели что, я и сам нырну!

Но нырять ему не пришлось: Борька достал часы и принес их Виктору...

На берегу юных дрессировщиков ожидали рукопожатия и восторженные похвалы. Классная руководительница девятого «а» обняла Нору:

— Спасибо за удивительный спектакль! О вашем дельфине обязательно следует написать в журналы!

— В главное управление цирков надо написать, вот куда! — заметил дядя Федя.

— Можно и туда, — согласилась классная руководительница. — Важно не делать тайны из успеха...

Преподаватель биологии взялся написать о Борьке в журнал, а Виктор и Нора засели за письмо в Управление госцирков. Писали кратко: как дельфин оказался у них, в каких условиях живет. Чему и за какой срок научили его. Спрашивали, как быть дальше.

Письму полетело в Москву. Ребята рассчитывали на скорый ответ: дней десять пройдет, не больше. Но прошло десять дней, за ними прошла еще неделя, и еще, а ответа не было.

В середине декабря начались зимние штормы, и случилось то, о чем когда-то говорил Алик. После первого же пятибалльного шторма Борька исчез... Ребята переживали. Нора даже плакала...

Под новый год пришло, наконец, письмо из Москвы. «Дрессированный дельфин, — писали из Управления госцирков, — безусловно, заслуживает внимания, но, к сожалению, вряд ли удастся показать его широкой публике. С ваших же слов — он работает в крупном бассейне с проточной морской водой, почти в природных условиях. А этого нельзя создать на цирковом манеже...»

В письме упоминалось, что дрессировка дельфинов — дело вовсе не новое, что в США, например, существует несколько специальных морских театров, где дельфины афалина и гринда обучены всем трюкам...

3.

Со шторма, который помог Борьке обрести свободу, прошло полтора года.

44 Окончив школу, Виктор работал токарем в портовых мастерских, а Нора стала вос-

питательницей в детском саду. Знакомство с Борькой не прошло для них бесследно: оба решили посвятить себя изучению морской фауны и уже поступили на заочное отделение биологического факультета.

Как-то напарник Виктора Коля Седых, владелец моторной лодки, предложил отправиться на рыбалку. Виктор не отказался. Приятели встретились у причалов. Коля Седых кроме рыбачьих снастей принес охотничье ружье.

Рыбу ловили километрах в трех от берега. День выдался по-настоящему летний, черноморский: ни облачка, ни волны! Легчайший ветерок приятно обвеивает, а с которой стороны — угадывай.

Коля Седых не зря говорил: «У меня нюх на рыбу! Улов будет — во-о!» Друзья выловили несколько десятков крупных сельдей. Неожиданно Коля поднял ружье со дна лодки.

— Ты что это? — удивился Виктор.

— Да вон дельфины прут, прямо на нас... Шугану по головному, чтобы рыбу не распугали.

Виктор оглянулся. Прямо на них неслось до десятка дельфинов. Виктор вскочил и ухватил ружье за дуло.

— Не стреляй! Может, среди них и Борька наш!

Коля Седых всего год как пришел в мастерские и о прирученном дельфине ничего не знал. Он положил ружье и строго взглянул на товарища.

— Между прочим, запомни: оружие требует вежливого обращения. Ружье-то заряжено, и палец на курке...

Дельфинья стая, описывая дугу, начала сворачивать в сторону. Виктор пронзительно свистнул и, призывно махая руками, крикнул:

— Борь-ка-а-а!..

От уплывающей стаи отделился дельфин и направился к лодке.

— Борька!.. Ко мне!.. — радостно кричал Виктор.

Выпрыгнув из воды, дельфин сделал «бочку», нырнул и выплыл в нескольких метрах от лодки. Бронзовое от загара тело мелькнуло в воздухе, и через мгновение Коля Седых стал свидетелем необычайной встречи.

— Борька!.. Боринька! — восторженно говорил Виктор, подплыв к дельфину и обнимая его. — Какой же ты большущий вырос!.. А ну, Борька, поздороваемся! Не забыл, как надо здороваться?

Дельфин высунулся по брюхо из воды и, оттопыривая правый плавник, пошелвел им. Виктор и Борька обменялись «рукопожатием».

— Молодчина! — рассмеялся Виктор, а Коля Седых, безмолвно наблюдавший всю эту сцену, онемел от удивления.

Держась за Борькин спинной плавник, Виктор подплыл к лодке, забрался в нее и протянул дельфину большую селедку. Тот взял ее «клювом», подбросил в воздух и, поймав на лету, проглотил. Виктор, довольно улыбаясь, глянул на товарища.

— Видно, не забыл Борька науку. Сейчас проверим. Только рыбу подавай, когда скажу...

Сорвав с кормы красный флажок, Виктор взмахнул им.

— А ну, Борька, покажи классическое сальто-мортале. Раз!..

Описав большой круг, Борька выпрыгнул метров на шесть из воды и дважды кувыркнулся в воздухе. Дальше трюк следовал за трюком. Борька с увлечением выполнял команды и, как заметил Виктор, намного чище и красивее. А получив сигнал на «двойную бочку», ухитрился раз пять перевернуться справа налево и затем шпотором уйти в глубину. Коля Седых смотрел на все это заворожено, по-детски приоткрыв рот.

— Надо показать его Норе, — взволнованно сказал Виктор. — Заводи мотор!

— Ты думаешь... он поплывет за нами? — промолвил наконец Коля.

— Попробуем!

Мотор чихнул раза два и застрекотал. Борька не испугался, не шарахнулся прочь. Он не спеша отплыл метра на три от лодки и настороженно уставился на Виктора. Перегнувшись через борт, Виктор протянул Борьке рыбину.

— Борька, а Борька, поплывешь с нами? Нора будет рада встретиться с тобой... Ты помнишь Нору?

Лодка плавно описала полукруг, легла на курс. Борька слегка шевельнул хвостом и... поплыл рядом с лодкой. Поглядывая на дельфина, Коля прибавил обороты мотора и постепенно начал выжимать из него все, что мог. Борька не отставал и, казалось, плыл совершенно не затрачивая энергии.

— Мы двадцать узлов в час делаем, а он хоть бы хны!

— Его и тридцатую не удивишь! — ответил Виктор. — Сбавляй ход. Отсюда

ДЕЛЬФИНЫ — АКРОБАТЫ

Японское взморье известно своим дельфинным цирком. Находится он в океанарии курортного города Эносима и пользуется большой популярностью. Животные ловят мяч, перепрыгивают через барьер и обруч, берут рыбу из рук посетителей. Убедитесь сами, посмотрев на эти фотографии.

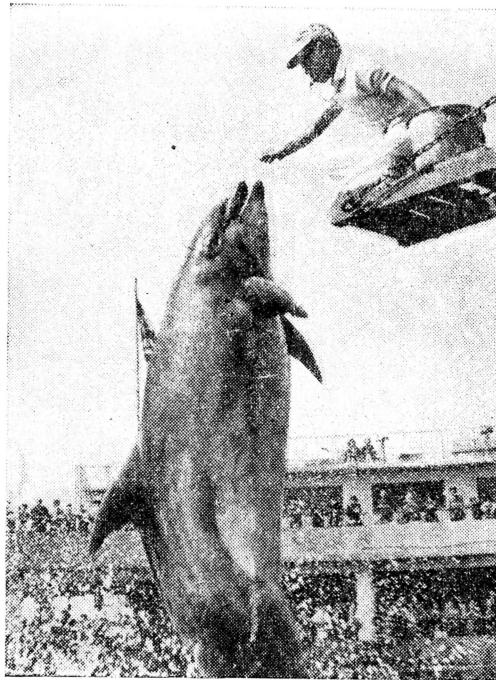

Фото Ю. Муравина 45

мы поплывем сами, а ты — за Норой! Разыщи ее!..

Едва Виктор оказался в воде, Борька, тихо посвистывая, подплыл вплотную. Виктор ухватил его за спинной плавник. Продолав метров сто на буксире, отпустил Борьку и глубоко нырнул. Борька последовал за ним, подплыл под него и начал спиной выталкивать Виктора на поверхность.

На мелководе Виктор встал на ноги. Вода доходила ему по грудь. Почему-то Виктору казалось, что Борька не захочет плыть дальше. Чего доброго, взмахнет хвостом и помчится прочь из бухты, разыскивать родную стаю... Но Борька и не помышлял о бегстве. Медленно плывя за Виктором, он заигрывал с ним: уходя под воду, подплывал к нему, «клювом» пощипывал его то за икры, то за спину. А с берега вдруг послышался звонкий голос:

— Борька-а-а!.. Борень-ка-а-а!

Нора и за нею Коля Седых торопливо спускались по крутой тропинке к морю. У кромки прибоя Нора сбросила с себя платье и прыгнула в воду. Борька призывно свистнул и поплыл ей навстречу.

4.

С того свидания не проходило дня, чтобы Виктор и Нора не встречались с Борькой. Видимо, дельфин поселился где-то в акватории Бассейновой бухты, потому что стоило кому-либо из друзей, выйдя на волнорез, окликнуть Борьку, как он был тут как тут.

Вскоре Виктора призвали на военную службу.

В день отъезда — поезд отходил ночью — Виктор и Нора, как обычно, встретились на волнорезе. Борька приплыл моментально. Наигравшись с дельфином, Виктор обнял его:

— Вот так, брат! Начинается серьезная жизнь. Прощай, Борька! Ну, а если придется встретиться — мы такое покажем, что... — проглотив конец фразы, он похлопал Борьку по спине и медленно направился к берегу.

Держась за руки, друзья поднимались по тропинке в город. На крутом повороте остановились.

— Послушай, Виктор! — нерешительно проговорила Нора. — Почему ты сказал Борьке «прощай»? Мы будем ждать тебя. И Борька будет ждать, и я...

Услышанное поразило Виктора. Под-

шучивает?.. Он взял Нору за плечи, повернул лицом к себе и... растерялся.

— А ну повтори, что сказала!

— Сказала, что слышал! — насмешливо улыбнулась Нора. — А не дошло — значит в умственном развитии ты уступаешь Борьке!

На призывном пункте Виктора зачислили в команду пограничного отряда.

Оказавшись в пограничных войсках, Виктор сразу проникся уважением к границе: так вот какая она!.. От столба к столбу тянется условная линия. Там, где стоишь, — свободный мир, и каждый тебе здесь товарищ, друг и брат. А шагнешь через ту воображаемую линию — и сразу окажешься там, где волчьи законы...

Очень скоро понял Виктор: граница не терпит губошлепов. Если выпала тебе доля охранять рубежи — будь начеку! Чем спокойнее вокруг, тем зорче смотри по сторонам.

К середине второго года службы Виктор Мамаев был младшим сержантом, удачливым старшим наряда, на счету которого значился не один задержанный нарушитель границы. И была у Виктора цель: после демобилизации посвятить себя пока что не существующей профессии — обучению дельфинов работать в содружестве с человеком.

Виктор часто получал письма от Норы. О себе она писала мало, а о Борьке — все, что могло интересовать Виктора. Борька рос, мужал, превратился в четырехметрового красавца-афалину, ничего не забыл и охотно осваивает новые трюки.

Как-то Нора написала: «Можешь поздравить: «женился» Борька! Три дня пропал и приплыл с дельфинихой. Очень милая особа! Чуть поменьше Борьки. Чуть светлее. На кончике «клюва» белое пятнышко величиной с пятак. Я назвала ее Мальвиной. Ее я ничему не учу, но, представь себе, она проделывает почти все борькины номера. Так что у нас уже труппа!»

Однажды на границе случился прорыв. Во второй половине дня в аэропорту, во время посадки на самолет, уходящий в Новосибирск, сотрудники органов Государственной безопасности задержали агента иностранной разведки, заброшенного в то утро на территорию СССР.

Поняв, что заперательство ни к чему не приведет, он рассказал, как на рассвете с иностранного корабля, находившегося в экстерриториальных водах, его спустили в море в створе Приморского маяка и санатория «Луч», который находится севернее города. На линии буев, протянувшейся вдоль пляжей, никем не обнаруженный, он сбросил с себя под водой снаряжение и вышел на берег, как обычный курортник. Его встретили, дали одежду и посадили в автобус, шедший в аэропорт. На контрольно-пропускном пункте его документы — паспорт и командировочное предписание, полученные вместе с одеждой, — проверил пограничный наряд...

Под вечер на заставу приехал начальник отряда. Он-то и рассказал об этом.

— Самое неприятное в этой истории, — говорил полковник, — то, что проверку документов у пассажиров автобуса проводил наш неплохой старший пограничного наряда младший сержант Виктор Мамаев!

Виктор стал по команде «смирно». Со стыда не мог смотреть на товарищей. А полковник продолжал:

— Поймите, товарищи: времена, когда нарушитель коровьи копыта надевал на руки и на ноги, — миновали! Граница ограждена контрольными препятствиями. Враг знает это и идет на всевозможные хитрости...

5.

В город приехала Нора. Она не впервые была здесь. С вокзала позвонила на заставу. Договорилась с Виктором о встрече в пальмовой аллее у городского пляжа.

Странной какой-то показалась она Виктору в этот раз. Жара, духота, дышать нечем. Люди в одних купальниках — и то потом обливаются. А Нора, как старушка в осеннее ненастье, сидит на скамейке, накинув платок на плечи, и руки кутает.

Виктору стало не по себе: что это творится с подругой?

— Ты что, больна? Нет?.. Так чего же кутаешься?

— Не могу. Людей совестно... — Распахнув платок, Нора показала Виктору руки. От локтей к плечам они были все в синяках, с черными пятнами следов от чьих-то сильных пальцев.

— Где же это тебя?.. Кто?..

— Не кричи!.. Это меня Борька с Мальвиной. На той неделе баловалась с ними, и вот...

— Как же это получилось?

— Да вот так... Метрах в двухстах от берега отплыли они от меня, а я возьми да и пискни по-ихнему. Пискнула и нырнула... Не успела дна коснуться, как Борька и Мальвина догнали меня и «клювами» за руки схватили. Вытолкнули на поверхность и поволокли к берегу, на мелководье. Видимо, для них тот звук означал что-то вроде «Спасите, тоню!» А зубы у них острые... Вот и хожу вторую неделю...

Репродуктор, замаскированный в кроше пальмы, кашлянул и сердито просипел: «Алло! Алло! Говорит дежурный спасатель. Девушка в синей шапочке и молодой человек на зеленом драконе, вы нарушаете правила! Немедленно плывите в зону, за буи... Повторяю: немедленно плывите в безопасную зону!»

Нора улыбнулась:

— Надо наших научить, чтобы гоняли всех, кто за буи заплывает. Предложим горсовету? А?..

В тот вечер Виктору долго не спалось. А наутро он пришел к начальнику заставы с просьбой разрешить необычный опыт: выучить Борьку и Мальвину патрулировать в территориальных водах. Разве не заманчиво?.. Пока нарушитель плывет к берегу, дельфины успеют не один раз «прошить» в оба конца километров пятнадцать прибрежных вод. Обнаружив подводника, они или выловят его или поднимут тревогу и укажут, где искать...

На беду, начальник заставы о дельфинах знал очень мало и все — не в их пользу: прожорливые морские хищники, питаются исключительно рыбой, чем наносят непоправимый вред рыбководству... Не зря же уничтожали их на Черном море!

Слушая Виктора, он уныло глядел на потолок, изредка похрустывая узловатыми пальцами. Вот если бы Мамаев сказал: «У меня два дрессированных дельфина, готовых с утра до вечера плавать в пограничных водах и вылавливать шпионов-подводников. Разрешите приступить к патрулированию!» А у Мамаева только предположения... Хотя, если здраво рассудить, они, действительно, заманчивые...

— Знаете что, товарищ Мамаев, — решил он наконец. — Задуманное вами настолько масштабно, что не мне здесь решать. Идите к начальнику отряда. И уж

как порешит начальство, так тому и быть. А полковнику я позвоню...

Поддав робость, Виктор вошел в кабинет начальника отряда. Доложил о себе и, смущаясь, положил перед полковником папку с коричневыми тесемочками.

— Вот, товарищ полковник, печатные материалы о дельфинах...

— Садитесь, товарищ Мамаев,— сказал полковник, раскрывая папку.— Что это? Вырезки из газет и журналов? Гм... Ими займемся на досуге... Рассказывайте, что придумали.

— Я, товарищ полковник, чтобы многое было ясно, должен начать с Плиния и Геродота.

— Что ж, давайте с древних! Слушаю...

6.

Грот, в котором Виктору разрешили поселить Борьку и Мальвину, некогда был, видимо, каменоломней античных строителей. В незапамятные времена море ворвалось в нее и образовало там спокойное неглубокое озеро площадью в триста пятьдесят квадратных метров. Воду в озере постоянно подогревали горячие подземные источники, а посредине его проглядывал малюсенький лысый островок. Пограничники назвали этот крохотный участок суши Коварным, так как временами он исчезал под водой. Проникнуть в грот можно было по тропе вдоль кромки морского берега, а лучше — со стороны моря, на лодке. От заставы до грота было чуть больше километра. А от прожекторного поста — двести шагов. В домике у поста полковник предложил поселиться Норе, придумав для нее должность инструктора по подводному плаванию. С Норой Виктор уже обо всем договорился.

В грот провели сигнализацию особой конструкции, чтобы дельфины могли в дальнейшем поддерживать связь с заставой, и Виктор поехал в отпуск, в Энск. Ехал радостным, хотя беспокоила мысль: как встретит Борька? Согласится ли на переезд?

Но опасения оказались напрасными,— Борька встретил Виктора восторженно. Мальвина, во всем подражавшая «супругу», сразу признала в Викторе хозяина, которому положено подчиняться, как Норе. О том же, что Виктор приехал в Энск за дельфинами, знали только родители дрессировщиков и дядя Федя.

— Ты что же это? — выговаривал он Виктору.— И девку умыкаешь, и дельфинов, а? Ну, девку куда ни шло, понимаю и даже одобряю. А с Борькой сплошной обман с твоей стороны. Я ждал: отслужит солдат, возвратится, научит афалин выискивать рыбки косяки. А ты... Ну, да ладно. Скажи все же, когда думаешь трогаться. Подготовлю рыбешки на дорогу.

Борька и Мальвина охотно последовали за Виктором и Норой. Весь морской переход от Энска до заставы прошел без осложнений. Не трудным оказалось и завести их в грот.

Дельфинам как будто понравилось новое место жительства. Вода теплая, еды вволю... Во всяком случае, они даже не пытались выплыть из грота сами, без зова дрессировщиков.

В течение двенадцати дней Виктор и Нора выводили дельфинов на прогулку в море и по два-три часа носились на моторной лодке наперегонки с ними. А затем Борьку и Мальвину выпустили в море без присмотра.

Они долго резвились в волнах, потом исчезли. Но стоило Виктору позвать их — приплыли и послушно направились в грот.

Еще дней через десять дельфины научились, возвращаясь с прогулки, сигнализировать на заставу. То Борька, то Мальвина высывались по плавники из воды и «клювом» дергали шарик, прикрепленный на цепочке к прибору сигнализации.

Теперь началась большая, кропотливая работа по обучению дельфинов патрульной службе. В помощники Виктору дали ефрейтора Славу Груздева, кандидата в мастера подводного спорта, заядлого аквалангиста, для которого море давно уже стало родной стихией.

Нора аккуратно вела дневник «Нулевой группы» — так называли их небольшой коллектив, включая дельфинов. После первой попытки заставить дельфинов схватить аквалангиста под водой появилась в дневнике такая запись: «Расстояние от берега 300 метров. Глубина 2,5 метра. Слава в полном снаряжении — баллоны, ласты и маска — на глаза у Борьки и Мальвины ушел под воду. Никакой реакции с их стороны. Минут через пять Виктор и я прыгнули с лодки и под водой начали догонять Славу. Дельфины подплыли к нам и безразлично наблюдали, как мы «боролись» с «нарушителем». А через полчаса, когда я, издав «тот» писк, исчезла в волнах, Борька и Мальвина «спасли» меня точно

так, как в Энске,—ухватив «клювами» за руки...»

Шли недели, а миролюбивые животные никак не соглашались вступать в борьбу с «нарушителем».

Виктор терял терпение.

— Честнее всего было бы уже сегодня доложить полковнику о том, что ничего не получается!

— Потерпи! — говорила Нора.— Они поймут! Должны понять. Ведь хватают же они меня, «спасая». Значит, есть у них такой инстинкт. Нам только бы секрет найти, как воспользоваться этим инстинктом.

На третьем месяце напряженной работы в Норином дневнике появилась запись: «Расстояние от берега 300 метров. Глубина 2 метра. Когда Слава спустился под воду и поплыл, а Виктор и я бросились ловить его, Мальвина — что значит женская сообразительность! — наконец-то догадалась, вернее, поняла, что надо нам! Она опередила меня и схватила Славу за левую руку. Борьке не оставалось ничего другого, как последовать примеру подруги. Вдвоем они вытащили его на поверхность!»

С того дня подобные записи все чаще стали появляться в дневнике. Каждый четверг Виктор докладывал начальнику отряда о «Нулевой группе». А однажды насмешил полковника сообщением:

— Позавчера произошла неприятность... Выпустили Борьку и Мальвину в море. Порезвившись, они исчезли. А через час тащат аквалангиста в обморочном состоянии... Пришлось приводить в чувство парня. Когда пришел в себя, мы узнали, что дельфины заплыли севернее города и там обнаружили вдали от берега того аквалангиста. Подхватили за руки и... в грот! Парень так и не понял, что приключилось с ним. Уверен, что это акулы. Собирается писать благодарность пограничникам за спасение.

Наконец настал день, когда Виктор доложил о том, что задача выполнена. Можно назначать комиссию, чтобы из учебной перевести «Нулевую группу» в служебную.

Недели через полторы после этого на заставу приехали два генерала и еще несколько офицеров. Вызвали дрессировщиков. Начальник отряда представил их комиссии, а затем сказал:

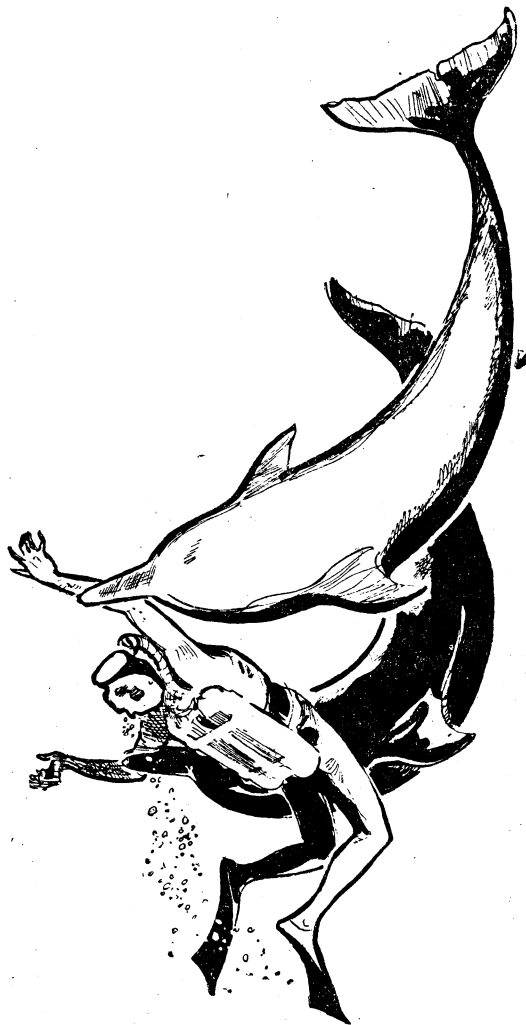
— В пять часов в виду города в территориальные воды будет спущен «агент», которому поручено выйти к по-

лудню на городской пляж. В шесть часов вы должны выпустить в поиск питомцев «Нулевой группы». Задача ясна?

— Ясна! — хором ответили дрессировщики.

Дальше события развивались так: в шесть ноль-ноль Борька и Мальвина, напутствуемые Норой, выплыли из грота. В шесть сорок пять в помещении дежурного по заставе сработал сигнал тревоги из грота. А в семь двадцать в комнату, где находились члены комиссии, ввели аквалангиста. В руках он держал ласты и маску. Поздоровавшись, аквалангист сел и, устало покачивая головой, сказал:

— Вот дьяволы! Схватили так, что до сих пор не могу пальцами пошевелить... А от скорости в ушах гудит... Не завидую

тому, для кого подобная встреча окажется неожиданной! Тут и инфаркт не исключен...

— Эксперимент удался. Будем считать, что первая пара служебно-розыскных дельфинов подготовлена. Поздравляю! — сказал председатель комиссии.

7.

Дни шли. Борька и Мальвина от восхода до заката носились в прибрежных водах. Трижды в день они заплывали в грот, «на перекур», как говорила Нора. Приплывая «домой», подавали сигнал тревоги. Кто-нибудь из дрессировщиков появлялся в гроте с ведром свежей рыбы и кормил дельфинов.

В разгар купального сезона Борька и Мальвина дважды притаскивали в грот до бескувствия перепуганных курортников, рискнувших заплывать далеко в море.

И наконец настал день действительной проверки боевой готовности «Нулевой группы».

Среди тысячи звуков и шумов приборов выловили рокот мотора, работающего на больших оборотах. Дежурный акустик не ошибся: через несколько минут после

этого в легкой предутренней дымке, нависшей над морем, наблюдатель обнаружил небольшую яхту, идущую курсом «зюйд-зюйд-вест». До нее было не более пяти кабельтовых, и, видимо, на яхте заметили сторожевой пограничный корабль.

На сторожевике пробили боевую тревогу. Взвился сигнал: «Яхте немедленно остановиться, лечь в дрейф!» На яхте не могли не видеть этот сигнал, но она продолжала идти прежним курсом. Пограничники постепенно настигали яхту. Когда расстояние между нею и сторожевиком сократилось метров до двухсот, мотор на яхте умолк.

Подойдя вплотную к яхте, командир пограничников высадил на нее осмотрную группу. Со слов капитана — владельца яхты — выяснилось, что «Гюльшакра», — так называлось это судно под иностранным флагом, — вышла вчера вечером из Трабзона. Судовые документы были в порядке.

Капитан уверял, что при подъеме якоря не обратил внимания на предупреждение помощника о неисправности навигационных приборов. Оказавшись же в открытом море — потерял ориентацию и... судя по тому, что перед ним господа со-

откуда это слово

На Урале встречается немало характерных оборотов речи, придающих ей яркость и образность. В их составе нередко бывают слова, малопонятные или совсем непонятные в других местностях. А иногда сочетание их ставит в тупик человека, не знающего уральских говоров и обычаев.

Вот выражение «буровить несвойску», означающее говорить вздор, нечто невразумительное: «Да ты уж несвойску буровишь, дошел», — говорят человеку, когда он «завирается». Что такое буровить? Тя-

нуть, тащить что-либо с большим напряжением, в большом количестве. А несвойска? Кроме как в этом выражении, слово несвойска не встречается; по-видимому, оно раньше употреблялось довольно широко и значило нечто несвойственное кому или чему-нибудь, странное.

Или: «Ретешна задача». Задачей в уральских селах называют человека с большим самомнением, зазнайку: «Две подружки — и обе задачи». Но почему задача ретешна? Ретешна происходит от слова редька, — повседневный, дешевый овощ, обычная пища крестьян. Ретешна задача — это человек, гордости и зазнайству которого грош цена.

Выражения «закинуть заделье», «прикинуться с задельем» значат найти предлог, сообщить вымышленную причину, повод к каким-либо дей-

ствиям: «Пришла к емям (к ним), заделье закинула, за корчагой, будто, а самой охота посмотреть жениха». Заделье, кроме того, легкое дело: «У ево не то што дела, а и заделья-то нет».

Некоторые обороты отражают старые суеверия: «блазнь нашла» — показалось, помешалось. Считалось, что «блазнь находит» на человека в бане, когда он моется ночью. Ему мерещится (блазнь) либо банник, либо банница, банная обдериха — злой дух, который может ободрать: «Старые люди слыхали, как выдешь из бани, а там ишшо хлещутца, парютца, ето не хто как банница; зайдешь обратно — обдерет!» (снимет кожу). Однако, в народе существуют и другие выражения, говорящие о здоровом смысле и пренебрежительном отношении к суевериям: «Все это дурные запуки, насчет банни-

ветские моряки, угодил в неприятную историю, о чем глубоко сожалеет...

С того момента, как яхта была запенгована в территориальных водах, командир сторожевого корабля поддерживал непрерывную связь с берегом. Яхту решили задержать и препроводить в один из советских портов.

Пока сторожевик эскортировал «Гюльшакру», начальник отряда не отходил от телефонного аппарата. К рассвету пляжи в районе города были взяты под наблюдение. На всех дорогах от моря — к селам, железнодорожным станциям, к автовокзалам, в аэропорт, — появились усиленные пограничные наряды...

Затем начальник отряда приказал соединить его с заставой, где служил младший сержант Виктор Мамаев.

— Обстановка такова, — сказал полковник. — На рассвете задержана иностранная яхта. Есть основание предполагать, что вдали от берега, на треве́рзе города, с нее спустили агента-подводника. Меры к его задержанию приняты. Но я решил подключить и «Нулевую группу»...

В восемь тридцать на заставе сработала сигнализация из грота.

Едва прозвучал сигнал, группа погра-

ничников во главе с младшим сержантом Мамаевым помчалась на моторной лодке к гроту.

Ослепительный луч прожектора вырвал из темноты островок Коварный, а на нем — рослого, плечистого мужчину в подводной маске, с кислородными баллонами на спине. Растерянно топтавшийся посредине островка, незнакомец при появлении пограничников бросился было к воде, но тут же отпрянул назад, сорвал маску с лица, поднял руки и завопил:

— Спа-си-те!..

В тот же день органы Государственной безопасности задержали соучастницу агента-подводника. Она сидела на городском пляже, одетая в сине-оранжевый купальник, под зонтом такого же цвета. В ее цветастой базарной сумке лежало все, что понадобилось бы мужчине, не имеющему на себе ничего, кроме плавок. В том числе документы на имя старшего бухгалтера одного из магазинов в городе Воронеже и крупная сумма советских денег...

Начальник отряда приехал на заставу.

— Специально заехал, — сказал он Виктору Мамаеву. — От души поздравляю! Ваша группа отлично несет службу!

цы-то», — приметы, которым не следует верить.

На Урале встречаются и широко известные в других местностях выражения, например, горло драть — кричать, на дыбки встать (о ребенке) — встать на ножки, сердце иметь — сердиться на кого-либо... Мы такие выражения сейчас рассматривать не будем, а остановимся на некоторых особых сочетаниях слов, свойственных нашему краю. Так, если человек говорит заведомую неправду, слушатели замечают: «это не вры, дак сказки». Слово *вры* употребляется только во множественном числе и означает ложь.

Выражение «жить в строку» отражает старые общественные отношения и означает быть наемным работником, батрачить. Никакой связи со строкой это выражение не имеет; речь идет о сроке (на-

няться на определенный срок). «Звук «т» здесь вставной, так же как в словах срам (срам), струб (сруб). Как видим, выражения, свойственные уральским говорам, характеризуют и человека по его качествам, и обычаи, и явления природы, и старый общественный уклад. Описать все богатство уральской фразеологии в кратких заметках невозможно, но даже из приведенных примеров видно, насколько разнообразен круг уральских речений. Было бы очень хорошо, если бы наши читатели собирали все местные слова и выражения, относящиеся к самым различным сторонам жизни, быта, природы.

Есть, например, такое выражение: «завить бородку» — совершить обряд по окончании жатвы: закрутить (завить) верхушки с колосьями у несжатой немного ржи и завязать их. Этот обычай восходит к древ-

нему языческому обряду почитания бога плодородия. Недавно «бородку завивали» на самом видном месте поля и клали рядом хлеб и соль в благодарность богу. Имя самого божества не дошло до нас, затерявшись в тысячелетней древности, а обряд жив. Сейчас это просто веселый обычай, повод для веселья, для песен и плясок, да и соблюдается он далеко не везде. Тем не менее он очень интересен для истории.

**откуда
это
слово**

51

УРАЛОЧКЕ—

5000 ЛЕТ

Это произошло несколько лет назад. Экспедиция уральских археологов вела раскопки у села Бобрыкино в Шадринском районе Курганской области. Обнаружили погребение эпохи неолита. Украшения, керамика убеждали в том, что здесь покоятся останки женщины. Подтверждением послужил отлично сохранившийся череп.

Научные сотрудники Челябинского областного краеведческого музея решили продолжить биографию древней землячки: череп передали в мастерскую-лабораторию скульптора-антрополога заслуженного художника РСФСР Михаила Михайловича Герасимова. Он восстановил голову женщины и создал ее скульптурный портрет. Оказалось, что «Уралочке» (такое имя дали ей землячки) было не более 25 лет. Лицо ее довольно-таки привлекательно: вы в этом можете убедиться, посмотрев на снимок.

А все, кто побывает в Челябинске, могут увидеть скульптурный портрет «Уралочки» в краеведческом музее.

Арк. БОРЧЕНКО

откуда это слово

Отметим еще некоторые выражения.

«Буди чо дак» — в случае чего, если что-нибудь случится. Представьте себе такую картину: дед и внучек идут в лес собирать грибы, и вот дед говорит внуку: «Я пойду по этой тропинке, а ты по той; не бойся, я тут поблизости буду; зухаш, буди чо дак...»

Что значат последние слова деда? «Крикнешь, если что-нибудь случится».

Буди — старая форма повелительного наклонения от глагола быть; но это значение забылось, теперь буди означает

если: боишша буди, дак оставайся.

Ли чо ли означает что ли: «Пойдем, ли что ли?..» «Ты с ума сошел, ли чо ли?» Частицы ли, окружающие слово что (чо), усиливают вопросительную окраску предложения. Сочетание ли чо ли употребляется и для выражения неуверенности, сомнения: «Не знаю, хто к емя приехал — брат ли, свояк ли чо ли...»

Што-есть (что есть) означает даже: «Так дождем намочило, ни единой што-есть ниточки сухой нет». Из двух слов здесь получилось одно: местоимение и глагол превратились в усилительную частицу.

Да че да значит «и прочее», «и другое подобное»: «Всечины закупили: платье, шубу да че да»; «На вышке-то у меня рамы да веники да че да».

Как видим, своеобразие уральских говоров проявляется и в таких оборотах, которые по своему значению близки к «грамматическим» словам (союзам, частицам). А вот еще одно несколько странное выражение: «живо-два» — сразу, очень быстро. «Ну-ка, сбегай живо-два и вернись домой»; «Живо-два вас отсюда вышарю»; «Живо-два дров напилили». Оно получилось путем сокращения: вместо «живо, раз-два» превратилось в «живо-два».

Уральские речевые обороты, в сущности, еще не изучены. Они даже далеко не все собраны. Кто знает, сколько таится подлинных жемчужин в глубинах народной речи? Я буду очень рад, если эти короткие заметки пробудят у читателя интерес к родному слову.

В. ЖИТНИКОВ,
кандидат филологических наук

СКА- ЗАНИЕ О ГРАДЕ НОВО- КИТЕЖЕ

Рисунки С. Киприна

Роман приключений

Начало см. №№ 2, 3 и 4 за 1967 год.

Глава 7.

Худог

*По правде всех богов
я ненавижу.*

Эсхил. Прометей прикованный.

В простом черном кафтане, с узким ремешком на лбу, чтобы волосы не падали на глаза, Истома был похож на мальчика, несмелого и застенчивого.

— Это вапы мои,— показывал он на глиняные горшочки, кувшинчики и миски с краской.— Это ярь зеленая, бакан багровый, бычья кровь пунцовая, вохра желтая да вохра жженая, вишневая. А еще сурьма, ею же детинские женки да девки брови чернят.

— Где краски достаете, Истома?

— Сам делаю. Коричневая — выварки лука, желтая из березовых листьев, зеленая из осоки или конского щавеля. Вохра — из глины жирной, черная из ореховой скорлупы. А еще жженая кость, настой гвоздики, ольховой коры и чебреца. Живые и голосистые!

Он взял кисть, помял ее пальцами, готовясь писать, и снова отложил. В глазах его появилась сосредоточенность.

— Я так мыслю, что не в вапах суть. Худог душой должен писать, а не вапой.

Виктор посмотрел удивленно на Истома, потом перевел глаза на иконы, написанные им. Их было много — больших, церковных, выше человеческого роста, и домашних, маленьких. И были все эти святые и угодники не по-иконному живы, человечески, на всех ликах не святость полоумная, а мирская, звонкая радость.

— Вы большой художник, Истома! — искренне сказал летчик. — Это вот кто, что за святой?

— Святой целитель Пантелеймон, кроткий угодник божий, — откликнулся Истома, не отрываясь от доски. Он тоненькой, как игла, кистью выписывал волос в бороде Христа.

— Какой же это целитель кроткий? Типичный русский мужичок. Ему бы не ладан да молитвы, а чарочку винца да огурец соленный!

— Мужичище-деревенщина и есть, — улыбнулся тихо Истома. — Дрова нам из тайги привозит. Стоял перед глазами, сатена, когда я святого Пантелеймона писал...

— А это кто-то знакомый. Кто это?

— Николай Мирликийский, угодник и чудотворец.

— Шутите, Истома. Это не угодник, а негодник! Где-то я его видел. Пойдите-ка!.. Плешивый, борода рыжая до глаз... Не борода, а шерсть собачья! А глаза-то какие подлые. Так... так... так... Сейчас припомню... Да ведь мы вчера его видели: за сидней кричал, против дырников. Призывал народ нас, мирских, бить. А ему самому бока намолали.

— Он и есть, Патрикей Душан.

— Плут вы, Истома! — засмеялся Косаговский. — Начальника ново-китежского гестапо святым сделали. А это что за красавица? — взял летчик в руки крошечную, со спичечный коробок,

Это было тончайшее, вдохновенное произведение. Милое девичье лицо, печальное, о чем-то умоляющее, несмело смотрело на Виктора. Голубая жилка на виске придавала лицу трогательную нежность.

— Великомученица Екатерина это, — ответил Истома и начал бурно краснеть.

— Это Анфиса, — с тихим удивлением и проравшейся радостью сказал Косаговский. Рука его, державшая иконку, дрогнула. Он долго, словно не желая расставаться, ставил иконку на полочку.

54 Поднял глаза на Истома. Их взгляды встретились, и Виктор тоже стал медленно и густо краснеть.

А когда развели глаза, оба почувствовали, что узнали тайну друг друга.

— Настоящий и большой вы художник, Истома, — услышал свой голос Виктор как-то со стороны и смутился, вспомнив, что он уже говорил эти слова. Поэтому поспешил добавить: — К нам надо вам выбирать.

Истома, отвернувшись, глядел через открытое окно на Ново-Китеж. Поповская изба стояла на взлобке, и город был весь перед глазами.

— Во сне я вижу Русь, и на яву вижу, — грустно сказал юноша. — Омерзело мне здесь. Жизнь аки бы паутиной затянуло... Тишина безысходная. Плетутся годы, а света все нет...

В раскрытое окно слышались удары по футбольному мячу и крики ребят. Это Сережа, быстро познакомившись, уже увлек нескольких одноклассников ново-китежан неведомой им доселе игрой.

Истома закрыл глаза и снова медленно раскрыл их, будто просыпаясь.

— Знаешь, о чем я думал? Где правду искать? Всюду правду терзают и мучают. У Степанушки Разина правда была, с нею мои пращурь сюда пришли. А где она теперь? Где? Попы говорят — у бога правда. Искал я ту правду. Моллился, бил в половицы лбом. Не нашел правды и у бога.

Истома встал и поднял с пола острый топор. Взявшись обеими руками за обух, начал осторожно стесывать с ясеновой доски ему одному заметные неровности.

— А теперь не знаю, — сказал он растерянно и опустил топор. — Теперь не знаю, что делать. То ли в монахи постричься, схиму принять, то ли на всех богов с топором идти?

Он подошел к иконе Саваофа.

— Тыщи свечей тебе люди спалили, пуды ладана сожгли, половиками перед тобой стались, а ты протянул свою всемогущую руку в их зачиту?

Саваоф, дородный, сытый, красномордый, смотрел на Истома в упор, сердито выкатив голубые глаза и крепко поставив босые ножищи на облака, похожие на мучные кули.

— Народ перед тобой в землю лбами бьет, а ты ему кнут, плаху да гнилые ямы на Ободранном Ложке даешь. Народ без соли изнывает, а ты всю соль детинским верховникам отдал. Остался народу соленые слезы. Расселся, моленый, хваленый! Не бог ты, а обманщик! — закричал Истома, замахиваясь топором.

По лику бога-отца запрыгали тени, будто он сморщился от страха.

— Истома, не надо! — схватил Виктор юношу за руку. — Узнают...

— Узнают, так сяди же на Толчке удавят.

Глаза Истома потухли, в них опять была печаль. Косаговский смотрел на него удивленно. Он не ожидал такого взрыва чувств от мягкого, нешумливого юноши.

На дворе послышался пьяный голос Саввы, и вскоре поп ввалился в боковушку. Его шмыгающие, хитрющие глаза с подозрением уставились на мирского, потом на Истома. Юноша подошел к большой иконе божьей матери. Не глядя, на ощупь, выбрал из букета кистей, стоявших в кувшине, тоненькую кисть, макнул в краску и двумя быстрыми мазками вложил в глаза богородицы суровость и гнев.

Поп Савва пьяно всплеснул руками:

— Охти, владычица! Не бывало допреж сего

в обычае. Положено у богородицы глаза писать заплаканные, от скорби немые. Изошла слезами от горя, всемирливая. А у ты не печальница, а баба ядреная!

Виктор посмотрел на икону и подумал: «Поп хоть и пьян, а видит».

С иконы глядели не скорбные, а бойкие, умные глаза, черненькие, круглые, как у соболихи. Не печальница, а крепкая, как грибок, бабеночка, властная, матерая. Лицо широкое, умное и суровое, на щеках горячий пунцовый румянец. Такие в древней Руси, в лихие години, шли на стены осажденного города, лили на врага кипящую смолу, камни бросали, а то и бердышом махали.

— Тыфу! — плюнул с омерзением поп. — У тебя не мать бога нашего, а торговка базарная Даренка!

Виктор вспомнил вчерашнюю драку на Толчке, поднятый в яростном взмахе лоток, разлетевшиеся пироги, и скрыл под пушистыми ресницами веселую усмешку.

— На еретичку, дырницу Даренку православные молиться будут? — заорал поп, трясая толстыми щеками. Он налетел на отвернувшегося внука и замолотил в его спину кулаками. — Выбью дуры! Выбью! Проклянута!

Савва выбежал из боковушки, толкнув появившегося в дверях Птуху.

— С якоря сорвался, вешестной отче? — раздраженно крикнул ему вслед мичман, но, увидев богородицу, притих и медленно пошел к иконе. Разглядывал ее долго, то отходя, то приближаясь, склоняя голову то вправо, то влево. Наконец сказал восхищенно:

— Кошмар, до чего похожа! — Под глазами и на висках мичмана собрались хитренькие и веселые морщинки. — В городе сейчас ее встретил. Пришвартовался! Буду ей помогать пирогами на Толчке торговать.

— Нэпманом решили сделаться? — засмеялся Косаговский.

— Скажете! — ответил обиженно мичман. — Буду ее охранять. Мордастые парни, душановы псы, начали интерес к ней проявлять. Ближе, чем на кабельтов, жлобов к ней не подпущу... Пойдемте на двор, Виктор Дмитриевич. У нас гости.

На дворе, на рассохшейся бочке сидел капитан и щепкой счищал уличную грязь с брезентовых сапог. На тележных колесах разместились неразлей-вода Псой Вышата и Сысой Путята. Рядом, опираясь на рогатину, стоял староста лесомык Пуд Волкорез.

— Как погуляли? — спросил значительно Косаговский.

— Погуляли! — мрачно откликнулся Птуха. — Ходили, жизнь здешнего народа изучали. Для кино бы снять такую жизнь! Трущобы Чикаго в двух сериях! Люди тощие, свиньи тощие, собаки и те тощие, только тараканы да детинские жлобы жирные.

— Наше житье — как встал, так и вытье, — вздохнул покорно Сысой. — Одно нам осталось — на брюхо лечь, да спиной прикрыться.

Не поднимая головы, по-прежнему счищая грязь с сапог, капитан сказал:

— Из Кузнецкого посада мы пришли, от Будимира Повалы. Большой разговор был. Во всех посадах кричат о выходе на Русь. Готовы драться за выход. Рассердился народ!

— Мы, прямо скажу, в самое время сюда по-

пали, — подхватил его слова Птуха. — Люди накалены — только команду подай и пойдут.

Волкорез переступил с ноги на ногу и глухо проронил:

— Рогатиной и топором с Детинцем будем разговаривать. Аль мы не разинские внуки?

А Сысой Путята робко, еле слышно сказал:

— Пробовал уж Василий посады на бунт поднять, а что получилось? Власть старицы свалить — не мутовку облизать.

— Не было тогда бунта! — горячо вступился Истома. — Стрельцы ночью налетели и у бунта голову отрубили. Васю в снежную могилу загнали.

— Вот именно! — кивнул Ратных. — А если посады поднимутся дружно, Детинцу не устоять.

— Про братчиков не забывайте, — напомнил Косаговский.

Капитан отбросил щепку, сказал решительно:

— Нам лишь бы получить карту Прорвы. Мы пошлем гонцов на Большую землю, и тогда нам никто не страшен. А про братчиков они знают, — указал он глазами на ново-китежан. — Я им рассказал.

— Знаем! — сказал Волкорез. — Спешить надо, пока этих братчиков в городе нет. Против их пищалей скоропалительных нам не выдюжить.

— Если на то пошло, у нас ведь взрывчатка есть, — вставил Птуха.

— Думал я о ней, — сказал капитан. — Детонаторов у нас нет. А какой от нее толк без детонаторов? Как из мокрой глины пуля.

— Будет толк! — уверенно возразил Птуха. — Детонаторы можно черным порохом заменить. От взрыва пороха загремит и взрывчатка.

Псой нахмурился, покачал головой.

— Нет у нас пороха. Запрещено посадам стрельное зелье делать.

— Наделаем, братишка! — хлопнул мичман Псою по плечу. — Дело не хитрое. Селитры семьдесят пять долей, угля пятнадцать да серы десять. А селитра и сера у вас здесь есть. В Детинце-то делают порох.

Капитан подошел к Птухе, взволнованно пожал ему руку.

— Ваша взрывчатка — наш главный козырь, мичман! Надо немедленно перенести ее в город. Тогда и начнем восстание. — Он повернулся к охотнику. — Волкорез, будет тебе важное задание. Вы, лесомыки, хозяева в тайге.

— С нее кормимся. Как свою запазуху знаем.

— А знаете вы озеро, как чашка, круглое? Я точнее скажу. Из него берет начало речка, которая около Рыбачьего посада в Светлояр впадает. Наш Сережа Сердитой ее прозвал.

— Знаем ту реку и то озеро. Отрочь-озеро мы его зовем. Далеконько оно.

— Далеконько. А надо оттуда большой груз в город принести. Сможете?

— А почему не смочь? В крошнях! принесем, будто дичину на Толчок.

— На дне этого озера лежит наша взрывчатка. Пуд вскинул на плечо рогатину, сказал спокойно:

— Коли на дне, шестами нащупаем. И нырять мы можем. Найдем!

— Щупать не надо, — торопливо перебил его Птуха. — На берегу там листовница стоит, опаленная молнией. Это отметка. Против нее и затоплена взрывчатка.

¹ Берестяные заплечные котомки.

— Федор Тарасович,— положил капитан руку на плечо Птухи,— иди сам с охотниками. Дело вернее будет.

— Я-то готов, а если меня здесь хватятся? Если поп в колокола ударит?

— Скажем, что ты у Даренки застрял. Растаться, мол, с ней не можешь.

— Добро! — улыбнулся мичман.— Валите на горемычную!

— Федор Тарасович, «Антошку» посмотрите. Как он себя чувствует? — попросил Косаговский.

— Обязательно, Виктор Дмитриевич!.. Пуд, минутку меня подожди. Я мигом, только китель надену,— побежал мичман в избу.

— А теперь, товарищи, нужно нам найти Алексу Кудреванко,— озабоченно сказал капитан.— Алекса должен знать наши планы.

— Алекса в Усолье убежал,— сообщил Истома.

— Мне обязательно надо с ним встретиться.

— Поможем.

— Кажись, и вправду за дело беремся! — обрадованно вскрикнул Псой, подтягивая штаны.— Мне-то чем заниматься?

— Загатавливать серу и селитру... Осторожней будь, душановы подглядчики не заметили бы. Но ты мужик шустрый, не попадешься.

— Я не то чтоб шустрый, я дюже на детинских сердитый.

— А ты, Сысой, иди сидням мозги вправлять. Зови их на Русь. Мужик ты тихий, это и хорошо. Потихе будь, во весь голос о нашем деле не кричи.

— Это верно, я тихий. Тихо и буду их на Русь звать, шепотом.

Какую-то особенную чистоту и ясность придавала юноше его белоснежная одежда: белая длинная рубаха с красной оторочкой, белые шаровары и онучки, высокий с узкими полями шляпок из белой поярковой шерсти.

— Ты, Истома, настоящий Ярила! — улыбнулся Косаговский, любуясь юношей.

— Идти пора,— улыбался ответно Истома.— Собирайтесь. Наши девки заждались, чай, мирских красавцев!

Со двора вышли втроем. Сережа ушел раньше, за ним зашли ребята. Город замер в горячей летней тишине, только пчелы гудели в садах, да звенели на берегу Светлояра хоровые девичьи песни.

Озерный берег гудел, пестрел цветными рубахами и сарафанами. Дудели берестяные жалейки, вздыхали сопелки, деревянно пел гудок, переливалась свирель бузинная и тархтел бубен, глупый и веселый. Дальше от берега, в роще, галчатами кричали ребятишки, игравшие в футбол. Оттуда доносился и радостно-ошалелый лай Женьки. Значит, и Сережа был там.

— Смотрите-ка, Степан Васильевич,— сказал Косаговский, когда они вошли в рощу.— Сысой посадских агитрует.

Глава 8.

Ярилино поле

*Ударил его Ярило по
голове золотой
вожжсой...*

*П. Мельников-Печерский.
В лесах.*

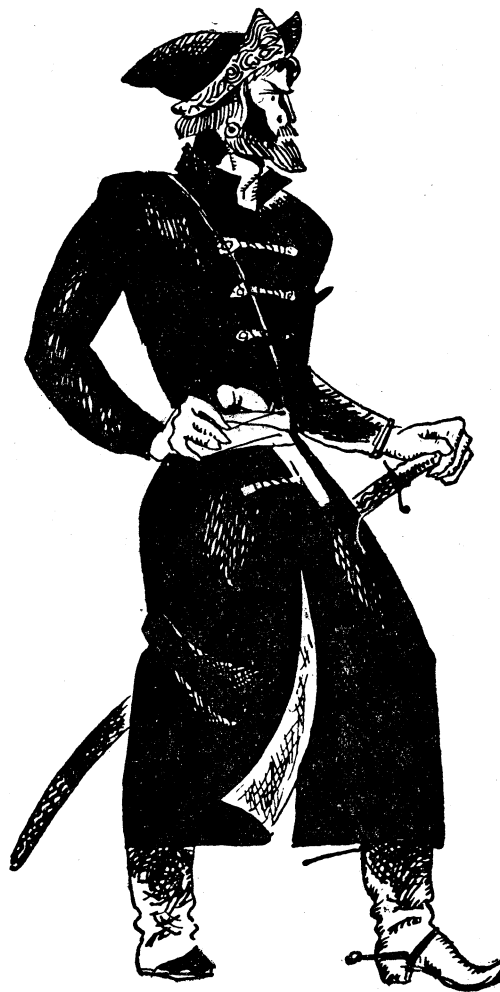
Отцвели в посадничьем саду кудрявая черемуха и душистая сирень. Крепче запахло из оврагов грибной сыростью, зацвела рожь, заколосился овес, и пришли на землю самые длинные дни, пришли самые короткие, хмелевые ярилины ночи.

Верит народ, что этими короткими ночами скачет по земле светлый бог Ярило¹, добрый и веселый Яр-Хмель. Скачет он, юный, радостный, на белом коне, в белой одежде, а в руках у него пук ржаных колосьев. И кружит веселый бог сердца и головы парней и девушек хмельными любовными чарами.

Истома пришел звать мирских на Ярилино поле².

¹ Ярило — бог плодородия и любви у древних славян.

² Гулянье в честь Ярилы. Справлялось в русских деревнях до начала XX века.

Путята сидел на траве среди посадских. В стороне лежал Псой Вышата.

— Изволочили нас верховники брюхатые, изнеможили до последнего,— тихо, опасливо оглядываясь, говорил Сысой.— На Ободранном Ложке трещат наши пупы. Доколе терпеть будем?

— В топоры, спасены души! — выкрикнул зло один из посадских, хлестнув прутом по земле.— Пущай старица и посадник оттыкают дыру в мир! Они туда дорогу знают.

— С земли отчич и дедич уйти? — грустно поник головой посадский с длинной седой бородой, похожий на апостола с иконы.— Присохли мы здесь, больно отдирать.

— А что нам отдирать? Не хозяйство у нас, а нищее хламовище. Лапти переубул, да и пошагал на Русь!

— Живем, как черти на сковороде! — сердито отозвался Псой, переваливаясь с пуза на бок.— Со всех сторон припекает, а прыгнуть некуда. Ототкнем дыру и Руси-матушке поклонимся!

— Ты, Псой, потише будь, — остановил его Сысой.— Сам знаешь, у нас и сучки в лесу подслушивают, и щели в избях подглядывают.

— А чего там потише! — снова хлестнул пру-

том посадский.— Пущай ведут старосты на Детинец. Сшибемся во имя божье!

— Праховое дело вы задумали,— осуждающе проговорил посадский с апостольской бородой.— Надо смиренно жить, чтоб Христос на нас смотрел и радовался.

— Сидень ты знаемый, Софроний! — рассердился один из посадских.— Страсть ты трусливый и к богу приверженный!

— Я не один так думаю,— возразил Софроний.— И еще сидни найдутся.

— А я скажу, пора верховников за это место хватать! — ухватился Псой за перекошенный ворот своего зипуна.— Откланялись Детинцу!

— На Русь я хочу, спасены души. Приволья душе ищю,— совсем потишал голосом Сысой. Были в его словах и тоска, и светлый восторг.— Вольным бы духом подышать.

— Запри гортань, еретик! — раздался вдруг резкий окрик.— Народ мутишь, поганец?

Из-за толстого ствола березы вышел Патрикей Душан. Посадские все разом встали. В глазах их была тоскливая злоба и брезгливый страх.

— Про что посадским говорил? — сразу двинулся Душан на Сысою.

Тот молчал, робко помаргивая, облизывая обмершие губы.

— Про баню мы говорили, и про веники березовые,— выступил вперед Псой, оттерев плечом Сысою.— Стой-к! Еще, кажись, о рыжих кобелях говорили. Верно! И про рыжего кобеля разговор был.

Душан одурело хлопал рыжими ресницами. Псой вздернул бороденку и пошел в рощу, таща за рукав Сысою. За первыми деревьями они столкнулись с капитаном и летчиком.

— Осторожнее надо, ребята,— сказал им Ратных.

— И то верно,— ответил Сысой.— В посаде аукнешь, в Детинце откликнется.

Даже на Ярилином поле, на просторной полянке меж белыми стволами берез, высокомерный Детинец сторонился от посадчины. На поляне кружились два хоровода, очень разных, несхожих нарядами.

На детинских девах косо, неуклюже и нелепо висели мирские платья — то короткие до колен, то длинные до земли. Детинские модницы не решались перешивать принесенные из-за Прорвы наряды, боясь испортить мирскую моду, и либо с трудом натягивали платья на дебелые телеса, либо путались в длинных подолах, утопали в широких юбках и в длинных рукавах. Дешевые ситцы, колленкоры, сатины и миткали кололи глаза грубо-яркими расцветками: ядовито-зелеными, густо-желтыми, кумачово-красными. И в хороводе детинские не выпускали из рук раскрытые зонты, представляли напоказ медные и латунные перстеньки и брошки, то и дело смотрелись в копеечные рыночные зеркала. Заваль, гниль, дешевку тащили в Ново-Китеж из мира неизвестные люди в обмен на платину.

А хоровод посадских цвел сарафанами золотисто-желтыми, крашенными крушиной, алыми, крашенными мореной, и темно-коричневыми, крашенными дубовым корьем. Были и розовые сарафаны, и палевые, и зеленые, и голубые. Вся радуга здесь и даже сверх радуги.

Звенели девичьи голоса, плавно кружился хоровод, сарафаны один ярче другого проплывали

по траве. А внутри хоровода ходила девушка с пучком ржаных колосьев в руке. В наклоне ее головы Виктору почудилось что-то знакомое. Но вот она повернулась лицом, и летчик узнал Анфису. Но как же она попала в хоровод посадчицы? Видно, все время была она с посадскими, чураясь компании дочерей верховников. Радостно ей было, сломав запреты, слушать любовные песни, плыть под эту песню, по-лебединому закинув голову.

— Ох ты, королева писаная! — ахали восторженно в толпе парней.

Песня неожиданно смолкла, хоровод остановился, остановилась и Анфиса. Она молча улыбалась и чего-то ждала, вытянув чуть руку с пучком ржаных колосьев.

— Ярилу ждет, — проговорил Истома опадающим голосом. — Неужто найдется такой смелый?

И нашелся смелый, разорвал девичью цепочку. Кто-то стройный и щеголеватый вошел в хоровод. Травой-муравой переливался на солнце зеленый бархатный кафтан с перехватом в талии, с высоким стоячим квадратным воротником, шитым золотом и жемчугом.

— Остафий, собака! — прошептал отчаянно Истома. — Шагу не дает Анфисе ступить, хоть и нареченная старицей она. Ему, псу, ништо не свято!

Стрелецкий голова снял голубую шапку и низко поклонился девушке. Затем молодецки избоченился, выставив ногу в желтом сафьяновом сапоге. На красивом нежно-румяном лице его играла самоуверенная улыбка. Он ждал, что Анфиса передаст ему пук ржи, и этим признает его на сегодня Ярило. Но девушка и не взглянула на Сабура. Она повела взором по лицам обступивших хоровод парней и вдруг улыбнулась радостно.

— Истомушка, иди сюда, милый! — призывно крикнула она. — А я-то тебя жду, я-то тебя ищу!

Истома вздрогнул и попятился в толпу парней.

— Иди же, Ярило! — сказал весело капитан и вытолкнул юношу из рядов.

Истома несмело вошел в охотно расступившийся хоровод и, сняв белый шляпок, поклонился низко Анфисе. Белый холщовый рукав коснулся зеленого бархатного рукава стрелецкого кафтана, — так близко оказались они друг к другу. На поляне тихо. Слышен стал скрип уключин и плеск весел на Светлояре.

Поддельный изумруд в сереге Остафия вздрогнул.

— Изыдь, щеня! — тихо, с угрозой сказал он, косясь на Истома.

— Тебе придется уйти, голова! — Васильковые глаза юноши то разгорались, то потухали. — Меня позвала Анфиса, не тебя.

Голова положил руку на рукоять пистоли, загнутой за кушак.

— Ну? — бешено выдохнул он.

Истома не двинулся и улыбался. А в толпе парней закричали:

— В толчки Остафия! И на Ярилином поле в хозяйева лезут!..

— Не желает тебя Ярилино поле, — тихо, но твердо проговорила Анфиса.

Сабур натужливо повел вбок головой, будто его душил ворот рубахи, и, круто повернувшись, пошел из хоровода. В тишине зловеще позванивали его серебряные шпоры.

58 Теперь в хороводе стояли рядом только Истома и Анфиса, оба снежно-белые, чистые, ясные.

Виктор опустил голову, почувствовав ревнивый укол в сердце. Потом услышал голос Анфисы:

— Не хочу более в хороводе. Пошли, девушки, на качели.

Качели стояли на обрыве, стеной падавшем к озеру, на самом краю крепко утолченной площадки. Толстая двухметровая плаха, висевшая на канатах, вырывалась за край площадки и томительное мгновение висела над озером. Качались парами, раскачивал парень. Повиснув на веревке, приседая, он что было силы нажимал на плаху. Девушка, очумело визжа, уносилась вверх. Сарафан ее гудел, как парус в бурю, ленты щелкали и оплетали канаты. Обратная она летела хвост живая, задыхаясь от ветра, развевая павлиний хвост сарафана.

— Парк культуры с аттракционами, — засмеялся капитан и сделал приглашающий жест. — Испытание нервной системы! Прошу желающих!

Около качелей было тесно. Площадка едва вмещала собравшихся на забаву. Косаговский подумал, что здесь ему не найти Анфису, и неожиданно увидел ее. Она стояла, прислонясь к столбу качелей, и весело смеялась. Горло ее вздрагивало от смеха.

«Как у птицы поющей, — подумал Виктор. — Неужели люблю?»

Его удивила и напугала эта неожиданная, под- сказанная сердцем мысль. «Неужели люблю?.. Нет, не надо этого, не надо!...»

Размах качелей уменьшался, и вскоре плаха остановилась. Сменялись качающиеся пары. На доску поднялась Анфиса. Держась одной рукой за канат, она ждала партнера. Из толпы вырвался Истома и подбежал к доске.

— Не надо, Истомушка, — ласково и печально сказала Анфиса. — Не сердчай, милый, не надо. Сам все знаешь...

Истома побледнел и нетвердо, как слепой, отошел от качелей.

— Ты, молодец, не покачаешь меня? — улыбнулась Анфиса черноволосому крепкому парню.

— Я могу! — весело ответил парень, прыгнув на доску. — Держись, государыня Анфиса, вознесу тебя живой на небо!

Качели скрипнули, сделав неполный размах. Парень нажал еще и еще, доска качнулась шире и вдруг рванулась с обрыва к озеру, будто силясь сорваться с канатов и впрямь улететь на небо. Одно мгновение доска дыбом стояла в воздухе. Анфиса, упершись пятками в доску, висела на руках. Доска сначала нехотя, затем все быстрее и быстрее пошла книзу, и снова взмыла вверх, но уже над площадкой. Виктор на миг увидел высоко над собой лицо Анфисы, и доска снова унесла ее. «Это стоит хорошего пике», — подумал он.

Женский перепуганный визг расколол вдруг веселый говор толпы. Кричали в задних рядах. Виктор обернулся, но увидел только испуганные лица, поднятые вверх. Он тоже посмотрел вверх, на летающую доску.

Анфиса не стояла на доске, она висела, судорожно вцепившись обеими руками в правый канат. Но долго ли выдержат ее слабые руки? Разогнутые онемевшие пальцы и ее сбросит в озеро со стометровой высоты или ударит о землю.

— Держи!.. Остановись!.. — закричали неистово девушки и парни, но помочь ничем не могли. Качавшийся с Анфисой парень пытался, держась одной рукой за канат, другой дотануться до де-

вухи, но не дотянулся и сам чуть было не сорвался с доски. Затормозить ногами размахи качелей он тоже не смог, слишком велика была инерция. И доска снова взмыла вверх и снова повисла над озером.

Разбрасывая стоявших впереди парней, Виктор вырвался из толпы и встал лицом к летевшей на него доске.

— Куда ты, мирской?.. Ошалел?!— завопила толпа.— Размозжит!

Виктор не слышал этих криков. Он смотрел на толстую, в ладонь, доску, падавшую с высоты, и наливался злой дерзостью.

Пыльный вихрь ударил в лицо. Летчик прыгнул навстречу доске. Ладони поймали канат и стиснули его.

«Есть!» — ликующе крикнул он.

Мощная сила плавно подняла его кверху. Он подтянулся на руках и встал на доску. Ветер рванул по щекам, глаза застелили слезы. Земля серыми струями понеслась назад, и под ногами разверзся мир синий и глубокий. Под ним была бездна озера.

Держась одной рукой за канат, он нагнулся и поднял Анфису на доску. Но и теперь девушка все еще сжимала канат руками.

Доска нехотя уменьшила размахи. Парни внизу поймали ее, и доска остановилась, скрипнув в последний раз канатами. Виктор бережно разжал пальцы Анфисы и, подняв девушку на руки, спрыгнул на землю. Он стоял в кольце притихших людей, не шевелясь, не имея силы опустить девушку на землю.

Анфиса глубоко вздохнула и открыла глаза. В них заметался запоздало ужас и тотчас сменился удивлением. Она увидела склонившееся к ней лицо Виктора. Щедрой улыбкой ответила на его тревожный взгляд. Он тоже улыбнулся смущенно и разжал руки. Анфиса встала на землю, сделала шаг в сторону и остановилась.

— Отслуга за мной,— тихо сказала она, потом быстро выдернула из косы ленту и протянула Виктору.— Вот, в задаток возьми.

Она отошла, смешалась с толпой девушек, а он все еще искал ее глазами.

— Страшновато было? — спросил подошедший капитан.

— Страшновато,— просто ответил летчик.— Будто подо мной в полете сиденье провалилось.

Они хотели идти, но дорогу им заступил стрелецкий голова Остафий Сабур.

— Лих, ясный сокол, враз белую лебедь закотил! — дергая губами, свистяще сказал Сабур.— Пожди, сокол, скоро и сам на стрелу напорешься!

Невыносимая, давящая злоба стиснула дыхание Виктора.— «Ударю! Сейчас ударю эту гадину!» Он шагнул к Остафию, но крепкая рука остерегающе легла на его плечо. Он знал, чья эта рука.

Они пошли, даже не оглянувшись, смотрит ли им вслед Сабур. Капитан сказал:

— Зарубил бы вас Остафий, да держит его за руки кто-то.

— Ждут они кого-то,— помолчав, ответил Косоговский.— Тогда и расправятся с нами.

— Вне сомнений, что ждут,— откликнулся капитан.— Иначе ничем не объяснить нашу относительную свободу. Ведь по их уставу да после этого Васи Мирского старика давно бы нам головы снесла, если бы кого-то не ждала, не боялась нарушить чей-то приказ... Но и мы не дремлем,

Виктор долго сидел в одиночестве на камне у поповских ворот. Капитан и Сережа уже спали. Истоме притих в своей боковушке.

Ночь шла по земле, а со Светлояра все еще доносились песни. Далекие голоса звучали задумчиво и нежно. Ярилина ночь томилась, все кругом изнывало от избытка жизни, все пело и любило. И в душу Виктора хлынуло ощущение приближавшегося огромного счастья.

Он ушел в избу, когда смолкли песни Ярили-

на поля. Лег на лавку, но заснуть не мог. Улыбался чему-то в темноте.

На дворе злобно залаял Женька. Кто-то осторожно нащупывал дверь. Летчик прислушался.

Дверь медленно открылась. В избу вошел человек, неся перед собой фонарь с толстой яркой свечой. Виктор прикрыл глаза. Ночной гость на цыпочках, крадучись подошел к лавкам. Виктор не двинулся. Затем он почувствовал, что человек с фонарем вошел не один, что в темноте прячется еще кто-то, и не выдержал, сел рывком:

— Кто это?.. Покажись! Ну?!

— Молчать! — прошипел державший фонарь. — Ложись! Зарублю!

На полатах ворохнулся и стих поп Савва. Капитан и Сережа спали, слышалось их ровное, глубое дыхание.

Виктор не лег. Фонарь поднесли к его лицу. Он отшатнулся. А фонарь покачивался перед его глазами. Кто-то, таящийся в темноте, внимательно разглядывал лицо Виктора.

Фонарь дрогнул и опустился. Ночные гости отошли к двери, остановились там, перешептываясь. Вдруг стало темно. На свечу в фонаре дунули. Скрипнула дверь, а на дворе снова зарычал, заметался Женька. Но вскоре и он стих. Только тараканы шелестели в темноте.

А затем послышалось движение на лавке, где спал Ратных. Виктор понял, что капитана тоже разбудили ночные гости, но он притворялся спящим. Еле слышно, опасаясь попа на полатах, Виктор шепнул капитану:

— Кажется, явился тот, кого ждали в Детинце. Капитан молчал.

Глава 9.

Чуж-Чуженин

*Лирика? Не нужна!
Чувства да будут немы
Перед лицом
авантюрной темы.*

Н. Панов.

Человек в зеленом шарфе.

После яркого солнечного дня пришла тихая, прохладная ночь. Из глубины рощи тянуло росистой лесной свежестью. На темном ночном озере плавали огни. Там рыбаки лучили рыбу. Сладко и томно стонали лягушки в озерных заводях, утомленно и печально вскрикивал дергач на полях, хрипло лаял горный волк, подобравшийся к городским заставам.

Из-за сопок выглянула луна. Все было торжественно и спокойно под высоким небесным куполом. В городе закричал петух, ему ответил другой, и пошла перекличка из посада в посад.

— Вторые кочета пропели. Пора мне.

— Погоди хоть немного.

— Погожу. Сил нет уйти от тебя. — Анфиса подняла глаза на небо, прижимаясь щекой к плечу Виктора. — Месяц-батюшка куда взобрался, на какую высь! Поди, и Москву видит.

— А ты хочешь Москву посмотреть?

Анфиса помолчала, кутаясь в шубу.

— Как не хотеть. Москва всем русским людям в сердце вросла.

— Уйдешь со мной, Анфиса?

Девушка потерлась щекой о его плечо и промолчала. Не дождавшись ответа, Виктор сказал горько:

— Не отвечаешь!

Строго посмотрела на него девушка и заговорила сильно и страстно:

— В ковшике воды выпила бы тебя! Чуж-чуженин ты, а вошел мне в душу. Слушай, маловерок! Дала я тебе ленту из косы, а это все едино как обрученье. А теперь дай руку... Гляди, сама надеваю тебе напалок мой. Теперь и вовсе обручены мы. Верить теперь? Глянь, как играет камешек!

Анфиса подняла руку летчика и подставила ее под лунный свет. На перстне горел большой гранат, темный, как сгусток крови.

— Перстень этот прадеды мои из мира принесли. Княжеский или боярский, поди. А тебе пусть он будет вечной памятью обо мне. Вечной...

— Ты словно прощаешься! — тревожно сказал Виктор.

Она долго молчала, запрокинув под лунной побледневшее лицо. В глазах ее, ставших черными, были нежность и тоска, по щекам катились слезы.

— Не будет нам счастья, любимый мой. Ветха Нимфодора, скоро и мне под черный шлык с черепом и костями. Лучше сразу в сырую могилу!

Виктор обнял Анфису за слабые, вздрагивающие плечи, крепче прижал к себе.

— Борись, Анфиса, отказывайся от черного шлыка! Неужели и насильно постригут тебя? Отца проси, есть же у него сердце!

Анфиса покачала печально головой.

— Батюшка сухой души человек и тяжкого ума. И до власти жаден. Нет, батюшка мне не заступа. И никто не заступится за меня. Крепче камнями древние наши законы!

Анфиса замолчала, не утирая со щек слезы. Лицо ее осветилось нежностью.

— А ты, лада моя, уходи отсель скорее. И братика своего уведи. Видела я его. Все мячик ногами мутузит. Славный такой! И ресницы у него, как у тебя, пушистые, будто бабочки-мотыльки. Схватила бы его, зацеловала!.. Уходи! Нехорошо у нас в Ново-Китеже. И было неладно, а теперь и подавно. В последние годы, как принялись белое железо копать, страшно у нас. Даже в доме родном страшно!

— В доме страшно? Почему?

— Доподлинно не знаю, а сердцем чую... Есть у нас в хоромах горняя светелка, а к той светелке и близко подходить нельзя. Под угрозой плахи запрет наложен. Один старик Петяйка, ключник батюшкин, в ту горницу ходит, еду носит и питье.

— Кто же там поселился?

— Не спрашивай, ничего я не знаю, а сердце чует недоброе. Вот что у нас зимой случилось. Девушка сенная, подруженька моя Феклуша, услышала в горнице той дивную музыку, и пение мужское, и пение женское. Мало того, разговоры слышала, будто в горнице полно людей. Рассказала мне об этом Феклуша, я ей запретила с друзьями людьми про музыку и голоса говорить, а она, дурица, к Петяйке с расспросами полезла: что, мол, за диво, чьи голоса и чье пение? И в сей же час Феклушу, по рукам и ногам связанную, на подводу бросили и умчали! Куда? Не знаю. И никто не знает.

— Все? — взволнованно спросил Виктор. Он вспомнил ночной визит таинственных гостей.

— Еще не все. Я сама видела. Издаля, правда.— Анфиса вздрогнула.— Высокий, тонкий, как жердь. Голову сбывчившись держит.

— Лицо его видела?

— Что ты! Наверное, умерла бы со страху. В спину только видела. Одет богато, в синюю парчовую ферязь.

— Когда его видела?

— Дён пять назад. Погоди-ка... После Ярили-на поля, вечером...

— И сейчас он в ваших хоромах?

— Этого не скажу. Не видела его более. Один только раз видела... Ой, кто это? — испуганно вскрикнула Анфиса, прижавшись к Виктору, но, взглядевшись, сказала холодно: — Ты, Истома? Что по ночам бродишь? Подсматриваешь за нами?

— Беги, Виктор! Беги не мешкая! — шагнул Истома к летчику.— Близко они, от Светлояра сюда поднимаются!

— Кто поднимается?

— Остафий Сабур, с ним стрельцы. Остафий за Анфису на тебя зlobится.

— Уходи, родимый! — сказала Анфиса.

— Уйти? Тебя бросить на расправу Остафию?!

— Кто посмеет тронуть посадничью дочку? — гордо выпрямилась Анфиса. Не таясь, припала она к его губам долгим поцелуем, и оттолкнула.— Беги же, безумный!

— Мы недалеко уйдем. Спрячемся. Опасать Анфису будем,— шепнул Косаговскому Истома.

Они отошли недалеко и спрятались за толстыми стволами берез. Им виден был светлый силуэт Анфисы, замершей в тревожном ожидании.

— Ишь как сказала: подсматриваешь за нами,— страдающе заговорил Истома.— Верно сказала, подглядывал! Боюсь за вас обоих. Тебе верная беда будет. Нимфодора жалости не знает. В Детинскую башню заточит на вечные времена, а могут и кнутом на Толчке. Это Анфису-то... голубку... кнутом!

Он припал лбом к стволу березы, потом откинулся и оперся о ствол спиной.

— Кто любит, тот надеется. Надеялся и я. А пришел ты, чуж-чуженин, и взял ее сердце.— Быстрым движением Истома встал близко к Виктору, лицом к лицу, глаза в глаза. Сказал стеснительно и сердечно: — Ты худо про меня не думай. Ты мой душевный брат, зlobиться на тебя не буду. Дай бог тебе счастья! А мне, видать, оно заказано...

Юноша неожиданно смолк. Около светлого силуэта Анфисы темной тенью встал стрелецкий голова. Он начал что-то говорить, то поднимая руки над головой, то протягивая их к девушке. Ночной ветерок принес его горячие слова:

— Жемчужина моя перекатная... Ты на сердце у меня, как на ладонюшке. Пожалей!..

Остафий схватил Анфису за руку и грубо при-тянул к себе.

Виктор рванулся, но Истома успел схватить его и потянул назад. Летчик бешено отбросил его руки и увидел, как Анфиса наотмашь ударила Остафия по щеке. Слетела на землю его атласная шапка. Стрелецкий голова откатнулся, рванул на груди кафтан и, сгорбившись, забыв на земле шапку, пошел в темноту рощи.

— Бежим скорее домой! — шепнул Истома.— Сейчас стрельцы по всей роще будут шарить!

В избе спали. Виктор разбудил капитана, кивнул на дверь. Они вышли на двор.

— В чем дело, Виктор Дмитриевич?

Летчик торопливо передал рассказ Анфисы о тайной горнице, о музыке и пении. Капитан подумал, сказал неуверенно:

— Может быть, патефон посаднику из мира принесли? Слушают Леонида Утесова и Любовь Орлову. Только и всего. А?

— А почему Феклушу увезли? А кто этот высокий, тонкий, в синей ферязи? Почему он тaitся?

— Здесь на каждом шагу загадки.

— И вот еще над чем надо подумать. Анфиса увидела этого тонкого, длинного вечером после Ярили-на поля...

— А ночью, после Ярили-на поля, у нас были гости,— докончил его мысль капитан.— Да, тут надо подумать!

Женька, лежавший на крыльце, вдруг поднял голову и предостерегающе проворчал.

Из-за избы вышел человек, на плече его лежала рогатина.

— Пуд вернулся! — кинулся к нему капитан.— Отвечай разом, с полем?

— С полем, Степан, с богатым полем,— засмеялся Волкорез.— Полные крошни дичины принесли.

— А где же она?

— В Кузнецком посаде, в угольном сарае. Федор там хлопочет, с посадскими прячет. А вот и он сам!

Капитан не сразу узнал мичмана. Птуха был в лузанае, тоже с рогатиной на плече.

— Все в полном порядке, товарищ капитан! — устало доложил он.— Взрывчатка доставлена и надежно спрятана.

— А как «Антон» себя чувствует? — спросил Косаговский.

— «Антон» жив-здоров, вам поклон прислал,— улыбнулся мичман и сразу стал серьезным.— Копался кто-то около «Антоня», маскировку ворошил. Но осторожно.

— Может быть, из лесомык кто?

— Не похоже. Наши так по тайге не ходят... Думаю я лесомык округ города скрытно посадить. Не переймут ли они тех ходоков неизвестных?

— Обязательно сделай это, Пуд!

— Покоен будь, Степан. Я понимаю. Время ныне у нас тревожное.

Глава 10.

Набольший Чертознай

*Жажда приключений
снова ожила в
мальчишках*

*Марк Твен.
Приключения Тома Сойера.*

По всему земному шару прыгает, катится, летает тугой, звонкий футбольный мяч. В футбол играют на городских стадионах, играют в джунглях, в песках пустынь, в сибирской тайге, в безбрежных пампасах. Играют в футбол эскимосы, не снимая меховых кухлянок и сапог из шкуры моржа. А в Боливии самозабвенно гоняют фут-

больный мяч на плоскогорьях Анд, на высоте 4000 метров, на высоте Монблана.

Ворвался футбольный мяч и в богоспасаемый град Ново-Китеж. И можно точно установить, как создавалась в Ново-Китеже первая футбольная команда. Ее сколотил Сережа из посадских мальчишек, и увлечение игрой было быстрым и бурным. Мальчишки забросили прежние игры: бабки, чижа, лапту, казло-мазло, свайку, кубарь, и ринулись гонять мяч. В Кузнецком посаде, на большой лужайке закипели футбольные страсти. Маленькие футболисты в обвисших штанах, в развевающихся рубашках, в лаптях, а иные и босиком, носились целыми днями по лужайке.

Не сразу сложилась дружба Сережи с посадскими. Но день ото дня становились мальчишки неразлучнее. И новая игра сближала, и нравились юным ново-китежанам удивительные Сережины «сказки» об электрических подземных дорогах, о быстрых и сильных автомобилях, о громадных птицах, на которых люди свободно летают по небу. Даже про вкусную «газировку с сиропом» интересно было послушать, хотя и это трудно было представить.

Сейчас ребята, наигравшись в мяч, отдыхали на лужайке возле самого Светлояра. Нетерпеливый, горячий Юрята, рассудительный Вукол, верткий Завид, робкий, вроде бы не в отца, Митьша Кудреванко, плутоватый Иванка и простодушный, доверчивый Тишата, лежа на траве, задумчиво слушали очередной рассказ Сережи.

И вдруг Завида словно прорвало. Перебивая Сережу, он сказал задиристо:

— Соловьи до Петрова дня поют, а твоим, Серьга, песням и в сочельник конца не будет. Долбишь, как ворон в кочку: у нас в миру, да у нас в миру! Будто только у вас в миру чудеса бывают. И в Ново-Китеже чудес хоть в кузов нагребай!

— Какие чудеса? Поповские? Э! — презрительно отмахнулся Сережа.

— Не поповские! Кузнецов возьми. Ведомые колдуны и чертознаи! Крестины, свадьбы, смертоубийство — все от кузнецов. Крест нательный, кольцо обручальное, венец венчальный кто ладит? Кузнец! А нож засапожный, душегубственный кто кует? Все он, кузнец! Умудрил бог слепца, а черт кузнеца. Кузнец что хошь скует!

— Староста кузнецкий Будимир Повала все, кроме глаза, скует, — деловито вставил Вукол.

— Слуш-ко, — перешел на шепот Завид. — А наибольший чертознай у нас в Детинце живет, у посадника в хоромах.

— Эко врет! — засмеялся Иванка.

— И чтоб мне почернеть, как та мать сыра земля, коли вру! — крикнул, дергая по-воробьиному головой, Завид.

— А ты его видел? Какой он? — надвинулся на Завида Юрята.

— Эва! Захотел! Аль у него шапки-невидимки нет?

— Так это же сказка, шапка-невидимка, — сказал Сережа.

— Все ты знаешь, аль сорочьи яйца ешь? — презрительно сощурил глаза Завид. — Это у тебя сказки, а у нас сущая быль! Он в посадничьи хоромы, в окошко, кукшей влетает и вылетает. Его видеть нельзя, только слышать можно.

— Чай, один ты и слышал, — плутовато усмехнулся Иванка.

62 — Я-то слышал, еще как слышал! — закипел от волнения и радости Завид: теперь ему, а не

Сереге, все внимание ребят. — Ходили мы с тятькой молиться в детинский собор, а я после обедни возьми да и спрячься в посадничьем саду. Крыжовник у посадника обломленный. Огребаю я крыжовник и слышу: в горнице у посадника играют и поют. Окно открыто было, а под окном дуб. Я полез на дуб, подтянулся до окна, гляжу — горница пустая, а играют на трубах и на скрипках. У нас такое не слыхано! Потом мужик запел, чуть погода баба, и многоголосьем пели. Не божественное, не церковное, а таково весело-весело! А в горнице пусто. Нечистая сила, явное дело! А потом колокола зазвонили. Вот так: дин-дин-бом! — передал Завид бой башенных часов.

Глаза Сережи изумленно округлились. «Неужели приемник в Ново-Китеже?»

— Ты не врешь? — подошел он к Завиду.

— Ей-богу, правда! — закрестился Завид.

Сережа взволнованно перевел дыхание. Вот бы пробраться в Детинец и узнать тайну радиоприемника.

— А что, если нам всем поглядеть хотя бы одним глазом?

— А стрельцы в воротах схватят, — сказал Вукол. — Ищи тогда в заду ноги. От портков только пугвы полетят!

— Храбрун! — с презрением посмотрел на него Юрята. — А мы через ворота и не пойдем, мы через Пытошную башню.

— Ой, что ты, Юрята! — поежился быстроглазый Иванка. — Страсть какая!

Юрята лихо сплюнул сквозь выбитые зубы:

— И этот спужался! В башне волоковое окно есть, дощатой заслонкой задвигается. Ту заслонку снаружи легко поднять. Знаете, чай, што из этого окна по желобу спускают?

Ребята переглянулись. Они знали, да и кто в Ново-Китеже не знал, что из волокового окна башни спускали трупы посадских, запытаных палачом Суровцем. Ново-китежане приходили к башне ночами, уносили своих убиенных родных и тайно хоронили, без креста, без молитвы, без ладана, без всего, чем могла крепка.

— А Суровец в башне захватит? Излупит! — опять начал приводить резоны Вукол.

— А мало нас дома лупят? — мрачно сказал Митьша. — Коли излупит, мы ему, стерве, потом въедем по рылу навозным котьяком!

— Я не пойду, — подался назад Тишата. — Мертвяков боюсь.

— И не надо! — отстранил его ладонью Юрята. — Ты только в избе на полатах храбрый.

— Голосуем! — вмешался Сережа. — Кто за мою резолюцию, чтобы идти в Детинец, прошу поднять руку.

— Годи, Серьга — остановил его Юрята. — Какая-такая резолюция — не ведаю. А всем идти нельзя, заметно. Пойдут я, ты и Завид.

— И Митьша, — твердо сказал Сережа.

— Пушай и Митьша.

— А командовать парадом будешь ты, Юрята.

— Чем командовать?

— Ну, атаманом будешь.

— Это само собой! — важно оправил опояску Юрята. — Я, брат, всегда атаманом был. А тебе, Серьга, надо одежду сменить...

Сережа в Ново-Китеже ходил все в том же летном шлеме, в ученических брюках и куртке. Правда, куртку он то и дело забывал на футбольных площадках.

— Я свои портки и рубаху принесу. Мамка

как раз на плетне их сушит,— предложил Тишата.
— Бежи. И чтоб одним пыхом! — приказал Юрятка.— Мамке не попадись.

Тишата слетал одним пыхом. Сережа надел холщовую рубаху, посконные штаны, на голову надвинул валяный шляпок. Свою одежду запрягал в кусты.

— К башне пойдут все,— распорядился Юрятка.— Будете нас под стеной ждать. А ежели заметите что недоброе, знак голосом дайте. Песни, што ль, орите, или свистите. Ну, шагаем с богом!

Первым во главе отважного отряда побежал Женька.

Пыточная башня накрыла ребят своей мрачной тенью. Они остановились. Маленькая улочка была пуста. Без крайней нужды никто не ходил и не ездил мимо Пыточной.

Митьша, прислушиваясь, поднял обвислое ухо шапки и стал похож на умного насторожившегося щенка. Но на улице, на крепостной стене и на башне не слышно было ни голоса, ни стука, ни скрипа. Только далеко на лугах косец правил оселком косу.

— Полезли, спасены души! — указал Юрятка на сбитый из досок широкий желоб.— Я первый!

Он вскарабкался на четвереньках по желобу, осторожно поднял заслонку, подставил, чтобы она не опускалась, припасенную палку, и пропал в темном проеме окна. За ним поднялись и скрылись в окне Митьша и Завид. Сережа не поднялся и до половины желоба, как внизу раздался горестный вой оставленного Женьки. В окне показалось встревоженное лицо Юрятки.

— Дай ему хорошенько! — тихо и сердито сказал он.— Ишь вопит.

— Его нельзя бить, он гордый, он меня уважать не будет,— отозвался Сережа, и шепотом приказал псу: — Место! Лежать! Тихо!

Пискнув обиженно, Женька лег. Сережа проник в башню и опустил заслонку. Через маленькое зарешеченное окно, выходящее на посадничий двор, видны были только безоблачное небо и вершины деревьев. Сережа огляделся. Они находились в небольшой комнате.

— В каморе этой тех запирают, кого на пытку приволокут,— объяснил шепотом Юрята.— А терзают в самой башне.

Он открыл жалобно скрипнувшую дверь. Сережа поглядел через его плечо и увидел темные от копоти бревенчатые стены. Ребята боязливо вышли из каморы.

В нижнем ярусе Пыточной башни окон не было. В железном кулаке, вбитом в стену, горел, потрескивая, большой смоляной факел.

При мутном, трепетном свете Сережа увидел под самым потолком жердь и свисавшую с нее веревку с пучком ремней на конце. Под веревкой лежало толстое бревно, в нем торчал топор. С рукоятки топора свисало диковинное ожерелье: на нанизанные на веревку острые костяные клинушки. У стены в образцовом порядке стояли и лежали — тяжелый деревянный молот, длинный круглый штык-кончар, пятихвостый ременный кнут и разнообразные клещи, щипцы: широкие, узенькие, тупые, острые, зубастые и с маленькими чашечками на концах.

— Знаешь, Серьга, где стоишь сейчас? — с добрым, пугающим огоньком в глазах шепнул Юрята.— В застенке стоишь, в пыточной палате

тож. Жердь видишь? То дыба. Свяжет Суровец твои ручки белые за спиной вот этими ремнями, хомутом они называются, и потянет с помощниками за веревку.— Юрятка потянул веревку, жердь пронзительно взвизгнула, будто от дикой боли. Сережа вздрогнул и отшатнулся. Юрятка мрачно усмехнулся.— У Суровца не попятышься. Вдернут тя на дыбу и руки твои из плечей вывихнутся. Сладко? Это виска называется, а потом встряска будет. Меж связанных твоих ноженек быстрых просунет Суровец, кат проклятый, вот это бревно,— продолжал Юрятка с мрачной насмешливостью,— сам вскочит на него и плясать почнет. То и будет встряска! И еще горшая мука есть. Иной на дыбе висит, а его кнутом бьют, или железо каленое прикладывают,— лихорадочно шептал Юрята.— А ты, Серьга, чай и одной встряски не выдюжишь. Кость у тя тонкая и мясы мягкие.

Сережа поднял глаза, представил себя висающим на дыбе.

— Не выдержу,— опустив голову, сказал он.

— А тятка мой почти десяток встрясок осилил! — громко и гордо сказал Митьша.— На дыбу его вздернут, а он старицу и посадника еще пуше лаять почнет. Вот какой мой батяня!

— О твоём батьке разговору нет,— уважительно ответил Юрята.— Стожильный мужик и зело на детинских свирепый. А мирскому застенок, чай, в диковину. Тут, Серьга, ишо гостинцы есть. Клинушки эти под ногти загонят, всю подноготную скажешь. Ишо репка есть,— указал Юрята на клещи с маленькими чашечками на концах.— Ими пальцы на ногах прищемят, запоешь матушку-репку!.. Ну, ин ладно! Давайте из застенка выбираться. Дверь башенная только снутри запирается. Гляньте!

Юрята осторожно толкнул дверь. В мрачный застенок хлынул ликующий солнечный свет. Юрята выглянул и тотчас метнулся назад в башню.

— Палач! Суровец! — сдавленно шепнул он.— Прячься!

Налетая друг на друга, толкаясь и отпихиваясь, ребята кинулись в дальний темный конец башни и притаились там.

Башенная дверь распахнулась настежь. Вошел высокий, костлявый человек, длиннорукий, с маленькой кошачьей головой на широких плечах. Поверх кроваво-красной рубахи на нем накинут в опашку короткий траурно-черный кафтан. Палач подошел к своим инструментам и начал перебирать их длинными обезьяньими руками. Он шептал при этом что-то под нос и часто крестился.

— Молитвы шепчет,— прошелестел еле слышно Митьша на ухо Сереже.— Не отмолит! Сколько душ загубил, сыроядец!

Неужели услышал палач шепот Митьши? Он быстро обернулся, и Сережа увидел страшные, белые какие-то глаза, без тепла, без жалости. Палач стоял, уставившись жуткими глазами в одну точку и шепча иступленно молитвы. Крик ужаса готов был вырваться у Сережи, но палач снова повернулся к своим пыточным орудиям, отобрал пяток и вышел из башни.

Ребята разом шумно перевели дыхание.

— Пошел свои щипцы да клещи править,— с ненавистью сказал Митьша.— Кого-то нынче терзать будет.

Завид вдруг громко хныкнул:

— А ну вас! Не пойду я дале.

— Я те не пойду по сопатке! — Юрята сгреб в горсть рубаху на груди Завида и трянул так, что голова того мотнулась.— Так нос сворочу, в

моздри себе будешь заглядывать! Иди, показывай, о каком дубе ты говорил! — закончил Юрята разговор крепким толчком в спину Завида.

Через приоткрытую дверь Завид указал на могучий дуб, ветвями закрывавший окно на втором этаже посадничьих хором.

— Эвон тот, рядом с голубятней.

— Тогда выходи. Все разом выходи! — командовал Юрята. — Митьша, иди последним, Завиду стереги. Не сбежал бы, поганец!

Ребята вышли из башни, быстро огляделись по сторонам и побежали к дубу. Юрята вдруг остановился и принялся истоиво креститься на соборные кресты. Митьша и Завид тоже круто затормозили и тоже начали усердно отмахивать кресты и поклоны. Сережа не понимал, для чего понадобилась Юрята эта опасная остановка. Надо к дубу быстрее бежать, забраться на него и спрятаться в ветвях. Но в следующую минуту он услышал мужские голоса и смех. От поварни к собору подходили два хмельных стрельца в распахнутых зеленых кафтанах.

— Эй, шелудивые, пошто пришли? — крикнул сердито один из стрельцов, останавливаясь против ребят.

— К вашим детинским мальчикам приходили, дяденька стрелец, — поклонился низко Юрята. — На игру звали.

Стрельцы ушли.

— И башка же у тебя, Юрятка! — проговорил восхищенно Митьша. — Враз ужом вывернулся!

— Цыц-те, болтать-то! — одернул его заметно польщенный атаман. — К дубу теперь. Одним пыхом!

Сережа подбежал к дубу вторым. Юрята уже карабкался по ветвям. Сережа подпрыгнул, ухватил свисавший сук и тоже полез вверх. Ниже сопели Митьша и Завид.

Сережа и Юрята сидели рядом на толстом суку. Окно горницы было на уровне их лиц и близко — рукой подать, но его заслоняли мелкие ветви. Юрята раздвинул листву. В горнице, освещенной солнцем, на низком потолке сияла вся красота поднебесная: и солнце красное, и месяц ясный, и звездочки светлые, и радуга многоцветная.

— Лепота какая! Истинно, как в раю господнем! — прошептал восхищенно Юрята. — Чать, Истома работа: Он и хоромы и собор в Детинце расписывал.

А Сережа, холодея, глядел не на потолок с поднебесной красотой, а на лавку, покрытую суконным полавочником. На ней стоял радиоприемник, а от него к окну уходил тонкий провод. Сережа проследил его глазами. Провод был выведен наружу и поднимался к вершине дуба, где была, конечно, спрятана антенна. Но таких приемников Сережа не видел раньше: небольшой металлический ящик, окрашенный в защитный цвет, а рядом цинковые шестигранные коробки.

Сережа отшатнулся, прячась в ветвях.

В дальнем конце горницы открылась низкая дверь и, пригнувшись, вошел человек. Лицо вошедшего закрывал накомарник, одет он был в синий балахон без перехвата в талии и без ворота, с золочеными петлицами и крупными пуговицами из самоцветов. Расшитый золотыми нитками балахон блестел на солнце, как зеркало.

Человек в синем балахоне ударом ладони в раму открыл окно и, не снимая накомарника, начал глядеть в сторону собора. Затем поднял глаза к небу. «А если он опустит глаза?.. Хоть бы на дуб

не посмотрел!» — взмолился мысленно Сережа.

Человек в горнице что-то раздраженно пробормotal, и, повернувшись, подошел к приемнику. Сдвинув вверх рукав, он посмотрел на запястье левой руки. — «На часы смотрит!» — удивился Сережа. — А я ни у кого тут ручных часов не видел!»

Не снимая накомарника, человек сел на лавку рядом с приемником и начал вертеть рычажки настройки. Затлелся зеленый глазок индикатора, зашипело, затрещало, потом зажурчала тихая музыка, медленное, ленивое танго. «Вот они, скрипичицы и трубы», — подумал Сережа.

— Где их черти носят?! — зло проговорил человек в накомарнике.

Он резко выключил приемник и вышел, крепко хлопнув дверью.

— Кто это был? — тихо спросил Сережа Юрята.

— Завидов набольший чертознай! — засмеялся Юрята. — Никакой это не чертознай, а из детинских кто-нибудь, из верховников. Видел, как богато одет?

— Про синий балахон говоришь?

— Балахоны мужики носят, а это ферязь парчовая. Богатуший, видать, человек. Не иначе на пир-столованье к посаднику пришел. А чего в ящичке играло? Вот это так диво-дивное!

— Это радиоприемник. Музыку откуда-то передавали.

— Опять замолол свое, мирское! — недовольно махнул рукой Юрята. — Ты людскими, православными словами объясни.

— После как-нибудь, — ответил Сережа. — Слезаем, Юрята. Все что надо видели, и даже более того.

— Годи! — сказал Юрята. — Я на подоконнике углядел цацку красивую.

На подоконнике лежал нагрудный значок. Ка-

кой — не разобрать. Он лежал кверху оборотной стороной. Затрещал и качнулся рядом сук. Это Юрята, повиснув на одной руке, другой потянулся к окну и схватил лежавший на подоконнике значок.

— Теперь и слезать можно, — вися на суку, сказал он, и крикнул негромко: — Чеши, ребята! Спустившись с дуба, мальчишки то перебежками, то спокойным шагом пересекли посадничий двор, ворвались в Пыточную башню, влетели в камору, подняли заслонку и на задах лихо скатились на улицу. Первым к ним бросился Женька. Счастливо замирая, он ткнулся носом в колени Сережи. А вторым подбежал нетерпеливый Иванка.

— Чертозная видели? — переводя быстрые глаза с Юряты на Сережу, с Митьши на Завида, спросил он.

— За тем и ходили, — отдуваясь, важно ответил Юрята.

— В окно влетел? — заранее пугаясь, прошептал Тишата.

— У него спроси, — кивнул Юрята на Завида. — Ему лучше знать.

— Я ничего не видел, — растерянно улыбнулся Завид. — Я шибко спужался. Кукшей, чай, влетел, как положено?

— Вороной! — серьезно ответил Юрята и неожиданно захохотал. — Сам ты ворона полоротая! Засмеялись и все остальные ребята — очень смешно было растерянное и обиженное лицо Завида.

— Пстой, Юрята! — Сережа, гладивший Женьку, поднял на атамана глаза. — А что ты с окна схватил? Покажи.

Юрята разжал кулак. На его ладони лежал серебряный крест. На концах его были вычеканены буквы Б. Р. П. А у ног распятого Христа чернела эмалевая свастика.

Сережа вздрогнул.

— Юрята, милый, дорогой, дай мне крест. Знаешь, как он мне нужен?!

Глаза Сережи просили, умоляли. Он потянулся к кресту, но Юрята быстро отвел его руку.

— На что тебе крест? Ты в бога не веришь. Ладно, давай меняться. Чего мне дашь?

— Стекло зажигательное дам. Видел, как оно огонь делает?

Юрята поплевал на крест, потер о штаны, полюбовался его блеском и сказал деланно равнодушно:

— Не. Ножик свой давай.

Сережа оторопел. Отдать нож? Свой чудонож?

— Фиг с маком! — возмущенно крикнул он. — А я без оружия останусь? Спасибо-преспасибо! А еще друг!

— Как хочешь. Стекло не нужно, на ножик поменяюсь, — прошепелявил Юрята. И до чего же противно он шепелявил сквозь свои выбитые зубы!

— Юрятка, подлая душа! — возмутился Митьша. — Что ты Серьгу теснишь?

Юрята молчал, опустил глаза, и ковырял землю пяткой.

— Эх ты, буржуй! — чуть не плача сказал Сережа. Вытащив из-за пазухи нож, он нажал кнопку. Выскочило узкое, длинное лезвие. Грустно посмотрел он в последний раз на свое сокровище и протянул нож Юряте. — Бери, жадина! И больше ты мне не друг.

— Эва, напужал! Али из твоей дружбы шубу сошьешь? Тьфу на твою дружбу! — с шиком плюнул Юрята.

Митьша вдруг густо покраснел, пропали даже его веснушки, размахнулся и влепил атаману крепкий подзатыльник. Юрята быстро выкинул ногу и пнул Митьшу пяткой в живот. Кудреванко согнулся, схватившись за живот. Из глаз его посыпались крупные слезы.

— Карамба! Ногами бьешь? — закричал Сережа, замахиваясь на Юряту. Но тот ловко увернулся и огрел нового противника по шее. Сережа зашатался. И снова Митьша, еще со слезами на глазах, кинулся на выручку друга. Но на него сзади налетел Завид и сбил с Митьши ушанку. Сережа стукнул крепко Завида, Юрята стукнул Сережу, а через минуту они, все четверо, катались по земле в уличной пыли. Около них кружил рычавший и не знавший кого цапать Женька. А мягкосердечный Тишата жалобно кричал:

— Белены объелись? Расцепитесь, говорю!

Стрелец в зеленом кафтане, перегнувшись с детинской стены, ржал во все горло, глядя на ребячью драку.

Запахавшись от стремительного бега, Сережа влетел в поповскую избу.

— Знаете чего я достал? Ни за что не угадаете!

Капитан, Виктор и Птуха с удивлением смотрели на его холстинную рубаху и посконные штаны. Сережа так спешил, что не снял одежду Тишаты.

— Вот, глядите!

Он, гордо улыбаясь, положил на стол крест. Три головы склонились над столом и разом поднялись. Все трое обменялись долгими взглядами.

— Безрпэ!— прочитал Виктор буквы на кресте.— Братчики?

— Они!— кивнул капитан, твердо сжав губы.— Их партийный значок. Где ты взял его, Сережа?

— Там, в Детинце,— и торопливо, побаиваясь, как бы не заругали, рассказал обо всем, что видел и слышал, примостившись на дубовой ветке возле окна расписной комнаты.

Ратных сидел на колоде и смотрел, как в грохоте молотов рождался доспех для веселого и страшного бунташного дня. Днями и ночами стучал Кузнецкий посад кувалдами и молотками, зве-

нел наковальнями, сопел мехами горнов и домиц. И не бабы рогачи и сковородки, а булатные мечи и огнебойные пищали ковали теперь новокитежские кузнецы. И не овес на толочно в посадах толкли, а терли ручные мельницы мак ружейный, зелье стрельное, как называли в Ново-Китеже порох.

Мишанька Безмен схватил залощенную веревку, качнул, и мех сипло вздохнул. Пламя взлетело над горном, в кузне стало светлее. Будимир ущемил огромными кузнечными щипцами щелкающую окалиной болванку и перенес ее на наковальню. И снова тяжело зазвенела под молотом наковальня, снова брызнули красные и золотые искры.

— Удастся ружьишко, чуя! — кричал Будимир под грохот и звонковки.— Святое ружьецо!

Поковка на наковальне вытягивалась, и уже видно было, что это ствол длинного ружья.

— День и ночь кузнецы стучат, боевую справу готовят,— сказал Будимир,— а погляди со стороны — все спокойно. Будто и нет никакой свары меж Детинцем и посадами. Ходим друг около друга по-кошачьи.

Капитан положил руку на плечо кузнеца.

— Начинать бы надо, Будимир.

— Понимаю, хлеба муха. Придут посадские старосты, тогда и решим. Их жду.

А старосты уже пришли: Гончарного посада, Щепного, Рыбного и других. Потом пришли Пуд Волкорез и деревенский староста Некрас Лапша. Последним пришел Алекса Кудреванко и с порога сказал:

— Детинец собачьим нюхом бунт почуял, тоже начал готовиться. Стены крепостные глиной обмазывают, от поджогов. Пригнали в Детинец скот на случай осадного сиденья, привезли муку с мельниц и сено с лугов. Мои дозоры заметили.

— Детинец с нас глаз не спускает. Душан подглядчиков в посады посылает,— сказал гончарный староста.

Пуд Волкорез посмеялся сухо:

— Не все возвращаются, коих Душан посылает.

Все одобрительно покивали: в посаде видели душанова подглядчика — стоял он мертвый, навалившись грудью на стену, а меж лопаток его торчала большая зверобойная стрела. Пробила она шпиона насквозь и пригвоздила к бревнам.

Капитан обернулся к Волкорезу:

— А твои, Пуд, лесомыки так и не отыскивали тех двоих, что на Отрочь-озере шарили и в тайгу ушли?

— Всю округу обыскали, все ущелины облазали, не нашли. Следы их к городу вели, два человека шли, а потом будто сквозь землю провалились!

— Странно...

Капитан коротко рассказал посадским старостам о значке, принесенном Сережей, о человеке в синей ферязи, о своей уверенности, что этот человек — братчик, а вернее, их вожак.

— Он, видимо, пытался по рации вызвать сюда всю свою банду. И она придет в Ново-Китеж не сегодня — завтра. Ни одного дня нельзя больше ждать, товарищи!

— Помыслим, спасены души,— обвел Будимир всех взглядом.

— День за днем, будто дождь дождит, а когда же начнем?

— Чаша весовая стала к нам перетягивать. Еще бы обождать, она бы поболее перевесилась,— отозвался староста Щепного посада.

— Не дружны мы еще. Посад на посад поглядывает. Соединить силы надо супротив врага. А на это время надо,— поддержал его рыбацкий староста.— Недельку бы еще подождать.

— Ждать будем, сильнее не будем. Только время упустим. Я так мыслю,— несмело возразил Некрас Лапша.

— Эка сказали, ждаты! — сердито хлопнул ладонями о колени Волкорез.— Зачинай брань, когда тебе любо, а не жди, когда врагу любо будет.

Кудреванко раздраженно тряхнул потными, прилипшими ко лбу кудрями:

— Василий Мирской ждал часу, да и дождался могилы! И дружину его в Светлояре утопили. Этого хотите?

— Нельзя откладывать! — взволнованно сказал капитан.— Говорю я вам, что банда братчиков со дня на день явится! А с их скорострельным оружием нам не справиться!

— Никак не выдюжить! Я уже говорил это нашим дурням,— исподлобья посмотрел Волкорез на посадских.

— Будимир, что же ты молчишь? Говори, что делать будем?

Повала сидел, запустив в бороду кулаки и опершись на колени. Задумавшиеся его глаза блестели в ответах горна. Он медленно выпрямился, взгляд его стал твердым и строгим.

— Ждать нам опасно, хлеба муха. Жданье боком выйти может. Понимаем мы это, Степан. А ты то пойми, что не единодушен еще народ в посадах. Рано костер поджигать, поленьев мало. А малым огнем не спалить Детинец.

— Когда же? — с тоской спросил Алекса.

— Не сегодня и не завтра, а неделю придется подождать, верно рыбак сказал. Старосты, поднимайте народ, сбивайте его в сотни, сотников выбирайте!

— Мочи нет ждаты! — забывшись, крикнул Алекса. В хмурых его глазах было отчаяние и мрачная решимость.

— Не шуми, Алекса, подождем, коли надобно,— примирительно сказал Волкорез.— А ты как решаешь, Степан?

Все посмотрели на капитана, а он смирил себя, сказал трудно:

— Что ж! Будем ждать...

Разошлись по одному на ранней заре, когда начали дымиться городские избы.

Тревожная была ночь. То и дело просыпались, прислушивались, не идет ли капитан.

Засыпав его шаги, все вскочили.

— Что решили? — спросил Птуха.

— Ждать,— ответил хмуρο Ратных.

— Это окончательно?.. Или что? — растерялся мичман и взмолился: — Не тяните из нас клей, товарищ капитан!

— У вас, моряков, есть, мичман, такая команда — поворот все вдруг?

— Есть. Ну и что?

— А в Ново-Китеже, как видно, время для такой команды еще не пришло... Что касается нас, то пора подумать о безопасности. Сейчас же уходим в Кузнецкий посад — там нас не скоро разыщут, да и найдут — не сразу возьмут... Зовите Сережу... Эх, кажется, поздно! — воскликнул капитан и, как клещами, сжал локоть летчика.

На двор въехал стрелецкий десятник. За воротами, на улице, остановилась его конная десятина. Стрельцы были вооружены пищалями, подняв их дулом вверх и уперев прикладом в ляжку. Десятник указал рукоятью плети на летчика:

— Ты! Иди не мешкая в Детинец!

Сережа появился на крыльце и замер, удивленный.

Ратных быстро оценил обстановку — ни сопротивляться, ни бежать,— все бесполезно.

— Надо подчиниться,— шепнул капитан Виктору.— Не бойтесь, в беде не оставим!

— За Сережу боюсь.

— Не копайся! — крикнул злобно десятник.

— Подождешь! — ответил летчик.— Ну! До свиданья, капитан! — Он взял руку капитана и крепко, звонко ударил по ней своей рукой. Потом подошел к Сереже.

— Карамба! Защищайся, презренный трус! — шутиливо ткнул он брата в бок, прижал к себе.— Я готов. Пошли! — повернулся он к десятнику.

Стрелец выдернул из ножен саблю, взмахнул ею.

— Иди, да не балуй!

Виктор пошел со двора. Стрельцы на ходу окружили его. Сережа проводил брата отчаянным взглядом. Капитан обнял мальчика за плечи.

— Не журись, футболист. Виктор вернется. А нам уходить надо в Кузнецкий посад.

Сережа нервно отстранился от него.

— Никуда не пойду! Буду Виктора ждать.

— Сейчас соберем имущество и тронемся,— серьезно сказал Ратных, будто не услышав возражения Сережи.

Капитан ушел в избу, за ним двинулся и Птуха.

Сережа сел на ступени крыльца, тихонько всхлипывая, утирал ладонью слезы. Услышав шаги, радостно поднял голову. Брат вернулся! Нет, это не Виктор. К нему шел высокий и тонкий, как жердь, человек в накомарнике и синей ферязи.

Сережа вскочил, хотел крикнуть, но горло словно сдавило. А человек подходил ближе и ближе. Сережа сунул руку в карман — нет ножа! Отдал свое верное оружие жадине Юрятке. Человек в синей ферязи свистнул. Во двор влетел новый десяток конных стрельцов, ведя в поводу заседланную лошадь. Человек в ферязи схватил Сережу, перекинул одному из стрельцов.

И тогда откуда-то сбоку выскочил Женька. Длинным метким прыжком он перелетел на седло стрельца, державшего Сережу, цапнул за спину и с выдранным куском кафтана скатился на землю. Человек в синей ферязи ударил пса носком сапога в ребра, затем рукоятью плети по голове. Женька взвизгнул, но снова бесстрашно кинулся на стрельца и не допрыгнул. Нахлестывая лошадей, стрельцы вылетели со двора. Человек в синей ферязи ловко, без стремян, прыгнул в седло своей лошади и поскакал следом. Женька, взлаивая, мчался рядом.

Из избы выскочили капитан и мичман. Они увидели всадников, скакавших по улице, и Сережу, перекинутого через седло.

Глава 11.

Логово

*А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно
дышло —
Пулей рот закрою.*

*Э. Багрицкий.
Дума про Опанаса.*

В Детинце стрелецкий десятник передал Виктора посадничьему ключнику, старику Петяйке, ждавшему на крыльце хором.

— В верхние горницы веди.

— Знаю, в верхние,— ответил Петяйка, злобно глядя на летчика.

Виктор долго шел за ключником по узким темным коридорам, по горницам с низкими, давящими потолками и маленькими в глубоких нишах окнами. Всюду таился загадочный полумрак, то зеленый, то красный, то синий от лампад, горевших перед бесчисленными иконами; везде закоулки, закуты, потаенные каморки и тупики. Виктор подумал об Анфисе и вздохнул.

— Здесь жди! — остановился Петяйка перед узкой и низкой дверью. — А ждут тебя любовные и душевные разговоры.

Он удушливо захихикал и ушел.

В маленькой и полутемной комнате, куда привел его Петяйка, было тихо, будто огромный дом вымер. И вдруг за дверью раздался хриповатый голос.

— Входите, гость дорогой! Прошу!

Виктор сразу узнал комнату, о которой рассказывал Сережа: расписанный потолок, японская полевая радиостанция на лавке. В дальнем конце комнаты стоял высокий и тощий, как жердь, человек. Он был в долгополом синем парчовом кафтане с пуговицами из самоцветов.

«Синяя ферязь!.. Слышали о тебе»,— подумал Виктор.

Человек стоял спиной к окну, но Виктор разглядел все же его ничем не примечательное, слегка опухшее и серое лицо крепко и часто выпячивающего человека. Но почему это лицо так знакомо? Где он видел этого типа, особенно эту странно посаженную голову, словно притянутую подбородком к груди?.. Памфил-Бык! Юродивый! Вот это кто! Не узнал он его сразу потому, что тогда, при встрече на Забайкальской, юродивый был с длинной узкой иконописной бородой, а теперь обнажились на бритом лице помятые щеки, вытянутый острый подбородок и недобрый рот. Чем-то Памфил-Бык был сейчас похож на коршуна, потрепанного в драках, но все еще прицеливающегося, куда можно беспромахно и остро ударить клювом и когтями. А в глазах, пустых, холодных, ко всему готовых, таился опасный, злой и подлый ум. Памфил улыбнулся не бессмысленной ангельской улыбкой юродивого, а коротко и жестко, одними зубами.

— Вот мы и снова встретились,— тихо и спокойно сказал он.— И где? В семнадцатом веке! Фантастика! Бред! А вы помните нашу предыдущую встречу?

— Еще бы!— ответил Косаговский.— Как не помнить дурачка, присноблаженного!.. Да, жаль, что не зацапали мы вас тогда. Ну, ничего! Теперь не уйдете!

— Сначала сами попробуйте отсюда уйти.— Глаза Памфила налились мстительной радостью.— Попробуйте — и вы, и Птуха, и капитан Ратных.

— С Птухой вы, кажется, и раньше были знакомы?

— Да. Встречались на Балашихе. Ловкий парень!

— А капитана Ратных тоже знаете?

— Немного,— небрежно ответил Памфил, как-то странно улыбаясь.— У нас есть его фотография и даже полная его характеристика в специальном досье. Очень лестная для него характеристика.

— Давайте лучше о вас. Братчик, конечно?

— Конечно! Горжусь честью состоять в рядах Братства Русской Правды!

— А все же мне непонятно, зачем вас занесли на Забайкальскую улицу, под окна моей квартиры. Если это не деловой ваш секрет, объясните.

— Сегодня у меня никаких секретов от вас не будет,— ответил братчик.

Он помолчал, подумал и заговорил:

— Меня интересовали не вы, не летчик Косаговский, а Балашиха, вернее, склад «Взрывпрома» на Балашихе. Нам стало известно, что на склад этот будет завезено большое количество взрывчатки. А как ее повезут? Если на автомашинах, то мы сделаем засаду. В тайге. Узнать это можно было, если следить за мастером взрывных работ Птухой. Где Птуха, там и взрывчатка...

— Я начинаю догадываться,— сказал Виктор.

— Сейчас это нетрудно. Так вот, следить за Птухой в городе решил я сам. Моя рожа примелькалась всюду. Памфил-Бык, Христа ради юродивый! Птуха и привел меня к окнам вашей квартиры, а затем и на аэродром. Взрывчатку отправляют на самолете — это мы узнали точно. Но представьте удивление, когда нам стало известно, что в этот самолет сел капитан Ратных, мой закадычный враг! Признаюсь, он нас запутал. Зачем командир-пограничник летит на самолете с взрывчаткой? А затем новая загадка! Мы узнаем, что самолет борт № 609 в Балашихе не сел. Где же он приземлился? Может быть, на секретном складе?

Виктор засмеялся, прервав братчика.

— Никаких тайн, никаких секретов! На мой самолет капитан сел случайно, как на попутный. Спешил на заставу.

— Спасибо за откровенность,— приложил братчик руку к сердцу.— С радостью вижу, что между нами секретов нет. Может быть, мы и дальше будем продолжать наш разговор в таком же духе, будем говорить начистоту?

— А почему бы и нет? Давайте начистоту,— охотно ответил летчик и сел на низенький табурет.

— А я ведь не приглашал вас садиться,— холодно сказал братчик.

— Если хозяин невежа, гость и сам сядет,— ответил летчик.— Стоя я с вами разговаривать не буду.

Братчик улыбнулся, дернув одной щекой.

— Хорошо, сидите.

Памфил закурил плоскую японскую сигарету. — Итак, где ваш борт № 609, где взрывчатка, груз вашего самолета?

Косаговский поиграл, постукивая по колену, пальцами и поднял глаза на братчика:

— Вы ставите мне ловушку.

— Ловушку? О нет! У нас же разговор начистоту. Где самолет и взрывчатка?

Летчик пожал плечами.

— Я не отвечаю на этот вопрос.

— При любых условиях? — угрожающе подался Памфил к летчику.

— При любых.

Памфил медленно сел. Протянув руку, взял стоявшую в углу китайскую ганзу, трубку с длиннейшим чубуком и серебряной чашечкой величиной в желудь. Из плоской фарфоровой коробочки он отщипнул какую-то темную клейкую массу, одним движением большого пальца вмазал ее в чашечку, и долго раскуривал. Виктор раскашлялся от поплывшего по комнате приторно-пряного дыма.

— Не угодно ли глоточек чанду! — протянул братчик Виктору трубку, повернув ее дымящимся мундштуком вперед.— В небольших дозах прекрасно бодрит и освежает.

Летчик с отвращением покачал головой. Братчик сделал две глубокие затяжки и поставил трубку обратно в угол.

— Хорошо, не будем ссориться из-за пустяков. Я сам отвечаю на свой вопрос. Взрывчатку вы утопили в таежном озере, а мы ее нашли. Не удивляйтесь. Мой вестовой — чахар, опытный следопыт. Когда будет надо, эту взрывчатку мы возьмем.

«Не возьмешь»,— подумал Виктор.— Какое

счастье, что мичман не встретился с братчиком в тайге!»

— Вы понимаете, конечно, что, найдя взрывчатку, мы нашли и самолет. И я пригласил вас сюда, чтобы поздравить с благополучным прибытием в Ново-Китеж. Я вижу, что все пассажиры находятся в добром здоровье. Даже ваш маленький братишка, даже его собака и футбольный мяч.

— У нас там были еще фикусы,— серьезно сказал летчик.— Не знаете, как они?

— Что? Фикусы? — Братчик дернул щекой, но сдержался.— Ах да, фикусы! Они целы. Признаюсь, сначала, увидев советский самолет, я испугался. Прилетели советские комиссары, и ново-китежское Эльдorado для меня потеряно! Но когда я увидел на самолете № 609, я успокоился и даже обрадовался. Раскрыта тайна исчезновения борта № 609! Найдя самолет, я начал искать и летчика. Вскоре нашел и его. Едва я пришел в Ново-Китеж, Остафий Сабур с тревогой рассказал мне, что в городе четверо, не считая собаки. Четверо мирских! Я не утерпел и ночью пошел посмотреть на вас. Я, кажется, разбудил вас тогда? Простите великодушно.

— Пустяки. Охотно прощаю,— небрежно ответил летчик.

— Вернемся к самолету,— сказал братчик и мягко ударил ребром ладони по краю стола.— Самолет, вот что меня интересует!

— А какой от него толк? — осторожно спросил Виктор.— Вы же видели, где я сел. Взлететь невозможно!

— Видел и согласен. Взлететь невозможно. Взлетная площадка коротка. С одной стороны пропасть, с другой тайга и обломки скал... Я вымерил площадку шагами, и я восхищен. Как вы сели? Вы — виртуоз!... Но площадку мы удлиним, выкорчем тайгу, черем и камни. Нужно будет для этого тысячу человек — пошлю тысячу. Нужно две — пошлю две...

— Предположим, вы расчистите взлетную дорожку. Но нет бензина.

— Будет. В этот раз я пришел сюда только с моим ординарцем. Увидел самолет, увидел летчика, и меня озарило. Но об этом после. А насчет бензина я уже распорядился по радио. Мои конники сидели в тайге здесь, в Совдепии. Они и взяли бензин здесь же, с боем, конечно!

— И без потерь?

— С потерями. Но это ерунда.

Памфил прошелся медленно по комнате, покavалерийски расставляя ноги и оглядываясь на ходу назад. Волчья повадка. Виктор следил за ним. Братчик вернулся к столу, остановился и заговорил медленно, как бы опасаясь неосторожно-го слова:

— Начнем говорить о деле. Я буду просить вас, слышите, буду просить вас, а не требовать, помочь мне. Я предлагаю вам сотрудничество, предлагаю работать рука об руку. Разделим пополам и опасность, и риск, и барыш... А барыш будет огромный! — Виктор вскопчил, синие его глаза почернели. Братчик быстро сунул руку в карман.— Сидеть! Незачем нервничать раньше времени. Я не потребую от вас ничего рискованного. Вам не придется выкрадывать секретные документы, шпионить, взрывать, убивать. Я прошу одного — сестра за штурвал вашего самолета. И мы улетим отсюда, нагрузив его платиной.

— Кто это — мы?

— Все ваши друзья, даже собаку заберем.

И я. А кроме того — платина. Полетим во Внутреннюю Монголию¹. Куда именно, скажу, получив ваше согласие. У меня есть там верные друзья.

— Ну и жук же вы! — покачал головой Косаговский.— За бензином посылали бандитов своих, а улететь хотите один?

— Они об этом узнают не скоро. У них погибла рация.

— В том же бою за бензин?

Братчик понял, что проговорился, и дернул плечом.

— Довольно об этом! Это не ваше дело! Вы согласны на мое предложение?

— Но стоит ли барыш того, чтобы рисковать?

— Труссы в карты не играю!

— Правильно! Но и в омут головой кидаться нет охоты. Словом, я должен знать все условия, на которых мне придется, как вы выразились, работать рука об руку с вами,— солидно, по-деловому говорил летчик.— Я должен знать все! И как вы попали в Ново-Китеж. И как вы завязали дружбу с детинскими верховниками. И кто здесь ваши друзья, и кто враги.

— Стоп! — раздраженно крикнул братчик.— Это игра не по правилам. Это вопросы разведчика.

— Ничуть. Я хочу знать условия нашей совместной работы. Только и всего.

Братчик помолчал, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носки.

— Хорошо! Слушайте! — Он сел к столу и медленно, обеими ладонями пригладил свои жиденькие, будто приклеенные к черепу волосы.— С чего же начать? Отвечу на ваши вопросы по порядку. Не я Колумб Ново-Китежа. Открыл его без малого три года назад офицер нашего полка, бывший есаул Забайкальского казачьего войска Цыденбаев. Продувная бестия, между прочим, пробы негде ставить! По национальности бурят, был послушником в дацане². Ламы обучили его всяким фортелям. Матерый разведчик! Работал он на разных феодалов, угонял из Забайкалья табуны для кавалерии, работал и на гитлеровский абвер, брал доллары от американской разведки. А в последние годы со мной работал, в Харбинском полку. В нашем деле без неудач не обойдется. Было это в тридцать девятом году. Пошел он сюда, через границу, на встречу с японским резидентом, и оба засыпались. Гоняли их чекисты по тайге, и все же оторвались они. И по-счастливилось им попасть на прорвенские тропы. Блуждали они по Прорве немало, а умища есаул делал при этом глазомерную съемку путаных троп. И японец делал. Вот и пришли сюда.

— Так я и думал,— сказал Косаговский.

— Первый встретившийся им ново-китежанин был охотник. Сначала есаул испугался даже. Старина, древность, будто время назад пошло! Но увидел платину... Ох, мама! Из платины ребятам свистульки делают! Недаром же есаул был учеником лам, окрутил он посадника и старицу. Решил заняться обменом ново-китежских ценностей на мирскую дешевку. Для начала он поднял карту, то есть распутал свои дорожные кроки, увеличил масштаб. И японец это же сделал. А когда свели свои работы, получилась точная карта. Теперь она у меня.

Братчик подошел к стоявшему в углу резно-

¹ Автономный район на севере Китая.

² Буддийский монастырь.

му поставцу, открыл слюдяную дверцу и снял с полочки лакированную японскую шкатулку. Вытащил из нее и показал Косаговскому большой лист кальки, посмотрел на свет, улыбнулся.

— Вот она, дверь в семнадцатый век!

— Детинские власти не просили копии этой карты?

— Не просили и не попросят. Последние два года они живут в страхе перед восстанием посадов, а я рассказал им, что делается сейчас на Руси. Они пугают посадских московским царем, но при царе, с его чиновниками они поладили бы, деньги все бы сделали. А ваши комиссары причешут их на прямой пробор, раскулачат, как у вас говорят. Не пойдут они в мир.

— Есаул Цыденбаев взял вас в компаньоны?

— Взял, но сначала он работал один. Когда карта была готова, есаул убрал японца. Крепких нервов был человек! Уважаю таких. Таскал отсюда платину, а сюда приносил дешевку, купленную в ваших же кооперативах. Удобно и просто. И я теперь так делаю. Не через границу же тащить ситец или пряники! Вы эту убогую роскошь видели. У здешних дикарей можно на пустую бутылку выменять килограмм платины. Берег Слоновой Кости, честное слово! — расхохотался братчик.

— Кончайте о Цыденбаеве.

— Извольте. Мерзавец есаул, не тем будь помянут покойник, работал один, втихую, никого не беря в долю. Но начались у него трудности. Посадские отказались копать платину, белое железо, как ее здесь называют. Ведь они-то не получили в

обмен даже пустых бутылок. Понял есаул, что одному ему не поднять это дело, и поделился со мной этой тайной. Я тогда только что вернулся с Халхин-Гола и согласился работать с ним на паях. Первым делом отобрал у него карту, а потом подумал: на кой черт мне каждый целковый ломать пополам, когда я могу грабастать платину монопольно?

— И вывели есаула из игры?

— Конечно. Шепнул о нем пару слов джапам. Признаться — наврал. А они в таких случаях разбираться не любят. Сам майор Иосси выстрелил есаулу в ухо, как сапной лошади. И начал я царствовать здесь самодержавно! Царь Ново-Китежский и всех шести посадов властитель! Звучит? — Братчик оскалился. — Но к черту высокие титулы! Меня интересует одно...

— Платина?

— Совершенно верно. Это сказочно! Фантастический фарт! Но сначала надо было навести порядок в Ново-Китеже. Я посоветовал старице и посаднику сформировать настоящее стрелецкое войско. Таскал для их кафтанов биллиардное сукно. Но местные сермячи, как я сказал, забастовали. Тогда я приказал ввести монополию на соль. Не хочешь работать, живи не солоно хлебавши. А они решили поднять восстание. Форменная революция! Любопытная вещь, организацией этого восстания руководил какой-то ваш, советский, чудом перебравшийся через Прорву. Какой-то Василий. Боже ты мой, советские, как ненавижу я всех вас!

— Ну, далеко не весь,— ответил Косаговский.— Как вы расправились с восстанием, мы уже знаем.

— Великолепная операция! Поистине Варфоломеевская ночь! — шелкнул языком Памфил.

— А если новое восстание посадов, на этот раз удачное, если вы опоздаете с новой Варфоломеевской ночью?

— Не выйдет! У посадских нет даже кремневых ружей и пистолетов, а у стрельцов есть. Даже пушка. Куда им!

— А у восставших будут охотничьи луки. Страшная пробивная сила! И выстрелы бесшумны! А на рогатину охотники медведя сажают, людей же двоих сразу подденут.

— Против допотопных луков и рогатин я поставлю винтовки и автоматы! Я в полдня обучу хоть полсотни стрельцов обращению с ними. Оружие у меня здесь, под рукой.

«Под рукой? Значит, в Детинце?!»

А Памфил по-своему объяснил волнение летчика.

— Как видите, здесь я непобедим! — сказал он.— Я уже показал в тайге старице, посаднику и верховникам действие скорострельного оружия. Сначала они от моей стрельбы на карачках поползли, потом обрадовались: «Твоя дружба для нас спасение. Против твоих самопалов никому не выстоять. Если посадские опять взбунтуют, ты им укорот дашь!» Теперь они у меня вот где! — стиснул братчик кулак.— Через границу ходят со мной чахары и только один русский, тоже офицер нашего полка. Волки! Привыкли к большой крови. Но в город их пока не ввожу — соблазнов много. Они здесь такую резню могли бы устроить!

— Где же их спрячешь?

Братчик посмотрел на Виктора в упор, холодно и враждебно:

— Этого я вам, конечно, не скажу. В городе их нет, но они близко, а срочно вызвать их, в случае надобности, труда не составит... Рации для этого не потребуются.

«Непонятно все это», — тоскливо подумал летчик и спросил:

— А как вы сами пробираетесь сюда? Ведь от Прорвы до города приходится топтать тайгою несколько дней. Должны же вы встречать охотников или мужиков таежных деревень. А вас никто никогда не видел...

Братчик ухмыльнулся.

— За один этот вопрос я должен взраться и расстрелять! Но я вас не боюсь. Вы либо будете работать со мной, либо я вас закопаю в тайге. Поэтому отвечу. Встречали мы не раз, и не одного человека, но все они убегали без оглядки. Мы под лешего рядимся, а портрет его мы точно знаем. Бровей и ресниц у лешего нет, он их водяному в карты проиграл. Мы их замазываем. Идем без шапок, волосы налево зачесаны, кафтан у лешего направо застегивается, бьет он в ладоши, свищет, аукает, хохочет. Как засвищем да захохочем по-лешачьему, все встречные бегут от нас да крестятся.

— Теперь самый невинный вопрос. Какого вы мнения о детинской верхушке?

— Густомысл тумак-тумаком, олух царя небесного. Глуп, как стог сена, только рукав не сотет. Его лишь жирные щи да кулбьяка интере-

суют. В бинокль на людей взирает, будильником страх наводит и доволен! А старица, папесса новокитежская, молодец баба! Целый день молитвы шепчет, но с легкостью ахнет спящего топором, если он ей не по нраву придется. Во мне души не чает. Я совратил ее в мирские прелести. Таскаю для нее советские ликеры. Карты я ей подарил, научил в подкидного играть. Теперь перед обедней или всенощной дуется в карты со своими черницами, а если они выиграют, лупит их клюкой... Есть еще так называемая Верховная Дума, верховники. Их немного, и все они от безделья и обжорства облик человеческий потеряли.

Памфил посмеялся беззвучно.

— Вот вам все тайны мадридского двора. Единственный стоящий человек здесь это Остафий Сабур. Из таких лихие гангстеры получают. Его я забрал бы отсюда... Убедились теперь, что власть моя тут безгранична? Все мое, вся платина моя! А прииск богатейший! — Памфил заблестел глазами.— Сейчас шурфы дошли до плотика. Старатели называют так подошву россыпей, где скапливаются самые тяжелые самородки!

В глазах братчика был припадочный блеск. Косаговский чувствовал, как все, до последнего нервика, было натянуто в нем.

— Здесь в руки такие богатства плывут! — выкрикнул братчик и задохнулся этим криком.

— Японцы, конечно, о Ново-Китеже не знают? — поглядел на него летчик.

— Конечно.— Братчик сразу притих и помрачнел.

— Заставят делиться платиной?

— Делиться не заставят. Они не из таких! Видели бы вы майора Иосси. Низенький, с оттопыренными ушами, с длинными руками, на обезьяну, гад, похож.— Братчик замычал от ненависти.— Делиться не заставит, а обнесет чарочкой! Отнимет все до порошинки и пулю влепит!

— В ухо? Как сапной лошади?

— Он, дьявол, уже начинает коситься на меня. Я не живу, я танцую на канате! — Отвратительные были пустые глаза Памфила.— Но скоро я начну жить по-настоящему. Граф Монте-Кристо!

— Особенно не надейтесь, граф, — чуть улыбнулся Косаговский.— Есть уже план послать в этот огромный болотный район комплексную экспедицию.

— Ничего она здесь не найдет! — кинул зло братчик.— Пожарище, угли найдет. Я сожгу все!

— Ново-китежане не позволят вам сделать это,— возразил Виктор.

— Не позволят? Ого! — тихо, хрипло сказал Памфил.— Перед пожаром, под занавес, так сказать, я спущу на Ново-Китеж своих чахаров. Воображаете, что они здесь сделают? Не оставлю здесь и собаки, которая лаяла бы нам вслед!

Братчик отшатнулся, почувствовав на лице жаркое дыхание Виктора. Летчик подбежал к нему вплотную и крикнул с ненавистью:

— Не посмеешь!

— Не посмею? — тихо удивился братчик и ладонью отпихнул от себя Косаговского.— Да знаешь ли ты, щенок, сколько на моем счету таких, как ты? Приснилось бы тебе такое, ты с ума бы сошел!

Памфил затрясся в мелком, беззвучном смехе. В глазах его горел огонек помещанного.

В ТЫЛУ

У КОЛЧАКА

Новое
о подпольной
большевистской
печати

В историю Урала и Сибири вторая половина восемнадцатого и девятнадцатый год вошли как полоса кровавой колчаковщины. За это время белогвардейцы и интервенты уничтожили на занятой территории десятки тысяч сторонников Советской власти. Особенно свирепо расправлялись они с коммунистами. Порой врагу удавалось подвергать разгрому целые организации. Но борьба большевистского подполья не прекращалась ни на один день. Коммунисты обращались к трудящимся со словом правды, используя такое испытанное средство, как прокламации и листовки.

На Урале и в Сибири, пожалуй, не было ни одной крупной подпольной организации, которая не занималась бы изданием литературы. Большое число листовок выпускалось Омской, Красноярской, Иркутской, Владивостокской организациями. Печатались листовки и на Урале — в Челябинске, Уфе, Троицке, Екатеринбурге.

Издание и распространение большевистской литературы в условиях колчаковщины и интервенции требовали от подпольщиков смелости и находчивости. Ведь нередко листовки приходилось печатать в буржуазных и армейских типографиях.

Как-то ночью хозяин одной из омских типографий заметил свет в наборной. Он сообщил об этом белогвардейскому патрулю и вместе с ним ворвался в типографию. Двое рабочих уже кончали набирать листовку. Их схватили и вскоре расстреляли.

О содержании антиколчаковских листовок, выходивших в Сибири, можно судить по дошедшим до нас отдельным экземплярам. В свое время некоторые из них публиковались в газетах и сборниках. Одна-

ко до самого последнего времени попытки найти листовки, изданные на Урале, кончались неудачей, и высказывалось мнение, что они безвозвратно погибли. К счастью, это оказалось не так. Недавно мне удалось обнаружить несколько уральских листовок в архивах колчаковской контрразведки.

Вот содержание одной из них, изданной в Екатеринбурге сорок восемь лет назад — в первых числах мая 1919 года.

«Товарищи, граждане!

Час возмездия близок, чтоб поднять знамя восстания против гадов-поработителей, против тунеядцев, высасывающих нашу последнюю кровь.

...Неужели вам еще не видна та пропасть бездонная, куда ведет нас самодержец — Колчак! Столько лет мы были под гнетом николаевщины, а теперь не тот ли самый Николай II встал у власти?!

Пора, товарищи, граждане, сбросить навсегда это проклятое ярмо, пока не поздно. Разве не видите, как одевает

буржуазия чехословаков — своих наемников, тогда как насильно мобилизованные ходят нагие и босые.

И подумайте, товарищи, граждане, против кого вы идете сражаться. Не против ли таких же крестьян и рабочих, ваших отцов и братьев?

Товарищи, граждане, Сибирь уже взяла оружие в руки и до тех пор не сложит его, пока не будет на свете ни одного паразита — буржуа. Дело только за нами, то есть за Уралом. Ближко то время, когда борьба эта делается всемирной...

Долой самодержца Колчака! Долой чехословаков — наемников буржуазии!

Смерть капиталистам!

Да здравствуют пролетарии всех стран!

Да здравствуют Советы рабочих и крестьянских депутатов!»

Много листовок выпускала Челябинская подпольная организация.

В белогвардейской сводке за 17—23 апреля 1919 года отме-

Донесение колчаковской контрразведки.

Изначально
Контр. Разведчат.
отделение
Встава Западной Армии
По части Челябинск
7 марта 1919 г.
г. Челябинск.

Совершенно секретно.

Капитану Центрального отдела Контр-Разведки
при Штабе Верховного Главнокомандующего.

При сем представляю три прокламации и листовку с СОВИМ КРИВОЙ, играющей важную роль в организации Российской Коммунистической партии большевиков на-днях открытой в г. Челябинске.

Сид Селиванов
Михаил Иванович

КАПИТАН Яновский
Диапрокандитель - Числовский

НЕ ПРОХОДИТЬ
ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Солдаты и казаки!

Доколе Вы будете воевать? Доколе Вы будете разорять Россию? Доколе Вы будете учить себя и равных себе, рабочих и крестьян?

Подумайте: во всей необъятной России страдают рабочие и крестьяне и они не хотят отдать свою землю — помещикам, своим фабрикам — капиталистам, они не хотят быть рабами царских офицеров и генералов.

Рабочие и крестьяне России проклинают нас, убивающих своих братьев. Вы глубоко обмануты. Очнитесь и поймите, что Вашими руками делается злое дело. Это уже поняли рабочие и крестьяне Сибири и Урала.

Во всей Сибири идут восстания: крестьянин, рабочий и солдат против Колчака, против чужеземных наемных убийц.

Советская Россия с каждым днем крепнет. Все, что было завоевано у нас, снова стало нашим, там снова власть перешла к рабочим и крестьянам. Не довольно ли обманули Вас, не довольно ли страдаете Вы и от Вас — бросьте Ваше оружие против своих насиль-

марте 1919 года, в период интенсивной подготовки Челябинской организации к вооруженному восстанию. В листовке говорилось: «Чаша терпения переполнилась, расправам и издевательствам буржуазии приходит конец, над Сибирью занимается заря социалистической революции...» «Что делать нам, челябинским рабочим и солдатам? — спрашивали авторы листовки и отвечали: — То же, что и всем — поднимать знамя восстания... К оружию, товарищи! Будьте готовы по первому зову броситься на врага!»

В дни колчаковщины выпуск листовок в Уфе занималась специальная группа, выделенная подпольным комитетом. В нее входили И. Вавилов, А. Калинин, И. Шеломенцев.

Первая листовка рассказывала о военно-политической обстановке в стране, об успехах Красной Армии, разоблачала предательскую роль меньшевиков и эсеров — пособников иностранной и русской буржуазии. Она была напечатана наборщиком типографии Семенов (фамилия неизвестна) тиражом в несколько сотен экземпляров. Листовка была небольшой по размеру. Ее не разбрасывали, а вручали рабочим или другим надежным лицам.

Выпуск листовки и прок-

Листовка, выпущенная Сибирским бюро РКП(б).

чалось: «На фронте в значительном количестве распространяются большевистские прокламации, из коих видно, что печатались они в Челябинске. Кроме фронтовых частей прокламации эти попадают и во вновь формируемые части войск».

По свидетельству одного из видных челябинских подпольщиков И. С. Солодовникова, всего было выпущено до 20 000 экземпляров различных листовок и прокламаций.

Помимо Челябинска они распространялись на фронте, а также в Златоусте, Троицке и других городах. К сожалению, ни одна из этих листовок в подлинном виде пока не обнаружена. В материалах колчаковской охраны нам удалось найти лишь единственную копию. Подлинник, по всей вероятности, был выпущен в

Симские коммунисты-подпольщики в лесном шалаше.

ламации, коммунисты Урала и Сибири часто обращались к имени великого Ленина. Например, две листовки, выпущенные кунгурскими подпольщиками в июне 1919 года, в которых содержался призыв к восстанию против Колчака, заканчивались словами: «Да здравствует товарищ Ленин!»

Выпуск и распространение большевистской литературы особенно усилились с декабря 1918 года, когда по решению Центрального Комитета нашей партии было создано Сибирское бюро ЦК. С января 1919 года стало действовать отделение бюро по руководству подпольными организациями в колчаковском тылу. 13—14 февраля 1919 года бюро ЦК, находившееся тогда в Уфе, выпустило многотысячным тиражом три листовки — «Вставай, подымайся, рабочий на-

род!», «Ко всем мобилизованным уральским рабочим и крестьянам» и «Солдаты и казаки». Летом была выпущена еще одна листовка — обращение к солдатам белой армии.

23 февраля в Вятке вышел первый номер газеты отделения Сибирского бюро «Пламя восстания». Все эти издания, а также газеты «Правда», «Известия» и другие переправлялись через линию фронта и распространялись в тылу колчаковских войск — на всем Урале и частично в Сибири.

Большевистская подпольная литература во время гражданской войны сыграла неоценимую роль в разгроме белогвардейцев и интервентов.

И. ПЛОТНИКОВ, заведующий кафедрой истории КПСС Свердловского горного института.

Н. С. Полухин — председатель Троицкого военно-революционного комитета. Руководил подпольной печатью.

МОРЕ ГОРИТ

Наступила ночь — такая темная и непроглядная, что море слилось с небом. И вдруг все вокруг стало молочно-белым и казалось, что этот таинственный свет поднимается из глубины. Море горело! Все пассажиры высыпали на палубу.

Мне самому не раз приходилось наблюдать это воистину волшебное зрелище. Иногда вдруг на поверхности моря вспыхивают пятна или полоски,двигающиеся в разные стороны, непрерывно меняющие очертания. А иной раз в толще воды вдруг внезапно возникает очень яркий зеленовато-белый свет, который быстро начинает растекаться, и когда судно оказывается в центре такого светящегося поля, яркие отблески охватывают горизонт и даже отражаются на облаках.

Почему светится море? Много усилий затратили ученые, чтобы разгадать эту тайну природы.

Одно является несомненным: светится не само море, а мельчайшие живые организмы, обитающие в воде. Если зачерпнуть немного светящейся воды, то в ней, подчас даже невооруженным глазом, можно обнаружить множество плавающих организмов, излучающих слабый мерцающий или искрящийся свет. Среди них много видов бактерий, испускающих свет от зеленовато-голубого до оранжевого тона.

Эффект «бенгальских огней» создают одноклеточные жгутиковые, чаще всего это ночесветки — маленькие, не более двух миллиметров, нежные, почти прозрачные шарики.

Радиолярии излучают спокойный голубоватый, как бы разлитый свет. Светятся многие плавающие черви, иглокожие, головоногие рыбы и планктон.

Сила света отдельного организма ничтожна. Например, для того чтобы получить силу света в одну свечу, потребовалось бы собрать 19—20 триллионов светящихся бактерий. Гораздо большей «мощностью» обладают ночесветки: 1000—2000 этих организмов в одном литре воды позволяют читать книги.

Но какое грандиозное количество ночесветок, бактерий, червей и планктона должно участвовать в создании эффекта свечения, которое зачастую охватывает гигантские площади моря и уходит на глубину в десятки метров?

И. КИЗЕВЕТТЕР, доктор технических наук

Знаешь
ли ты,
что...

...самые первые «фирменные» марки (клеймо) появились еще в древнем Вавилоне. Но первое положение о них было утверждено английским парламентом только в 1300 году;

...до недавнего времени в Риме существовала самая старая аптека на земном шаре. Год рождения ее 1070;

...самый первый патент на изобретение стального пера для письма был выдан в Англии 24 апреля 1830 года Джемсу Перри;

...самые первые в мире фабрики по изготовлению шоколада и изделий из него появились во Франции, во второй половине XVII столетия.

Один знакомый подарил мне книжку Юго-Северного издательства о нравах племени Сайто в Африке.

— Очень любопытно. Обязательно прочтите, — сказал он.

— Прочту, — пообещал я из уважения к его вкусу и... куда потом запропастилась эта книжка, ума не приложу.

И надо же было случиться, что волею судьбы я был заброшен во владения этого племени.

Люди из Сайто встретили меня радушно. Другие, может быть, связали бы мне руки и подталкивали бы в спину острыми кольями, а эти отнесли меня на носилках из лиан к совету старейшин своего племени. А потом, как почетному гостю, поднесли мне чашу крови из артериальных сосудов вождя соседнего племени.

И все племя Сайто обступило меня, с легкой завистью наблюдая, как я подношу чашу ко рту. Я же в этот момент лихорадочно рас-

суждал: пить или не пить? Не грозит ли в случае отказа четвертование или другая безрадостная процедура?

— Вообще-то, — сказал я, — не такая я уж крупная личность, чтобы оказывать мне королевские почести. Пусть чашу эту опорожнит достойнейший. Прошу вас!..

И я попытался навязать чашу сановнику с большой медной серьгой в ухе.

— Нет, нет, — испуганно замахал тот руками. — Только гость имеет право на это.

— Только гости! — крикнули все, гремя копиями.

Тогда я набрался духу, закрыл глаза и выпил все до дна.

Племя ахнуло. Потом раздались возмущенные голоса:

— Кровопийца!

— Колонизатор!

— А ведь если бы это была бы на самом деле кровь уважаемого Банто-Ла? Ведь выпил бы?

— Еще и как!

— К Фепксу его!

— К Фепксу!..

Два воина тут же подхватили меня под руки и столкнули в глубокую яму. Очухавшись, я попытался вступить в переговоры. Но мои

стражи лишь подтвердили, что наутро, после соблюдения каких-то формальностей, меня отведут к Фепксу.

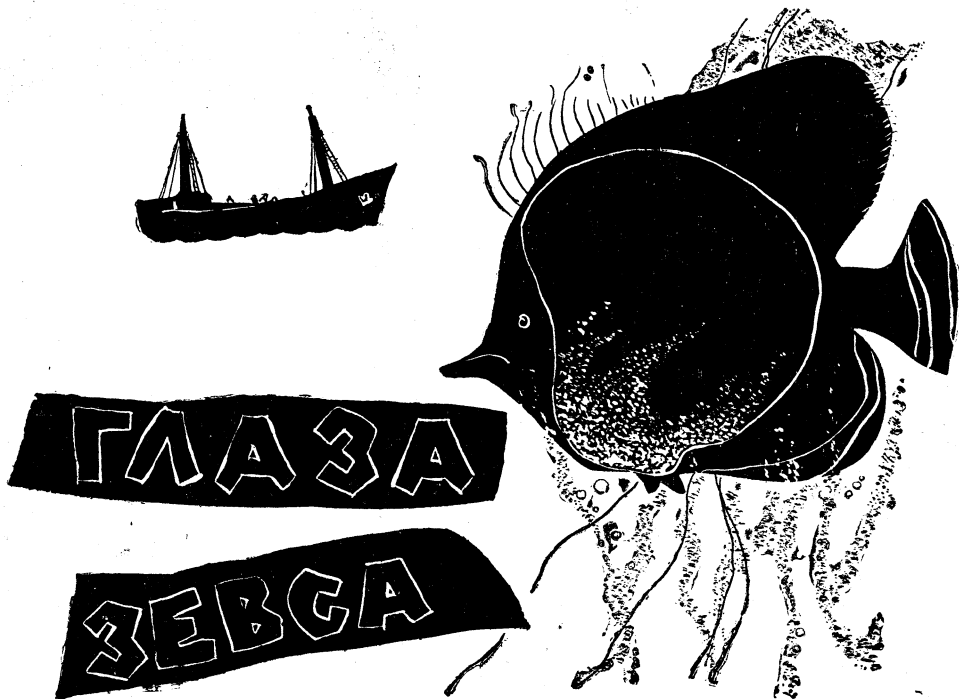
— А кто такой Фепкс?

Посоветовавшись, воины спустили ко мне в яму изрядно потрепанную книжку. «Нравы племени Сайто», — прочел я на обложке. Это было то же самое издание, что подарил мне мой знакомый.

Я углубился в изучение местной юриспруденции. С пятнадцатой страницы на меня глянула жуткая морда льва. «Фепкс», — с прокурорской краткостью гласила подпись. Я похолодел и уже с отчаяньем впился глазами в замусоленные страницы.

В книжке было сказано, что если племя предлагает выпить кровь вождя соседнего племени, то нужно тут же с негодованием разбить чашу об землю.

Вл. НАРКИНСКИЙ
Рисунок Г. Переватова

Рассказ

Валентин ЗОРИН

Рисунки Ю. Григорьева

Малый черноморский сейнер «Ингури» покачивался на низкой волне в миле от колхидского берега.

С палубы отчетливо была видна белая полоса прибоя у галечной отмели. Дальше зеленела цепь садов у предгорий, белели домики селения. А слева, казалось, плавала в утренней дымке сахарная, белоснежная до рези в глазах россыпь зданий Сухуми.

Полным какой-то томительной красоты был этот час, когда мокрая после приборки палуба слегка парит, когда вода кажется сотканной из радужных спиралей, а из камбуза тянет терпким запахом кофе.

Ночь на «Ингури» прошла за непредвиденным ремонтом двигателя, и теперь нужно было догонять флотилию, которая вела лов где-то в районе Поти и Батуми. Все уже разошлось по своим местам, и уже капитан-бригадир крикнул в мегафон: «Вира якорь!» Затарахтела лебедка, из клюза поползла мокрая цепь. Но тут же корпус судна вздрогнул, наполнился дребезжанием, а якорная цепь замерла и напряглась, как струна. Механик Ваню Хараву поспешно дернул рукоятку тормоза: якорь застрял.

Несколько попыток потравить цепь и снова выбрать ни к чему не привели. Помянув морского черта, механик заявил, что если так будет продолжаться еще с полчаса, то попросту не выдержит электромотор лебедки.

Скоб-трап с мостика на палубу внушительно загудел под каблуками капитана-бригадира. Покашливая в усы, он положил тяжелую руку на плечо шагнувшего ему навстречу рыжеватого парня.

— Давай, Васек! Сам видишь, без тебя...

— Есть! — звонко отозвался тот и потащил через голову рубашку, обнажая мускулистое, смуглое до бронзовости тело. Спуски с аквалангом, любимое занятие Василия Веденева, давно стали на «Ингури» его традиционной привилегией.

Боцман Рожко приволок из подшкиперской акваланг, помог матросу затянуть пряжки, приладить ласты, взгромоздить на спину баллоны. Вокруг стояли свободные от вахты рыбаки, уважительно помалкивали. И только когда Веденев шагнул на шаткий шторм-трап, лаборантка Дуся из группы работавших на «Ингури» ихтиологов крикнула что-то веселое, ободряющее.

Смесь подавалась отлично, дышалось легко и свободно. В ушах пискнуло, закололо на миг, а затем вместе с тишиной пришло упоительное ощущение полета. Тело словно утратило вес, полностью растворилось в колеблющихся полосах света. От этого ощущения хотелось петь, — громко, в полную силу легких...

Отличной была и видимость: солнечные лучи пронизывали пятнадцатиметровую толщу воды насквозь, до самого грунта. Якорная цепь уходила вниз отвесно. Вокруг нее уже вились стайками

мальки лобана — крохотные полупрозрачные рыбки. Но вот распластанная тень аквалангиста упала на них, и мальки исчезли. Веденеев встал на каменистый грунт, подождал, пока уляжется темное облачко взбудораженного ила, огляделся и мысленно ахнул.

Лапы якоря «Ингури» лежали под двумя белыми колоннами. Покрытые продольными ложбинами коринфского ордера, с остатками разбитых капителей, эти колонны покоились на каких-то острых, тоже белых обломках. Было ясно, что якорь проскользнул в щель между колоннами, а затем развернулся, взвалив на свои лапы непосильную для электролебедки тяжесть.

Нет, открытия не было. Василий знал, что поблизости, на берегу древней Колхиды, ведутся раскопки легендарной Диоскурии. Знал, что археологами найдено уже немало интересного. Настанет черед и этих колонн, ушедших тысячелетия назад в глубину черноморских вод... Надо было освобождать якорь, но Веденеев медлил, зачарованный увиденным. Он сделал шаг, другой, третий, — безмолвный, таинственный мир звал куда-то.

Сразу за остатками колонн грунт начинал покатку уходить в глубину. Складывалось впечатление, что эти колонны когда-то стояли у самой оконечности городских сооружений. Да, вероятно, так оно и было... И тут у Веденева появилось ощущение, будто кто-то пристально рассматривает его. Оно было таким сильным, что Василий обернулся, инстинктивно протянув руку, словно отстраняя что-то. Стало не по себе: вспомнился прочитанный давным-давно рассказ охотника за акулами, в котором говорилось о предчувствии нападения. Но ведь черноморские акулы на человека не нападают...

Ощущение взгляда становилось почти мучительным. Веденеев пригнулся, будто и в самом деле ждал нападения. И, невольно отступив на шаг, замер.

Из-под обломков камня, из-под песка и ила на него внимательно, в упор смотрели желтые блестящие глаза.

В следующий миг Веденеев различил высокий белый лоб, вернее, край его, разглядел завиток мраморных волос и успокоенно вздохнул несколько раз всей грудью. Глаза, несомненно, принадлежали отбитой голове какой-то скульптуры. И хотя они, казалось, неотрывно следили за человеком, нарушившим спокойствие глубины, — все-таки это был только мрамор...

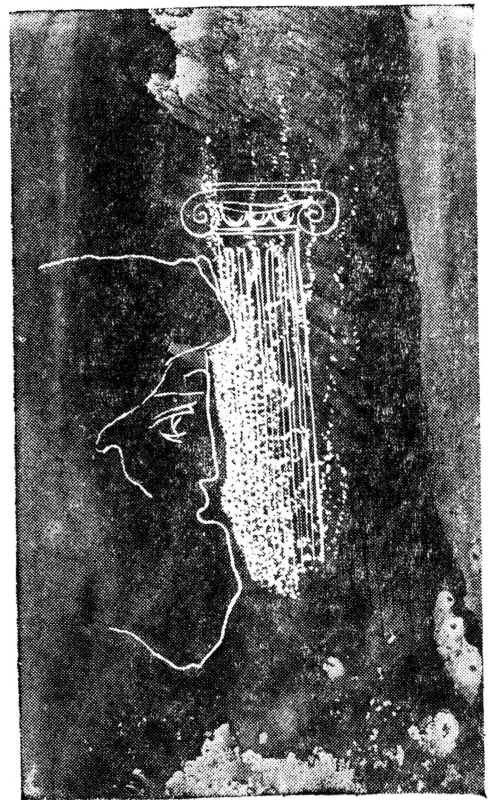
Чтобы хоть как-то стряхнуть возникшее чувство неловкости, Веденеев приветственно помахал голове рукой и вернулся к колоннам, — нужно было освобождать якорь.

Он потряс якорь-цепь, и сверху тотчас же скользнул манильский тросик. Развернуть лапы якоря, а затем занайтовить находку было делом нескольких минут.

Спустя четверть часа «Ингури» весело пыхал синим дизельным дымком. Вдали медленно проплывали пологие берега Колхиды. А вокруг сияло, переливалось нестерпимым блеском море.

Мраморная голова стояла на крышке трюма. Вокруг толпились все те, кто почему-либо не был занят работой в этот час.

— Третий век нашей эры. Или второй, — авторитетно заключил ихтиолог Петр Иванович. — Период заката Диоскурии. Судя по выражению лица, это Зевс, верховное божество... Но необычный,

черт возьми, материал — глаза-то! Стекло, не стекло... И смотрит — аж неловко как-то...

Он нагнулся, чтобы поковырять желтые глаза пальцем, но смутился и ушел. Моторист Шалва Гванцеладзе, занявший его место, весело свистнул:

— Ну, повезло тебе, душа, дорогой! Сухумский музей за такую находку не меньше червонца отвалит!..

— Ладно, убирайте этого идола, — рассудительно заметил, наконец, капитан-бригадир. — А то прямо какой-то культ личности развели!..

Веденеев, напрягаясь, поднял свою находку, отнес ее в кубрик. До вахты было еще целых два часа, и Василий, не раздеваясь, прилег на койку.

Пристроенная у переборки мраморная голова смотрела прямо на него. Взгляд желтых глаз не будил сейчас никакого неприятного чувства. Скорее, он был даже дружелюбен.

— Ну, ты, Юпитер! Или как там тебя... Зевс! Ты парень, вроде, ничего... — пробормотал Веденеев, глядя в эти глаза и чувствуя легкое головокружение.

Ему показалось, что он плывет, все глубже уходя в мир желтого сияния. Попытался привстать, приподняться на локте, но желтый туман уже окутал сознание непроницаемой пеленой, и Веденеев провалился в него, беспомощный и легкий, как перышко, подхваченное мощным потоком.

...Была жаркая и пыльная площадь большого города. Остро пахло невыделанными шкурами, молодым вином и угольным чадом. Скрипели колесами повозки, ревели быки. Звенел товаром — окованной медными бляхами сбруей — бродячий торговец-сармат с дубленным лицом.

Через площадь пылили сандалиями жрецы Артемиды,— их зеленые с черным хламидами выглядели странными в этот зной. Поблескивали браслетами на запястьях свободнорожденные, вдоль домов тащились илоты, оставляя после себя густой запах пота и еще чего-то, что было запахом неволи, горя и страха.

В конце площади вздымались над морем сдвоенные колонны храма Диоскуров — Кастора и Полидевка...

Где-то совсем близко вдруг гнусаво запели кожаные трубы, вразной ударили тимпаны. Толпа шарахнулась, расступилась: на площадь, колыхаясь, выливалось шествие.

Позади отряда бронзоволатых гоплитов, чванливо задрав завитую по чужеземному обычаю бороду, вышагивал сам великий архонт Диоскурии — Евлех. Потом пылил оркестр. А за ним везли на повозке что-то громоздкое, прикрытое овчинами. Рядом с повозкой несколько воинов подталкивали белокурого пожилого человека, одетого в лохмотья.

— Поликсен... Учитель Поликсен... — зашептались, забормотали в толпе.

Белокурый обернулся, повел вокруг печальным взглядом желтых пронзительных глаз. Воины загорланили, взмахнули копьями... А над толпой продолжал плыть невнятный говор:

— ...Вы помните, как много лет назад он появился у нас? Тогда за холмами упала звезда, и

лес упал, подкошенный неведомой силой... Он умел предсказывать погоду и затмения солнца. Учил справедливости и говорил, что все люди равны... Учил неведомым ремеслам...

Между тем процессия придвинулась к храму. Великий архонт махнул рукой. Служители сорвали овчины с повозки, сняли с нее нечто тяжелое и бегом протасили к ступеням. Стража расступилась. Рядом со связанным Поликсом стояла его мраморная копия — гордое лицо, крутые кольца волос, густая борода, сдвинутые брови.

Поплыли к небу жертвенные куренья, засуетились, а затем сразу замерли жрецы. Архонт Евлех подбоченился на ступенях храма, чуть качнул серьгами-кольцами, и тотчас же тонким голосом закричал глашатай:

Явившись к нам неведомо откуда,
Заполнил умы учением ложным...
Предерзостно отверг дары богов
И промысел людской посмел, безумец,
Превыше олимпийских сфер поставить...
Во всем замыслил стать богам подобным,
Свой облик высек в мраморе предвечном,
Забыв, что человек — ничтожней червь...
Совет жрецов разгневаных решил:
Разбить сей образ и предать обломки
С кощунствующим вместе — Посейдону!

Сразу зашумела, заволновалась толпа, прихлынула к храму. Но бронзоволатые гоплиты обнажили мечи и, выровняв щиты в сплошную линию, оградили от толпы архонта, окружавших его жрецов, Поликсена и статую возле него...

— Великий архонт... боится! — шептались люди, жадно глядя, как жрецы вздымают руки, как дымятся благовонные куренья, как у нижней ступени храма воины скручивают Поликсену руки.

— Люди! — Белокурый богоотступник гордо вскинул голову.— Помните, так будет не всегда! Придет время, и рухнут придуманные вами идола, и все вы станете равны между собою... Но сколько вам еще ждать, люди Голубой планеты! Прощайте! Я все-таки рад, что хоть и раньше времени, но узнал вас!

Поликсен умолк. Связанного, его швырнули на повозку, где уже лежала снова мраморная скульптура. Воины вскинули копья, на бронзовых наконечниках блеснуло солнце. И все шествие двинулось туда, где ослепительно сияло море...

Веденев с трудом пришел в себя. Боцман ожесточенно тряс его за плечо:

— Что с тобой? Вставай же на вахту!..

У Василия кружилась и болела голова, хотелось закрыть глаза и лежать, лежать без движения...

Вечером в кубрике, за кружкой горячего чая, Веденев рассказал товарищам о своем сне.

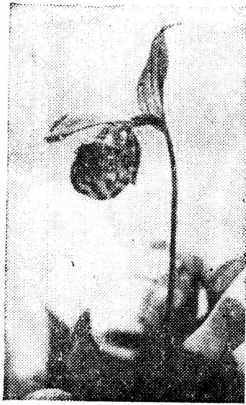
— Да-а, любопытная гипербола,— покачал головой ихтиолог.— Дай-ка, я запишу...

А механик Харева поцокал языком, затянулся сигаретой.

— Говоришь, все желтое? Точно, типичное отравление азотом... Надо акваланг проверить. А Зевса этого, генацвале, в музей отдай...

Попадая в Сухуми, Веденев каждый раз обязательно заходит в музей. И там подолгу стоит возле скульптурной головы с завитками мраморных прядей, с пронзительным взглядом желтых глаз. Под ней табличка: «Голова Зевса».

Но Василий-то знает, что это совсем не так...

ВЕНЕРИНЫ БАШМАЧКИ

Около станции Исеть Свердловской области раскинулось топкое болото, заросшее осокой, низким кустарником да чахлыми серенькими березками. На исетском берегу его, в глухой заросли, лежит небольшое тенистое озерцо. Тропка к нему, проложенная когда-то рудознатцам, давно заросла. Стройные сосны и молодые ели стеной закрывают серебристую гладь воды.

Здесь, у озера, один раз в восемнадцать лет цветет чудесный южный цветок — орхидея — «Венерин башмачок», неизвестно когда и кем занесенный на Урал из далеких тропиков. На тоненьком прозрачном стебельке — нежный изящный башмачок, расписанный нездешними узорами.

Может быть, этот цветок чудом сохранился в глухом уголке уральского леса с древних геологических времен? И не с него ли в старину переняли фасон своих расписных башмачков местные красавицы?

Г. БЕЛЬДЯГИН

Уважаемая редакция!

Прошу вас сообщить, как оформить подписку на выпускаемый вами журнал «Уральский следопыт». По какому адресу нужно выслать почтовым переводом деньги?

Г. КОРЕННОВ, г. МОСКВА

НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Отвечаем тов. Г. Кореннову и всем другим читателям нашего журнала, которые обращаются в редакцию с аналогичными вопросами. С этого года подписка на «Уральский следопыт» принимается повсеместно без каких-либо ограничений. Подписаться на журнал можно по месту жительства и с любого месяца в соответствии с правилами подписки. Наш индекс в каталоге Союзпечати — 73413.

Редакция «Уральского следопыта».

В НОМЕРЕ:

КАК РОЖДАЮТСЯ ПЕСНИ <i>Е. Долматовский</i>	1
ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ <i>В. Альтов</i>	13
СТИХИ <i>Николай Мережников</i>	16
ПОЕДИНОК <i>А. Швецов</i>	18
САМОЦВЕТНАЯ ХИМИЯ <i>Д. Финкельштейн</i>	23
РОДНОМУ ЛЕНИНУ <i>Е. Костина</i>	26
НОВОСЕЛЬЕ СОСТОЯЛОСЬ <i>На приз нашего журнала</i>	29
ЛЕГЕНДАРНЫЙ СУНДУК <i>Е. Раппопорт</i>	31
НАЧАЛОСЬ С ОТКРЫТИЯ <i>П. Могутин</i>	33
ОСТРОВИШКО <i>Н. Никонов. Рассказ</i>	36
БОРЬКИНА КАРЬЕРА <i>С. Прага. Рассказ</i>	40
ОТКУДА ЭТО СЛОВО <i>В. Житников</i>	50
СКАЗАНИЕ О ГРАДЕ НОВО-КИТЕЖЕ <i>М. Зуев-Ордынец. Продолжение</i>	53
В ТЫЛУ У КОЛЧАКА <i>И. Плотников</i>	73
В ГОСТЯХ У САЙТО <i>В. Наркинский. Юмореска</i>	76
ГЛАЗА ЗЕВСА <i>В. Зорин. Рассказ</i>	

Обложка В. Воловича и С. Киприна

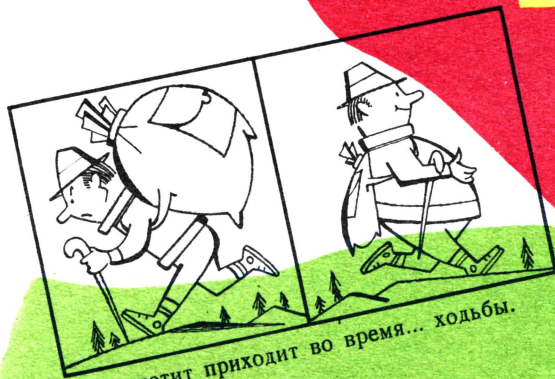
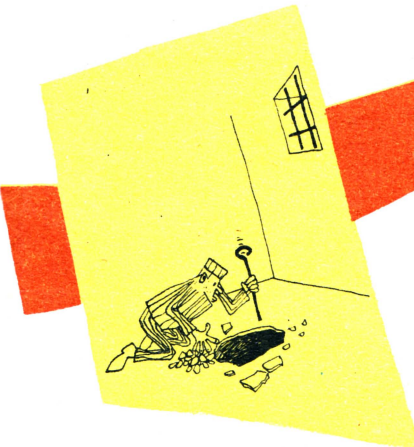
РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36
комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

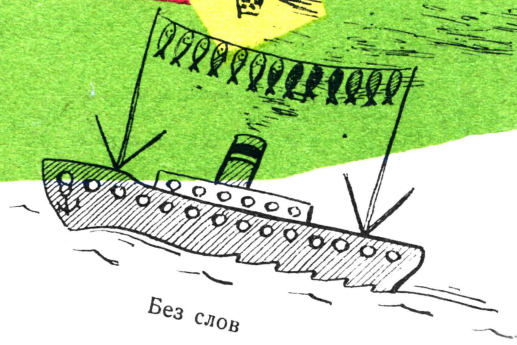
НС 23153. Подписано к печати 14/IV 1967 г.
Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
Уч.-изд. л. 9,81. Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ № 87.

Типография издательства «Уральский рабочий».
Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской
фабрике офсетной печати.

Иностранный юмор

Аппетит приходит во время... ходьбы.

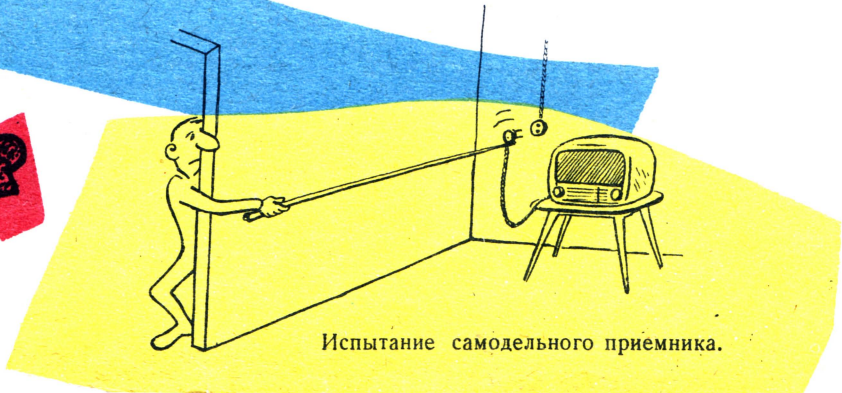

Без слов

Рисунки

В Тесленко, С. Вайсборда,
Н. Мамаева

Испытание самодельного приемника.

Н. ЧЕРКАСОВ (Челябинск)

УРАЛЬСКИЙ ГОРОДОК

30 коп.

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ.

**Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН,
МУСА ГАЛИ, В. ЖИТЕНЕВ, С. ЗАХАРОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН,
А. МАЛАХОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответствен-
ный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ**